

Ольга Сурина - Чистякова

Не первая Вера

Ольга Сурина-Чистякова

Не первая Вера

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68398837

SelfPub; 2022

Аннотация

Нас с детства предупреждают: "Не разговаривай с незнакомцем!" Но чем такой разговор может закончиться, Вера не представляла. Ежегодно бесследно пропадают сотни людей. Ответ на вопрос: где они? Рядом. Ближе чем кажется обычному человеку. И речь совсем не о криминале...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	20
Глава 4	31
Глава 5	37
Глава 6	42
Глава 7	49
Глава 8	55
Глава 9	62
Глава 10	69
Глава 11	73
Глава 12	80
Глава 13	85
Глава 14	90
Глава 15	96
Глава 16	102
Глава 17	108
Глава 18	112
Глава 19	119
Глава 20	131
Глава 21	137
Глава 22	146
Глава 23	152

Глава 24	161
Глава 25	168
Глава 26	177
Глава 27	186
Глава 28	192
Глава 29	199
Глава 30	207
Глава 31	215

Ольга Сурина-Чистякова

Не первая Вера

Глава 1

«Я – Вера. Вы – надежда на спасение! Умоляю!!! Спасите мне жизнь! Туда, где Вы нашли записку, положите кусок ГРАНИТА!!! Скорее! Важно!»

Уборщица краеведческого музея, Любовь Михайловна, ещё раз пробежалась глазами по буквам, написанным не то красной пастой, потускневшей от времени, не то кирпичом на мягкой желтоватой бумаге или ткани, и пожалала плечами: «Муть какая-то...». Записку она подобрала с пола перед большим чугунным горшком. Женщина заглянула в широкое горлышко: там что-то мерцало. От этого в глазах зарябило, как когдаходишь из темноты на солнечный свет. Она устало потерла глаза, сунула странную записку в карман, и неспешно продолжила мыть полы на втором этаже в зале бытовой утвари девятнадцатого века.

Было уже семь вечера, музей был закрыт. Посетители и руководство разошлись. На первом этаже, охранник разгадывал очередной сканворд. Рядом с ним делала домашнее задание Лиза – внучка Любовь Михайловны; ждала, пока та закончит со своей подработкой к пенсии и они вместе отпра-

вятся домой. Тихонько играло радио. За окном начался унылый октябрьский дождик.

Лиза жила недалеко, всего в паре кварталов. Родители возвращались с работы поздно. Ей не хотелось сидеть дома одной, поэтому три раза в неделю она, после музыкалки, шла сразу в музей, где подрабатывала бабушка. Здесь девочка оставляла школьный рюкзак и одежду в служебном помещении, до закрытия таскалась по залам, глаза в сотый раз на достопримечательности и ценности, которыми гордился местный музей. Экспонаты редкостью на её взгляд, конечно, не являлись, иначе их бы забрали в федеральный государственный музей: печные горшки, вышитые рушники, массивные угольные утюги, коромысла и резная детская люлька. Пожалуй, по-настоящему ей нравились только ковры местных умелиц и кости мамонтов, которые каждое лето вылавливали рыбаки из местных рек. Она гадала: «Откуда брел этот мамонт? Был он один или их переправлялась через реку большое стадо? Как археологи могут отличить челюсти и кости мамонтов от коров, например?». Осмотрев все местные «богатства» в очередной раз, и не найдя ничего нового, Лиза бралась за уроки.

Когда Лиза доделала самую последнюю нелюбимую математику, перед крыльцом налило порядочную лужу. Любовь Михайловна уже домыла пол, убрала ведро и тряпку:

– Лизок, ты закончила уроки? Сейчас я немного отдохну, и пойдем, – она глянула в окно:

– Хоть бы дождик перестал. Мы с тобой без зонтика.

Присев на табуретку, старушка вытерла пот со лба и вытащила из кармана записку, которую нашла на полу на втором этаже. Глянув ещё раз на странную бумагу, протянула её охраннику:

– Вот, смотри, на втором этаже валялась около «Великана» (так прозвали самый большой в музее горшок на сорок литров). Сперва подумала, что кто-то из посетителей обронил, хотела выкинуть. Потом смотрю, буквы чем-то накарябаны и бумага не бумага, а не понять что.... Завтра ты отдай Светлане Юрьевне, как придёт с утра. Может, из хранилища потеряли?

Охранник Валерий, тоже на пенсии, протянул руку и без интереса прочитал записку:

– Балуется кто-то, скучно жить... Ладно, отдам, мне не трудно, – он положил «послание» на стол.

Лиза собрала рюкзак и уже начала натягивать шапку, когда взглянула на смятую желтую бумажку на столе. Пока бабушка одевалась, Лиза её прочитала, и глаза округлились от удивления! Как можно было не предать значения?! Выбросить?! Тут же говорится о спасении жизни!

– Бабушка, ба, ты это у «Великана» нашла? Рядом на полу? Может это из него выпало?

– Да, где-то там, а что? – Любовь Михайловна уже направилась к двери, – Пойдём.

– Нет, мы же должны помочь! Видишь? Тут «умоляют» и

«скорее» написано!

– На заборах тоже пишут, – устало буркнул Валерий и уткнулся обратно в сканворд.

– Баб, ты постой тут, я быстро гранит в зале геологии возьму ненадолго, ладно? – Лиза с готовностью сдернула шапку.

– Ты с ума, что ль, сошла? Веришь ерунде всякой! Пойдем, говорю. Там уж, наверное, мать с отцом вернулись, голодные... – Любовь Михайловна махнула рукой.

– Ну, бааааб!!! – непривычно заканючила Лиза, – Но ведь это минутка! Ну, ...баааб...

– Да я уж полы там везде протерла и свет выключила, – не уступала Любовь Михайловна, уже досадуя, что внучка увидела эту проклятую записку.

Лиза решительно направилась к лестнице:

– Всего минутку и пойдем!

Вздыхнув, Любовь Михайловна пошла вслед за внучкой, которая зажав записку в левой руке, уже скакала по лестнице на второй этаж.

Поднявшись, и включив свет в залах второго этажа, они зашли в «Геологию». Там Лиза, прекрасно зная расположение экспонатов, уже открывала стеклянный стеллаж с горными породами региона.

– Постой, ты! Ещё уронишь чего-нибудь! – заволновалась бабушка. Лиза обернулась, победно держа на ладони кусок серого непримечательного гранита.

– Это он? Да?

– Да, да. Запомни, откуда взяла, на место вернешь! – строго ответила Любовь Михайловна.

– Что тут запоминать-то?! Подписано ведь всё, – отмахнулась Лиза и поспешила в зал бытового инвентаря. Там она по-хозяйски огляделась. Спросила ещё разок для верности:

– Ты вот тут прямо рядом с «Великаном», на полу нашла, да?

– Да. Ты что делать-то надумала? – Любовь Михайловне эта затея начинала казаться уже не просто ребячеством, а нарушением трудовой дисциплины с её стороны, чего она, конечно, не должна была допускать.

Лиза прочитала вслух: «...где Вы нашли записку, положите кусок земного ГРАНИТА!», – она аккуратно опустила кусок горной породы в огромный горшок и замерла. Ничего из того, что она ожидала, не произошло: из горшка не повалил дым, не затряслось всё вокруг, даже свет не замигал. Лиза разочарованно вздохнула.

– Ну, вот, – удовлетворенно заметила уставшая бабушка, – Такая уже ты у меня взрослая! А всё веришь всему, как маленькая. Пойдем домой. Только гранит на место отнесем.

Лиза засунула руку в горшок, пошарила там, и в спину выходящей из зала бабушке удивленно пробормотала:

– А его там нет больше...

Любовь Михайловна сердито оглянулась:

– Закончили, говорю, шутки шутить, домой пора!

– Баб, да его нет там! Я только опустила и он, видно, про-

пал, – Лиза оторопело шарила в горшке.

Любовь Михайловна подошла и заглянула в горшок – он был пуст. Потом поискала глазами по полу: вдруг внучка мимо уронила? Но тут же одернула себя: гранит упал бы с грохотом и они бы точно услышали. Она своими глазами видела, как Лиза его внутрь опустила. Камня нигде не было, будто в воду канул. «Потеряли экспонат!!!», – пронеслось в её голове, – «Уволит меня завтра Светлана Юрьевна, где я другую подработку рядом с домом найду?!».

Лиза осмотрела горшок ещё раз – ничего в нем необычного не было, ни надписей, ни рисунков. Чугунок как чугунок, только большой. Разжав пальцы, взглянула на записку, но понятней, куда подевался кусок горной породы, не стало. Любовь Михайловна строго смотрела на внуку, готовясь к длительной нравоучительной беседе.

Пытаясь подобрать слова, чтобы они звучали как можно более убедительно для внучки и для себя самой, она проговорила:

– Мы просто с тобой устали. Сейчас нам нужно пойти домой, поужинать и выспаться, как следует, а завтра... Нет, послезавтра, я на смену приду пораньше, со Светланой Юрьевой переговорю, что, мол, ты взяла гранит поиграть и потеряла. Может, компенсировать можно будет, без увольнения? Всё-таки гранит, не изумруд какой...

– Но, бабушка! Ведь ты и я, и Валерий Владимирович, записку эту читали, а камень и вправду сам пропал! Думаешь,

так должно быть? Мы спасли эту Веру, из записки?

Любовь Михайловна вздохнула, смяла записку и выбросила с мусорное ведро:

– Всё нам померещилось от усталости. После разберемся, куда камень закатился. Хватит об этом, – они спустились вниз и побрели под дождиком домой. Валера закрыл за ними дверь на ключ и вернулся к сканвордам.

А где-то далеко-далеко от нашего мира по пустынным улицам ночного города бежала женщина Вера, прижимая к сердцу кусок гранита. Теперь у неё был шанс спастись и от этого сердце бешено билось. Шум погони был уже близок. Она не знала, кто дал ей этот шанс, но была безмерно благодарна. Она бежала и молилась о том, чтобы получилось то, на что она всей душой надеялась: вернуться домой.

Глава 2

Меня зовут Вера. Я пропала девятого июля две тысячи двадцать второго года в городе Тюмени в двадцать пять минут первого ночи с набережной. Ни мои родственники, ни знакомые, ни мой муж не знают, где я нахожусь. У меня не было возможности сообщить им о том, что я жива. Это угнетает меня больше всего: все мои близкие, вероятно, уже смирились с моей смертью и не надеются когда-либо увидеть меня. Я стараюсь гнать от себя эти мысли, но они, словно незаживающая рана, снова и снова причиняют мне боль.

В тот летний вечер мы с мужем решили прокатиться на машине по ночному городу. Уже стемнело, мы катались по улицам на нашей «Ладе», слушали радио, болтали и наслаждались выходным вечером. Детей у нас пока нет, мы решили ещё год-другой повременить, пока не купим своё жильё. Поэтому дома никто не ждал, торопиться было не нужно. Полная свобода, рядом любимый человек, за окном машины летний ветер, в голове приятные хиты любимой радиостанции... Я тогда не могла предположить, что скоро мы расстанемся. Была абсолютно счастлива.

Я часто возвращаюсь в тот момент, чтобы не сойти с ума. Вдыхаю воображаемый воздух ночного июльского города, вспоминаю, как пахла его туалетная вода, его сигареты. Па-

мять хранит запахи бережнее.

Мы подъехали к набережной. Оставили машину на парковке наверху и спустились на нижний уровень, к самой реке. Болтая о чем-то, мы смотрели, как гуляют по набережной влюбленные пары, кто-то то и дело проносился мимо на роликах или велосипеде. У реки было свежо, дневной зной отступил. Уходить совершенно не хотелось. Ночь принадлежала нам.

– Давай, купим пиццу и дома завалимся смотреть какой-нибудь длинный фильм, – предложил муж и улыбнулся.

Взявшись за руки, мы стали подниматься по ступеням витой лестницы. Машина вдруг не захотела заводиться. Муж открыл капот, стал что-то там смотреть. Я не разбираюсь в машинах, поэтому, не разделив его опасений по поводу свечей, спустилась опять на набережную, чтобы не мешать; повернулась к реке и смотрела на отражения фонарей в неспешных водах Туры.

Набережная понемногу пустела, люди проходили мимо меня, расходились по домам. Я задумалась. Тут очень вежливый голос прервал мои размышления:

–Извините, Вы – местная?

От неожиданности я вздрогнула. Рядом стоял мужчина лет пятидесяти пяти в деловом костюме и белой рубашке. Несмотря на летний зной, поверх костюма на нём был плотный длинный плащ. Мужчина был среднего роста, среднего

возраста и средней внешности, без особых примет. «Так могут выглядеть сотрудники Федеральной службы безопасности» – вдруг мелькнула мысль. Я покосилась наверх, где на парковке муж всё ещё разбирался с машиной.

– Да, местная, – вежливо ответила я, соображая, как быстро мой муж сможет меня спасти, если этот незнакомец начнет вести себя неподобающе.

– В таком случае, я вынужден просить вашей помощи, уважаемая леди, – продолжал мужчина и задумчиво глянул куда-то вдаль:

– Я заплутал в Вашем прекрасном городе и не могу найти Заречный микрорайон. Вы, как местный житель, не будете так любезны, указать мне верное направление? В противном случае очень важная встреча окажется под угрозой срыва...

Я, всё ещё оглядываясь на мужа, который был в каких-то двадцати метрах от меня, выдохнула: человек просто заблудился. Медлительная речь его настораживала. Деловой костюм, застегнутый на все пуговицы, когда даже в полночь температура около двадцати градусов жары, вызывал недоумение. Вдобавок ко всему, плащ. Длинный до пола черный плащ, как у Дракулы. Да и какие могут быть срочные встречи в Заречном микрорайоне в полночь?

Я, стараясь говорить как можно более непринужденно, ответила:

– Вам повезло. Видите пешеходный мост? Пройдите по нему, и Вы уже в Заречном микрорайоне. Доброго вечера,

нам с мужем пора ехать, – я махнула рукой в сторону парковки, где, словно в подтверждение моих слов, наконец-то взревел мотор нашей машины.

Мужчина оглядел меня с ног до головы внимательным и, как мне показалось, придирчивым взглядом:

– Благодарю Вас, уважаемая леди, мне действительно повезло. Уж не думал, что сегодня у меня получится порадовать начальство.... Позвольте ещё только один вопрос: Вам же ещё нет тридцати?

Я инстинктивно отступила на пару шагов и уже приготовилась звать мужа. Человек в костюме степенно развернулся, поднялся на пару ступеней вверх по лестнице, ведущей к парковке. Затем снова повернулся ко мне. Театральным жестом, взявшись за полы своего плаща, полностью раскрыл его, став похожим на нелепую летучую мышь в деловом костюме. Правой рукой он прочертил в воздухе воображаемый круг, что-то пробормотал. Воздух вокруг нас стал удивительно прозрачен, будто потеряв привычную плотность. За полами черной ткани плаща на секунды скрылась из виду парковка и муж, настороженно смотрящий в мою сторону. Меня и этого незнакомца в распахнутом плаще, окружил серый туман. Он развеялся так же внезапно, как и появился.

Мужчина спокойно опустил полы плаща и вежливо заметил:

– Чуть было не опоздали.

Он со значительным видом постучал по циферблату сво-

их часов, которые представляли собой отполированный кусок гранита без циферблата и стрелок. «Точно, псих, какой-то», – подумала я и решительно направилась наверх. Он не остановил меня, отступил в сторону, давая дорогу. Я шагала, звала мужа, но никто не отозвался. Когда я поднялась наверх, ни нашей машины, ни моего мужа не было. Более того не было ни единой машины и ни одного человека наверху. Только ночная летняя прохлада, тишина и фонари вдоль совершенно незнакомой дороги.

Я непонимающе огляделась по сторонам. Город был определенно другой. Дома невысокие, одноэтажные и двухэтажные, немного похожие на дома Тюменского купечества на рубеже восемнадцатого – девятнадцатого веков. Оглянувшись: мужчина в плаще неподвижно стоял на лестнице, повернувшись к реке. Я ещё раз беспомощно посмотрела по сторонам в поисках мужа, машин или других людей – вокруг не было ни души.

Решив, что если что-то не так наверху, я вернусь обратно. Я спустилась вниз, не оглядываясь на человека в костюме. Когда лестница кончилась, вместо второго уровня набережной я ступила на рыхлый песок. Набережной тоже больше не существовало. Пешеходный мост, парапеты, статуи, скамейки – всё исчезло. Только река так же спокойно несла свои темные воды. Я запаниковала – местность была совершенно не знакомая. «Я, конечно, сплю» – решила я и изо всех сил укусила себя за руку. Боль была яркая и очень настоящая.

Стараясь не паниковать, а выяснить, что происходит, с решительным видом повернулась к единственному человеку у реки и увидела, что незнакомец улыбается:

– Вы не спите, не в обмороке и не в коме, и даже не сошли с ума. Это так.... Уж слишком часто меня спрашивают об этом. И, нет, Вы не умерли, по крайней мере, пока. Но что же мы стоим? Нам нужно спешить! Мне бы хотелось Вас подарить именно сегодня, в день рождения Алькальда! Едем!

Окончательно теряя самообладание, я крикнула:

– Я никуда с Вами не пойду! Не подходите ко мне! Кто-нибудь помогите! Никто не отозвался.

– Помогите! Есть здесь кто-нибудь?! – уже в полной истерике заорала я. Несколько раз громко позвала мужа, потом опять кого-нибудь, потом просто орала: «На помощь! Полиция!». Вокруг стояла тишина. Я стучала в окна ближайших домов, но мне никто не ответил.

– Ну, что ж Вы, уважаемая леди, так надрываетесь? – спокойно и удивительно хладнокровно проговорил мужчина в плаще, – Можете представить, что Вас просто позвали в гости. Незачем орать. Думаю, Вы уже поняли, что на помощь Вам никто не бросится. Предлагаю Вам успокоиться и поехать со мной. Облегчите мою задачу: мне не хочется везти Вас в бессознательном состоянии.

Он зевнул и небрежно махнул рукой. Послышалось шуршание шин по гравию – подъехал черный автомобиль.

– Я никуда с Вами не поеду, – кричала я, – Где мой муж,

и мост, и город, и какого черта тут творится?!!

– Вопросы, вопросы, – устало констатировал мужчина, – Как вы все умудряетесь задавать одни и те же вопросы годами? Надоели вы мне... все одинаковые.

Я осеклась. Взвесив его слова, до меня дошло, что я не первая, не единственная, с которой произошло нечто подобное, а, значит, ответы на эти «одинаковые вопросы» есть.

– Я пойду в полицию! – злобно отчеканила я, направляясь туда, где стояла черная машина. Наверное, водитель мне поможет, решила я и, подойдя к машине, распахнула переднюю дверь. В машине тоже никого не было.

Человек в костюме не спеша подошел и сел на заднее сиденье и похлопал по месту рядом, будто подзывал собаку:

– Садитесь, уважаемая леди. Вся полиция города на дне рождения Алькальда. Мы туда и направляемся.

Я медлила. Всё ждала, что вот-вот этот глупый сон закончится, и я буду снова дома. Незаметно опять воткнула ногти в ладонь – больно. Голос предательски дрогнул, я почти жалобно попросила:

– Мне нужно обратно! Я домой хочу. Меня муж будет искать!

– Ну, ничего, поищет-поищет и перестанет, – успокаивающе проговорил он из машины, – Домой Вас я могу отправить, только если на это будет особое указание Алькальда. Вы – его подарок на день рождения: нужно у него спросить, что с Вами дальше делать.

– Будьте уверены, я спрошу. И я вам – не подарок! – рявкнула я и плюхнулась на переднее сиденье, изо всех сил хлопнув дверью.

Глава 3

Машина поехала сама, на автопилоте. Скоро фонари закончились, мы поехали в крошечной темноте. Фары освещали только небольшой участок дороги, так, что определить направление или найти какие-либо ориентиры было невозможно. Я озиралась по сторонам, пытаясь найти хоть что-то знакомое от Тюмени: Свято-Троицкий Монастырь, Строительную Академию, район Обороны, но ничего похожего не было. Местность скорее напоминала сельскую: грунтовая дорога, кусты. Мы явно выехали за город. Моя паника не давала вздохнуть. Нервы были на пределе. Однако мой спутник был молчалив и спокоен. Это нервировало ещё больше.

– Что значит, что я подарок? Вы меня похитили, да?! – Нервно сглотнув, спросила я.

– Вы меня утомили, уважаемая леди – раздраженно ответил незнакомец, – Вас не похитили, а, так, скажем, приобрели. Подарок – значит редкость или ценность, а не то, что Вы себе нафантазировали. Будьте вежливы, приветливы и для Вас закончится всё хорошо!

– Приобрели? Как вещь? Почему меня? Я не согласна! Мне домой пора! Остановите! – двери машины были заблокированы. Я ошеломленно захлопала глазами и отпустила ручку двери, – Приобретите кого-то другого! Много же жен-

щин с древней профессией! Я-то зачем?

Увидев мой испуганный взгляд, он устало добавил:

– Вас здесь никто не тронет, Вы здесь не для секса. Вы, так скажем, диковинка, чтоб удивить, порадовать руководство. Про дом лучше забудьте. Согласие Ваше тоже не требуется. Вы – потому что возраст и чистота вибраций подходящая для наших целей. Ещё аура красивая бонусом – синяя с золотыми отливами. Можно, сказать, повезло Вас встретить. Случайность! – он развел руками.

– Частота вибраций? Аура? Я точно сплю. Бред какой-то! Я что-то типа попугая что ли?

Он помолчал.

– Так я могу на Вас рассчитывать? – он подмигнул, будто мы условились о чём-то секретном.

– Нет, не можете! Чем я могу порадовать? Мне страшно! Я не понимаю, что происходит! – закричала я.

– А-а – Мужчина погрозил мне пальцем, – Не стоит шуметь. Я Вас уверяю, Вам ничего не угрожает, а вот Ваше благоразумие и послушание пойдёт на пользу.

– Вы сказали, что «все задают одни и те же вопросы». Этих «всех» Вы потом отпускаете домой? – мой вопрос прозвучал наивно даже для меня.

– Вообще не помню такого, – прозвучало в ответ, – Алькальд любит свои подарки, пока не поломаёт....

Страх сковывал, подступали слезы, в горле защипало: «Во что я вляпалась?!»

– Ах, да, забыл предупредить, – он почти по-дружески хлопнул меня по плечу, – Вы не плачьте пока. Поберегите свои слезы для Алькальда. Это, видите ли, довольно редкое явление здесь. Так что берегите их. Слезы конечны, так что не расходуи зря сразу все.

Я поражено молчала. Мы ехали уже минут десять, я решила взглянуть на часы. Каково же было моё удивление, когда оказалось, что время подходит уже к семи, стрелки движутся в обратном направлении и значительно быстрее, чем обычно. Я недоверчиво оглянулась на человека в костюме, потом вспомнила, что у него-то вообще вместо часов кусок камня, а потому не стоит спрашивать у него про время.

Впереди показались высокие железные ворота контрольно-пропускного пункта, как у военной части, но опознавательных знаков не было. Флаги, гербы, надписи и прочая символика отсутствовали. Я решила, что это военная база или гарнизон. Оказаться на дне рождения какой-то местной шишки в окружении пьяных военных – это совсем не то, на что я рассчитывала этой ночью. Тем более в качестве «подарка». Мысли роились самые нехорошие. Я вжалась в сиденье, когда мы въезжали на территорию. Несколько человек с автоматами вытянулись в струнку, отдали честь моему сопровождающему. Ворота с лязгом закрылись.

Я проглотила комок в горле и вышла из машины. Передо мной в теплоте летней ночи стоял ожидаемый для военного гарнизона длинный ряд казарм. В ближайшей горел свет,

двери, и окна были притворены. Оттуда доносилась музыка, громкие мужские голоса и женские взвизгивания. Поймала себя на мысли, что не хочу знать, кто и почему так вопит.

Я застыла. Мужчина в плаще тронул меня за локоть:

– Уважаемая леди, вам пока не сюда. Пройдемте.

Он пошел впереди, я поплелась следом, радуясь, что мы уходим подальше от шумной казармы. За нами следовали двое вооруженных людей. Впереди было небольшое одноэтажное здание. Там тоже играла музыка, но уже более утонченная и никто не кричал. Мы поднялись на крыльцо и мой спутник несколько раз постучал. Музыка за дверью стихла.

Громким голосом мой похититель объявил:

– Главный подарок для нашего великого Алькальда! Да будет имя его на устах потомков славиться вечно!

Дверь отворилась, и меня без особых сантиментов втокнули внутрь. Из темноты сразу попав под яркое освещение люминесцентных ламп, я почти ослепла. Когда глаза мои привыкли к свету, я поняла что нахожусь под пристальными изучающими взглядами десятка мужчин и нескольких женщин. Кто из этих мужчин главный было не понятно. Они все были в военной форме, но я не смогла бы определить у кого какое звание, ведь совершенно не разбиралась в воинских знаках отличия. Я решила ждать что будет. Почти не дышала. Только сердце стучало как сумасшедшее, и адреналин подскочил так, что подкашивались колени.

– О, это какое-то чудо! – донеслось откуда-то справа – Вы

видите? Какая чистота! Прелесть! А цвет... Синий с золотом! Поздравляю!

– Да, Марат превзошел самого себя! – подхватил кто-то.

Люди, казалось, изучают каждый миллиметр моего тела. От таких внимательных взглядов становилось неприятно и хотелось спрятаться. Женщины презрительно и ревниво фыркали. Мужчины смотрели, не отрываясь, будто я – редкая зверушка.

После ещё нескольких «лестных», как я поняла, отзывов обо мне, ко мне подошел высокий мужчина средних лет, взял за руку и отвел в сторону. Как по команде, все остальные потеряли ко мне интерес и снова включили музыку, вернулись к прерванным моим появлением разговорам. Я поняла, что Алькальд найден, вырвала свою руку, и затараторила как сорока:

– Вы понимаете, этот мужик странный что-то сделал! Всё исчезло, и нет никого! У меня муж. Он меня ищет! А город и набережная пропали, и дорогу я домой не знаю! Он сказал, что я – подарок, а я – не подарок! Я – просто Вера. Меня похитили! Я домой хочу! Мне на работу в понедельник!

Мой словесный поток иссяк и я разревелась.

– О, она – просто великолепна! – опять раздалось вокруг, – Такие прекрасные слёзы! Искренние! Совершенно даром!

Кто-то аплодировал, мужчины вокруг восхищенно цокали языками, отчего мне, зареванной стало вдвойне обидней.

Алькальд внимательно и спокойно смотрел на меня.

– Она – настоящее сокровище! – проговорил рядом какой-то пожилой военный, – Когда она исчерпает свои возможности для Вас, я с удовольствием куплю её по любой цене!

Стало противно и ещё более страшно. Алькальд добродушно осек говорившего:

– Уймись, Павел Сергеевич. Да, она прекрасна, я сам вижу. Может, даже лучше всего, что было раньше. Но не будем загадывать, торопиться...

Потом, уже обращаясь ко мне, заметил:

– Мы не будем торопиться, и делать преждевременные выводы. Погостите у меня сегодня, я прошу Вас. У меня день рождения и до вашего появления было очень уныло. Потом мы решим все ваши недоразумения. Я обещаю! – Он вопросительно взглянул на меня. Я нерешительно кивнула.

– Ну, вот и отлично. Кстати, спасибо, натуральные спонтанные слёзы мне не дарили несколько лет. Отдельно поблагодарю Марата, – заметил он и повел меня к столу с закусками.

– Вы, наверняка голодны, после «перехода». Так обычно бывает. Прошу Вас угощайтесь. В вашем городе с продовольствием куда как лучше, чем у нас, так что такие угощения могут позволить себе крайне редко и, конечно, не все – С этими словами он указал мне на стол, заваленный разнообразной едой и напитками.

Я сразу поняла, что он начал «набрасывать на себя пух», демонстрируя своё особое положение и привилегии. Это нормальное качество для любого начальника и для любого мужчины, поэтому я не впечатлилась. Помня строгие наставления мамы, что на вечеринках у незнакомых людей лучше не появляться, а уж если довелось, то ни в коем случае не есть и не пить там ничего (ведь там могут быть подмешаны наркотики), я вежливо покачала головой в знак отказа. Тут же почувствовав дикий, просто звериный приступ голода от аппетитных запахов со стола. Привычка справляться со стрессом «заедавая проблемы» дала о себе знать.

Алькальд пожал плечами:

– Что ж, как знаете. Тогда поведайте мне о себе, чем занимается женщина с такой чистой и светлой аурой?

– Меня зовут Вера. Я не понимаю, о какой чистоте и цвете вы тут все говорите. Я – просто самая обычная девушка и работаю менеджером: окна пластиковые продаю. А мой муж, наверное, уже с ума сошел, пока меня ищет, и семья тоже.

– Ах, оставьте эти ваши глупости, – отмахнулся Алькальд, – Это простое недоразумение, что у Вас оказался муж. Главное, что нет детей. Мы обычно... м-м, не приглашаем рожавших женщин и тех, кому уже исполнилось тридцать. Раньше брали всех, но потом обстоятельства изменились, появились ограничения.

Он сокрушенно вздохнул:

– Но, теперь, когда Вы уже здесь, постарайтесь поскорее

принять тот факт, что Вы принадлежите мне и я могу делать с Вами всё, что захочу.

При этих словах глаза мои вылезли на лоб, а воздух так и остался где-то в районе позвоночника. С невозмутимым видом мой собеседник продолжил:

– Потому что, во-первых – я в этом Кантоне решаю всё и за всех, – и он принял горделивый и надменный вид, – А во-вторых, Вы – мой подарок, как Вы уже поняли.

Алькальд лучезарно улыбнулся:

– Меня можете называть «Ваше превосходительство» или Алькальд.

– Это должность Ваша? Типа руководителя? Имени нет?

– Имя – для семьи. Алькальд – глава крупнейшего Кантона нашей агломерации. Надеюсь, мы будем друг другу полезны, станем «партнерами».

– Я не понимаю, как я могу быть Вам «полезна», – отчеканила я, – Я замужем и знать не хочу, для чего меня похитили! Я думала, что приехав сюда, смогу к Вам обратиться с просьбой: вернуть меня назад! Чтобы этот Ваш... подчиненный, вернул меня, откуда взял! И немедленно!

Алькальд сделал вид, что мои слова имеют значение не больше, чем жужжание мухи. Он рассеянно смотрел вдаль. Потом отошел и стал общаться со своими гостями.

Я стояла и не знала, что делать. С ужасом представляла, как именно меня собираются «использовать», вспоминая жуткие крики из казармы у входа на территорию гарнизона.

Я уже жалела, что уехала с места, где была Набережная. Теперь, даже если бы мне удалось улизнуть отсюда, я не знаю в какой стороне искать свой дом. Я вообще не понимала: где географически могу находиться. Близилось утро. Мужчины неторопливо вполголоса разговаривали, курили сигары, изредка бросая на меня любопытные взгляды.

Некоторые из женщин ушли. Две вальяжно расположились у мужчин на коленях и тоже курили. Человек в деловом костюме, Марат, кажется, который привез меня сюда так и не появился. Его миссия была выполнена и я не была уверена, что увижу его снова. В отчаянье, я представляла, как муж звонит маме и сестре, сообщает, что я пропала. У мамы больное сердце... Полное бессилие и абсурд происходящего лишил меня последних сил. Я устало сползла на стул рядом и тихо всхлипывала.

Алькальд вскоре подошел и сказал:

– Ну, что ж, я думаю, на сегодня наша встреча окончена. Не тратьте Вы слёзы напрасно, разве Вы не знаете, что они конечны? Потом их уже не добыть так просто! Удивительное расточительство!

На улице начало светать около четырёх утра. Гости стали расходиться.

Именинник наклонился ближе и заговорщицким шепотом проговорил:

– Мы с Вами обязательно должны познакомиться поближе. Ещё лучше – подружиться. Поймите, пока Вы под мо-

им бдительным вниманием, Вам ничего не грозит. Вскоре Вы научитесь ценить моё расположение, как многие здесь, – он зевнул, – Ночь выдалась долгая, всем пора отдохнуть. Вы пока поедете с другими «особями» в лагерь. Не обижайтесь, что я не могу провести с Вами больше времени сейчас, но в гарнизоне днем не должно быть женщин. Это строгое правило для всех. Даже для меня.

– Я не хочу никуда ехать. Я домой хочу. Вы меня отпустите? Вы же обещали... – заканючила я. Наткнувшись на ледяной взгляд, я замолчала.

– Я никогда не отпускаю мои подарки. Я не обещал Вас отпускать. Я собираюсь полностью Вас использовать. Вы – прекрасный экземпляр. Глупо было бы с моей стороны просто так выбрасывать нужную вещь, не так ли? – возразил он непререкаемым тоном.

Алькальд подошел к двери, за которой стоял охранник и что-то сказал ему, указывая на меня. Потом подошел и, взяв за руку, повел к двери:

– Я не прощаюсь. Уже вечером мы увидимся, и тогда наше знакомство можно будет продолжить.

Я вышла в свежее летнее утро из душного прокуренного помещения. Было зябко. Охранник довел меня до пропускного пункта, где стоял фургон. Задние двери его были открыты, словно пасть железного зверя. Внутри лежали какие-то серые длинные мешки. Охранник подвел меня и дал знак автоматом забираться внутрь. Я с трудом вскарабкалась

внутри, села на ближайший мешок и в нерешительности застыла, ожидая, что дальше.

Охранник, убедившись, что я устроилась, сказал кому-то в сторону:

– Сейчас остальных загрузим и можно отправлять.

В казарме, ближайшей к КПП, откуда ночью доносился шум и крики, было тихо. Окна и двери были плотно закрыты. Вдруг двери с шумом распахнулись, и наружу вывалилось около десятка разряженных и вульгарно размалеванных девиц разного возраста, веса и роста. Вели их к фургону два охранника.

Когда эта пестрая толпа подошла и загрузилась внутрь, выбирая места на серых мешках, в нос ударил резкий запах пота, алкоголя и крови. Отчего меня чуть не вывернуло. Я таких девиц видела только в фильмах, но об их призвании нетрудно было догадаться по их прокуренным и пропитым голосам, рыхлым и истасканным телам и грубому крикливому говору. Охранник закрыл двери фургона на ключ и спустя минуту мы двинулись.

Глава 4

Фургон мотало из стороны в сторону. Зловоние внутри скопилось, и я мечтала скорей выбраться наружу. Было темно, только полоска света пробивалась в сантиметр пространства между закрытыми дверями машины. Женщины на мешках беседовали между собой, не обращая на меня внимания. Я сидела голодная и уставшая, мне было страшно, но я всё ещё была уверена, что это скоро кончится, как-то всё разрешится, и я вернусь домой.

Сидеть было неудобно. Мешок был набит изнутри чем-то мягким, но неровным. Поручней и ремней не было, как и обычных сидений. При каждом толчке я рисковала полететь вверх тормашками на пол. На очередной кочке моя рука схватилась за что-то липкое и мягкое. Я с омерзением отдернула руку, но в темноте было не разобрать, за что же я пыталась удержаться.

Наконец фургон закрипел тормозами и остановился. Снаружи кто-то повозился с замком и выругался. Двери машины распахнулись, и на меня хлынул воздух и свет раннего летнего утра. Я поднялась и рассеянно посмотрела на свою руку – та вся была в запекшейся крови, какой-то слизи и волосах. Я отчаянно заорала и, попятившись из фургона, стала падать. По инерции схватившись за ближайший мешок, я

потянула его на себя, он «поехал» за мной. Я упала на пыльную дорогу, держа мешок в руке. Его тяжелое «содержимое» так и осталось в фургоне, на самом краю. Я села. На меня невидящими глазами смотрел труп женщины. Рот её застыл в гримасе боли, одного глаза не было, на голове зияла огромная рана. Я заорала в силу всех своих легких и попятилась от машины.

Мои попутчицы, ухмыляясь моей реакции, выпрыгивали из машины и заученными движениями выстраивались вдоль дороги неровным разномастным строем. Я сидела в пыли, яростно вытирая руку о придорожную траву и редела. Меня тошнило, мысли путались оттого, что я всю дорогу ехала на мешке с трупом. Осознав, что в машине ещё двадцать – тридцать таких мешков, я стала тихо подвывать.

Ко мне подошла крепкого вида женщина и рывком, ухватив за локоть, поставила на ноги:

– А вот и принцесса прибыла. Звонили про тебя уже. Чувствую, нахлебаюсь я с тобой дерьма досыта! Ладно, вставай, что раскисло?!

Она грубо подтолкнула меня в строй к остальным и начала перекличку. По списку не хватило пятнадцати человек. Женщина смачно сплюнула на пыльную дорогу, закрыла двери фургона и тот, как по команде двинулся дальше, увозя свой скорбный груз по месту назначения.

Я стояла на ватных ногах и думала, едут ли дальше в том фургоне те, кто не отозвался сегодня. Судя по равнодушным

лицам «особей» и их «надзирательницы», ничего из ряда вон выходящего не произошло. Обычный день в обычном аду. Я ещё раз постаралась сильно зажмуриться и резко открыть глаза: так иногда получается прервать плохой сон, но в этот раз не сработало. Кошмар был наяву.

После переклички колонна женщин двинулась к воротам другого пропускного пункта – на этот раз перед территорией «лагеря». Я шла, озираясь по сторонам, в надежде увидеть полицию или каких-то людей, к которым можно было бы обратиться за помощью, но никого поблизости не оказалось. Мысль попросить надзирателя меня отпустить я отбросила сразу, как и поиски сочувствия к моей беде у этих разукрашенных женщин: вряд ли бы услышала что-то ободряющее, да и чем они могли мне помочь? Сбежать тоже казалось несвоевременным, так как я не знала, где собственно нахожусь, и куда мне надо попасть. Я решила плыть по течению.

На КПП все женщины для входа предъявили татуировки на запястье, похожие на штрих-код в магазине, только в форме круга диаметром в пять сантиметров. Их «считывал» автомат и пропускал по одной. Затем они проходили металлодетектор и наконец, их обыскивали люди в военной форме. Я была проведена «надзирательницей» без обысков.

Территория лагеря в пару гектаров была расположена в лесу. По периметру стоял высокий забор из бетонных блоков. По верху была пущена колючая проволока. По тихому равномерному гулу, можно было догадаться, что по прово-

локе пущен ток. В центре на большой поляне располагались одноэтажные строения – длинные жилые бараки. Я никогда не была в тюрьме и видела зону только по фильмам, но я ни минуты не сомневалась, что «лагерем» это место называют снисходительно, не отражая его суть.

Все женщины, с которыми я приехала, пошли мыться после тяжелой ночи, переодеваться в однотипные серые мешковатые платья, чтобы после завтрака приняться за работу. Работы в лагере было много: здесь был скотный двор, где держали свиней и коров, был птичник, а также большое поле с различными овощами и злаками. Кроме того, женщины, убрали бараки, готовили еду, стирали бельё. Но основная их обязанность оставалась на ночь.

Каждый день главной наставнице лагеря, с которой мне только предстояло познакомиться, присылался бланк «заказа на особей». «Особями» здесь называли представительниц женского пола, которые обязаны были удовлетворять сексуальные потребности военного гарнизона, располагающегося неподалеку. В список включали не всех женщин, поэтому те, кто не собирался на ночной «выезд», продолжали готовить, убирать и ухаживать за скотиной.

Те, кто оказался в списках, должны были после обеда спать (военные не терпели сонных «особей»), затем им выдавалась амуниция в виде пестрой одежды и косметики. Женщины ужинали, мылись, красились с расчетом, что в назначенное время они должны были все, согласно присланному

бланку заказа, быть погружены в фургон.

Когда мы зашли в длинный одноэтажный барак, надзирательница жестом указала мне на одну из кроватей:

– Посиди пока здесь, пока Маргарита тебя не примет и не решит, что дальше с тобой делать.

Я поежилась и неуверенно посмотрела на серый грязный матрац: последнее чего мне хотелось – это устраиваться на нем и ждать приема у очередного власть имущего лица.

Надзирательница моё замешательство поняла превратно и добавила:

– Да ты не бойся, девки тебя не зарежут, с этим тут строго – камеры везде, – она мотнула головой на потолочное перекрытие. На почерневшей от влаги и времени деревянной балке за нами действительно наблюдала вполне себе современная видеочкамера.

– Эта кровать прежней жилище уже не понадобится, так что пока твоя будет. Надолго уж или нет, время покажет. Меня зовут Нина, я распределяю работы и решаю мелкие вопросы, но по пустякам лучше не отвлекай. Сиди здесь, работы распределю и приду за тобой.

С этими словами она в последний раз смерила меня равнодушным взглядом и вышла.

Женщины тем временем смыли с лиц краску, переоделись в повседневную одежду, подвязались косынками и выглядели, в целом, как бригада женщин-лагерниц в советскую эпоху. По-прежнему, не обращая на меня внимания, они потя-

нулись к выходу: пора было приниматься за работу.

В бараке, где пахло сыростью и старыми сгнившими досками, сидя на жестком матрасе без постельного белья, я не представляла, что ждёт меня впереди. Было ясно, что на какое-то время я буду нужна Алькальду, потом меня продадут ещё кому-то, потом ещё, пока я не приеду из очередного ночного турне «в мешке», похожая на месиво. Конечно, я тут же решила, что уж лучше смерть, чем такая жизнь, что я не буду позволять им ничего из того, что они хотели со мной сотворить, что я сбегу или умру.

Голодная, уставшая и напуганная, я посмотрела на руку, где спокойно поблескивало моё обручальное кольцо, напоминая, что я не одинока. У меня есть муж, мама, сестра. Они меня, конечно, ищут, волнуются и верят, что я скоро найдусь. Я не должна отчаиваться раньше времени, ради них. «Может», – подумала я – «Эта местная управляющая Маргарита сможет мне помочь вернуться домой?»

Я свернулась калачиком и закрыла глаза в надежде, что, когда открою их, весь этот кошмар закончится.

Глава 5

Из забытья меня вернули чьи-то руки, трясущие за плечи:

– Вставай, вставай тебе говорят! Вот навязалась на мою голову! Поднимайся!

Я удивленно села на кровати и огляделась, пытаюсь понять, где нахожусь. Проспала я, видимо, долго – было три-четыре часа дня. Голова гудела. Желудок от голода сжался в комок и ныл. Сверху на меня сердито смотрела надзирательница Нина:

– Бужу тебя, принцесса, бужу, думала: сдохла! Ан, нет, живехонькая. Поднимайся, Маргарита ждёт!

Я нехотя поднялась: тело затекло, ноги не слушались, и поплелась на выход. Нина бодро шагала по территории, похозяйски проверяя, как проходят работы. Я неуверенно шла следом. По дороге мы завернули к деревянной постройке уборной и ряду настенных уличных умывальников. После того, как я привела себя в относительно приемлемый вид, Нина привела меня к небольшому кирпичному домику на краю территории.

Она негромко постучала и, не дожидаясь ответа, пошла по своим делам, оставив меня на крыльце. Переминаясь с ноги на ногу, я смотрела в сторону лесного массива, стеной возвышающегося метрах в пятидесяти от крыльца. Что, если

бежать и бежать без оглядки, как-нибудь перелезть через забор, снова бежать... Мои размышления прервала открывающаяся со скрипом дверь. Я пару секунд ждала, что меня позвонят, но внутри было тихо. Я сделала глубокий вдох и вошла.

Внутри, к моему удивлению, было свежо: работал кондиционер. Шторы были приспущены, чтобы полуденный зной не нагревал помещение. В комнате было уютно: большой кожаный диван, кресла и столик с цветами, ковер и большой рабочий стол, за которым меня встретила молодая ухоженная женщина в очках. Она очень напоминала участкового врача внимательным настороженным взглядом и решительной позой. Весь вид её выдавал административного работника: сдержанный деловой костюм, белая блузка, только металлическое ожерелье в виде обруча вокруг шеи несколько выбивалось из общего образа.

– Проходите, прошу Вас, – вежливо сказала Маргарита. Тембр голоса и уверенность опытного руководителя также делали её похожей на врача, – Присаживайтесь. У нас времени не много, но, учитывая обстоятельства, я посчитала необходимым увидеться с Вами до Вашего первого «Выезда».

Она пристально посмотрела на меня:

– Вы понимаете, о чем я говорю?

– Я ничего не понимаю с прошлой ночи, когда была с мужем на набережной. Я хотела просить Вас помочь мне вернуться домой! Это место – ужасное! И эти женщины, и тру-

пы... мне тут не место! Я не хочу никого «обслуживать»! Я замужем! – я смотрела на неё умоляющими глазами и готова была заплакать, но на её лице не дернулся ни один мускул. Я продолжила:

– Если меня будут заставлять делать что-то против моей воли..., то ...вас всех потом накажут.... Я замолчала, понимая, что мои угрозы не действуют.

– Ну, что ж? Пока ожидаемо, ничего нового, – проговорила Маргарита тоном врача – диагноста.

– В одном Вы правы: Вы, хоть и формально, замужем, и ваше золотое колечко может кое-кого взбесить. Я прошу, оставьте его мне... м-м, на хранение. Как только будет возможно, я Вам его верну.

Я прижала руку к себе и резко замотала головой.

Маргарита вздохнула:

– Мне трудно сейчас убедить Вас мне поверить, но я желаю Вам добра. Расставим точки: я не могу Вам помочь вернуться туда, откуда Вас доставили. Не потому что не хочу, а потому что не имею технической возможности на это. Поверьте, Вы не первая и не последняя «гостья» в этом кресле и ничью судьбу я не в силах изменить.

Она сделала многозначительную паузу, отпила из белой фарфоровой кружки чай и проникновенно продолжила:

– Что касается «сексуального обслуживания» могу Вас заверить, что пока Вы так прекрасно сияете чистотой вашей ауры, Вас не коснётся этот малоприятный процесс. Алькальд

не уполномочил меня рассказывать Вам об устройстве нашего общества, но если он даст такое распоряжение, я, разумеется, введу Вас в курс дела. Пока же моя задача – доставить Вас вечером к Алькальду, и, по возможности, уговорить сотрудничать, иначе Ваша участь будет мало отличаться от «особей».

– Вы меня убьете? – я вскинула на неё презрительный взгляд, – как Вы можете так спокойно говорить об этом? Сидеть в кресле и пить чай, зная, что трупы женщин возят в мешках?

– Меньше драмы, дорогая, меньше драмы! Вы очень неверно всё себе напредставляли, уверяю Вас. Давайте вернемся к этому разговору через пару дней. А сейчас отдайте кольцо, часы и, пожалуй, сережки тоже, хоть они и поддельные, – она протянула руку и указала на пустое место на столе, куда я должна была сложить свои вещи.

Я медлила, не видя ни единой причины отдавать этой формалистке свои любимые сережки. О том, чтобы снять добровольно обручальное кольцо не могло быть и речи!

– Тогда приведу простой пример из практики, – Маргарита вновь заговорила тоном врача на консультации, – Одна наша «гостья» не пожелала расстаться с сережками, на первом же «Выезде», они заблокировали поток её энергии, что вывело её правообладателя из себя, и он вырвал серьги из её ушей. Другая наша «гостья» вернулась без пальца, который вместе с обручальным кольцом пришлось отрезать, так как

оно перетягивало много эмоциональной энергии девушки и её «использование» шло значительно медленнее, чем планировалось.

Маргарита неискренне трагически вздохнула:

– Я хотела им помочь, как и Вам, но они, как и Вы, отказались меня выслушать.

Поколебавшись, я сняла серьги и кольцо. Какое-то время подержала их на ладони и положила на стол.

– Вот и умница. Часы тоже, пожалуйста. Они здесь бесполезны, поверьте, – добавила она.

Я взглянула на часы: минутная и часовая стрелки шли навстречу друг другу, встречаясь, отталкивались, пока не встретятся на другой стороне циферблата. Вздохнув, сняла и положила их рядом с кольцом.

– Кто знает, может Вы, действительно, особенная и придет время, когда к Вам вернутся ваши вещи? – заметила Маргарита, убирая мои «сокровища» в недра своего массивного стола.

Конечно, больше я их никогда не увидела.

Глава 6

Маргарита нажала кнопку переговорного устройства и буднично произнесла кому-то:

– На сегодня мы закончили. Заберите и подготовьте к отъезду.

Она задумчиво уставилась в окно, давая понять, что прием окончен. Я неуверенно поднялась и поплелась к двери, за которой меня ждала молоденькая девушка, лет пятнадцати с русыми волосами и сосредоточенной «беличьей мордочкой». На ней был серое платье из ткани, напоминающей мешковину, и передник. Не глядя на меня, она развернулась и пошла в сторону деревянных строений, крыши которых уже окрасило закатное солнце. Мне ничего не оставалось, как следовать за ней. Мы пришли в столовую, где за квадратными пластиковыми столами по четыре человека за каждым ужинали обитательницы лагеря. Конечно, там были не все, но меня поразило, сколько женщин и девушек живет здесь: лагерь не казался большим, а в столовой ужинало около сотни человек. Моя провожатая отошла в сторону и затерялась, среди одинаковых серых форм. Я стояла в нерешительности, не зная, могу ли я поесть без оплаты, ведь денег не было ни копейки.

Запахи разносились не самые приятные: тушеная капуста

(которую я ненавидела со времен детского сада), сладковатая картошка и чеснок. Голод пересилил отвращение, и я несмело подошла к стойке, где невысокая краснолицая грудастая женщина выдавала еду. Сурово взглянув на меня, она рыкнула:

– Бери поднос дурёха и ложку, чё вылупилась?!

Судорожно оглядываясь, не увидев разносов, я проблеяла:

– А подскажите, сколько будет стоить обед у вас?

Женщина ещё раз наградила меня презрительным взглядом, но вдруг, чуть прищурившись, резко сменила гнев на милость и растянула рот в полубеззубую улыбку:

– Ой, моя ты хорошая, я ведь не вижу одним глазом. Прости, не увидела сияния сразу. Ты – та, что Маргарита прислала?

Я напряженно кивнула.

– Ну что ж ты сразу не сказала, так, мол, и так, Алла Семёновна (это я, будем знакомы), это я ... как тебя, кстати, кличут? – и она заискивающе стала всматриваться в моё лицо, будто могла угадать имя по физиономии.

– Вера меня зовут, – ответила я, – Вчера, по крайней мере, так звали. Накормите меня чем-нибудь, Алла Семёновна?

Алла довольно хмыкнула, оттого, что я обратилась к ней по имени и застрекотала:

– Тебя, душенька, я буду кормить не чем-нибудь, а всем самым-пресамым лучшим, что есть. Дружить будем: я тебя

буду кормить, и ты меня не обижай, глядишь, и поладим, сколько Бог даст.

С этими словами она вышла из-за стойки и повела меня в угол столовой, который был отделен от остальной части тяжелой портьерой. За ней стоял большой круглый стол с белой скатертью, свежими цветами, салфетками, сервирован хрусталем и серебром, как в дорогом парижском ресторане, где я никогда не была. Я вытаращила глаза от неожиданности, а Алла Семёновна подтолкнув меня в синее бархатное кресло, забормотала:

– Это стол Маргариты и гостей, которые иногда нас навещают с проверками. Ты будешь есть здесь, отдельно от всех, чтоб не завидовали, не перебивали тебе аппетит. Можешь приходить сюда всегда, как есть захочешь, но не реже двух раз в сутки и не позднее, чем за час до «Выезда». Приходишь и жмешь на эту кнопку, – она указала на небольшую кнопку на краю стола, вроде вызова официанта. Она нажала на кнопку и показала на своё запястье, где тут же ярко вспыхнул сигнальный огонек, а сам браслет легко, но ощутимо ударил Аллу током.

Я зажмурилась:

– Варварство какое! А можно я просто буду подходить как сегодня?

Алла небрежно пожала плечами:

– Все вы хорошие поначалу. Я уж понимаю, что к этому лучше не привыкать. Ну, если позовешь словами, тоже при-

ду. А так, жми кнопку, не сомневайся.

– А Маргарита и «гости» ваши всегда жмут? – содрогаясь, спросила я, уже зная ответ и внутренне давая себе зарок не бить человека током ни при каких обстоятельствах, да ещё принимать это зверство за норму.

– Все жмут. Такой порядок здесь. Да ты не кисни, я привыкла уже. Лет пять, как на кухне работаю. При еде зато, хоть и немного шибанутая, – и она хрипло и невесело хохотнула, – Мне очень повезло, я всем довольна.

Я недоверчиво посмотрела на её полупустой рот и раздутое то ли от гипертонии, то ли от пьянства лицо.

– Ещё уладим одну детальку, и накормлю тебя: ты особа важная, пока нет указаний об ином. Положение у тебя привили-ги-ро-ван-ное, особое, слышишь?

Я уклончиво мотнула головой: не очень понятно, в чём моя привилегированность, если я пленница.

– Так вот, если останешься у нас, тебе каждый день от Алькальда продукты будут специально привозить, понимаешь? Хорошие, свежие. Мясо, там, фрукты, шоколад. Готовить тебе буду только я. Так вот, ты другим здесь ничего не относи, тебе плохо будет и их накажут, если что-то найдут. Давай ты всё, что тебе не нужно, разрешишь мне забирать, тогда я тебя один раз спасу за это? – Алла Семёновна выжидательно уставилась на меня.

– Вы поможете мне вернуться домой?! – не веря своему счастью, я схватила её за руку с электрическим браслетом.

– Нет, нет, что ты, – повариха недовольно отдернула руку, – Даже думать забудь. Я о том, что когда тебя решат отравить, на первый раз я тебя предупрежу, что в еде яд насыпан. Учти, это щедрое предложение и действует только сейчас.

– На первый раз предупредите, а потом.... То есть, меня всё равно рано или поздно отравят? – ошеломленно прошептала я.

– Ну, ну, не сразу же. Поживешь пока. Такая ты блестящая, когда присмотришься, просто прелесть! Ну, так как, дорогая, будем дружить? Немного делиться едой? Я себе только остаточки буду забирать и мы никому не скажем? С меня голову снимут, если ты голодная будешь. Я стараться для тебя буду. Ну? – она заискивающе затихла.

– Да, пожалуйста, – ответила я, – хоть всё забирайте. Я долго тут не останусь: я домой собираюсь вернуться.

– Ну, ну. Будем считать, поладили, – заспешила Алла Семёновна, – сейчас покушать принесу. Засияет наша «звездочка – Верочка»! Ох, как засияет!

Она скрылась за тяжелой шторой. Оглянувшись по сторонам, я увидела небольшую дверь в уборную для «гостей»: зеркала, белоснежный фаянс и керамическая плитка, позолоченные вентили. Из зеркала на меня глянула измученная, лохматая и опухшая девица с грязными волосами: так ужасно я не выглядела, даже когда болела.

Я чувствовала, что голодна, но не представляла насколько, пока в нос не ударили аппетитные запахи. Как зверь я

накинулась на еду (хорошо, что за шторой меня никто не видел, вид наверняка был дикий). Стол был уставлен разнообразными блюдами: жареная курица, овощи и соленая рыба, карбонаты и колбасы, несколько видов сыра и хлеба, фрукты, из напитков – сок и вода. Не ожидая от себя такой прожорливости, я нависла над столом и торопливо ела руками, совершенно забыв о приличиях.

Спустя некоторое время я удобно устроилась в бархатном кресле и, очищая апельсин, стала размышлять, что это всё-таки за место и как мне вернуться домой. То, что я сглупила, оставив нашу набережную и уехав с незнакомцем в неизвестном направлении – это был факт. Теперь казалось, что не сядь я в ту дурацкую машину, не позволь меня «подарить», вернуться домой было бы проще. Но, сделанного не воротишь, а значит, нужно решить, что делать дальше.

Хорошей новостью было то, что я поспала и поела, значит силы не должны меня оставить в самый нужный момент. Также я уяснила, что немедленная смерть здесь возможна, но пока она мне не грозит. По крайней мере, до тех пор, пока я им зачем-то нужна. В мозгу неприятно царапнуло слово «использовать» и меня передернуло.

Плохого было больше: я совершенно не знала, куда это меня занесло, куда идти домой? Если это параллельный мир (я не большой любитель фантастики), то в него, согласно той же фантастике, должен быть вход и выход. Где он может находиться я, к сожалению, также не имела ни малейшего

представления. Вдобавок к самой ситуации, для меня оставалась загадкой цель моего похищения, что заставляло меня нервничать и ожидать самого худшего. Если я попала в параллельную Вселенную/реальность/матрицу/что угодно, она мне не нравилась!

Домой захотелось со страшной силой, обнять маму, поцеловать мужа – я всхлипнула. Словно услышав мои вздохи, штора отогнулась. Появилось лицо молоденькой девушки, которая провожала меня до столовой:

– Если вы поели, мне нужно отвести Вас собираться. Пойдемте – она голодными глазами смотрела на развалины еды на моем столе.

– Угощайся, если хочешь, здесь много всего, – я привстала, приглашая её зайти. В её глазах появился такой ужас, будто я предложила ей поцеловать змею и она быстро скрылась за занавеской.

Глава 7

Девушка терпеливо ждала меня на улице, переминаясь с ноги на ногу. От столовой в густых сумерках мы направились к небольшому флигелю метрах в трехстах. В окнах горел электрический свет, доносилась музыка. Моя провожатая, не доходя до флигеля, развернулась, махнув в его сторону, сказала: – Вот туда Вам. Вас уже ждут, – и пошла быстрым шагом к баракам.

Я в нерешительности постояла немного на крылечке и постучала. Дверь оказалась не заперта. Когда вошла, немедленно зажмурилась от яркого света. Музыка чем-то напоминала кантри – певец на незнакомом языке объяснялся в чувствах к своей неведомой избраннице. Большая комната представляла собой нечто вроде костюмерной – вдоль стен расположились встроенные шкафы с распахнутыми дверцами, битком набитые разнообразной одеждой. В центре – длинные гримерные столы с зеркалами с подсветкой, кучей париков, косметических принадлежностей, парфюмерии, бижутерии, способных превратить даже самую невзрачную обительницу лагеря в королеву. У дальней стены до потолка возвышались стеллажи с обувью. Пахло дешевыми духами – приторный удушающий сладкий аромат и спирт.

Я стояла, не представляя, как бы меня могли здесь «разу-

красить» и внутренне уже бунтуя против того, чтобы меня наряжали как куртизанку для неясных целей местного руководства. Из недр одного из шкафов полетели шифоновые шарфы и довольно писклявый женский голос произнес:

– Я вам в миллионный раз говорю: время на ваши морды нет, я занята, сами, сами...

В шкафу что-то упало, видимо, на голову обладательницы писклявого голоса, отчего та выругалась и, наконец, выглянула:

– О, да это не существа недостойные света дня, это моя новая муза! – маленькая женщина лет пятидесяти с коротким ежиком рыжих волос и веснушчатым ярко накрашенным лицом, пробиралась ко мне, стряхивая с ноги привязавшийся шарфик.

– Ну-ка, ну-ка покажись, дорогая! – она обошла меня вокруг, меряя придирчивым взглядом с высоты своего метрового роста, – М-да, конечно, внешнего впечатления прямо скажу: не производишь, – Она так задорно при этом улыбнулась, что прозвучало это как самая наивысшая похвала.

– Ну, да и ладно! Будешь от всех отличаться своими невыразительными серыми глазками и не покрашенными волосами, зато сияние у тебя прямо изумительное. Сама что скажешь?

– Это вообще мой натуральный цвет волос – недовольно, но беззлобно парировала я. Казалось как-то глупо в моем неясном положении вступить в полемику относительно

внешности с чудаковатой гримершей. Дома я бы не так отреагировала на замечания о «серых невыразительных глазах». Я вздохнула, опустила глаза.

– Ты чего? Здесь не место киснуть! У меня место становится красивой! – заметила рыжеволосая дама. Она взяла меня за руку и усадила в удобное кресло:

– Я – Тамара. Ты всегда можешь найти меня здесь, если я тебе понадоблюсь. Ну, или в том шкафу, – она кивнула на гардероб, из которого недавно с боем выбралась, и хихикнула.

– Ты не волнуйся – она погладила меня по плечу. Наши взгляды встретились в зеркале, и мне на секунду показалось, что в её взгляде сквозит сочувствие. Она снова задорно улыбнулась, и ощущение пропало:

– Мне на счет тебя уже звонили. Сказали просто причесать и пока ничего не менять. Но, может, хочешь переодеться?

Я напряглась всем телом и отчаянно замотала головой. Моя белая футболка была мятая и кое-где в грязи, джинсы вытянулись в коленях и тоже были грязные, но это была моя одежда. Я в ней была дома. Она пахла моим миром, и менять её даже на царскую мантию я бы не согласилась ни за что.

Видя, что я не уступлю, Тамара встала на приставную лесенку и попыталась привести мою шевелюру в порядок. На запястье моего нового «мастера по красоте» виднелся уже знакомый мне со столовой металлический браслет, который

бил током его обладателя, только кнопки нигде видно не было. «Наверное, есть какой-то общий пульт, который управляет этим орудием пытки», – размышляла я, – «У Маргариты на горле тоже был похожий обруч (очевидно, тоже бил её током в случае чего), видимо она рискует больше чем обслуживающий персонал».

Наконец Тамара удовлетворенно хмыкнула и отступила:

– Ну, что могу сказать... работать с тобой, видимо, придется много впоследствии, так что настраивайся: рано или поздно придется менять свои вкусы под чужие.

– Это под чьи же вкусы я должна подходить? – завозмущалась я, – Я замужем и мужу моему всё во мне нравится, а похитителям он головы оторвёт за меня! Я никому «подходить» здесь не буду!

– Милая, ты не кричи, а то услышать могут, – Тамара понизила голос до шепота, – Все так поначалу: кричат, ругаются, надеются..., но чем быстрее ты поймешь, что речь идёт о выживании, чем быстрее примешь то, что тебе пока «предлагают», тем дольше проживешь.

– А если нет? Мне тоже наденут ошейник как Маргарите вашей? Или обойдутся браслетом? – я в негодовании кивнула на руку стилиста. В ответ она убрала руку за спину и укоризненно покачала головой.

– Что со мной сделают? Может, Вы мне скажете? Почему никто ничего не объясняет?

– Я не имею права. Поверь, я очень хочу, но не могу ни-

чего сказать. Это запрещено, чтобы не испортить Алькальду первое впечатление. Опыт показывает, что если «донор» знает, что его ждёт, то не отдаёт добровольно, сопротивляется...

Я обмякла в кресле, ноги стали ватными от слова «донор».

– Так вот я зачем здесь – пробормотала я и услышала свой голос как будто со стороны, – Меня похитили на органы. А вечером зарежут.

Тамара внимательно посмотрела на меня, потом внезапно прыснула от смеха:

– Ты, что, ненормальная? Вот придумала! Стала бы я тогда на тебя лак для волос изводить!

– Что тогда? Выпьют кровь? Это все вампиры, да? – не унималась я с круглыми от ужаса глазами.

Тамара залилась ещё громче:

– Вот дурочка-то попалась! Да не такой донор!

– Тогда что? Объясните, наконец!

– Просто, – начала она и тут в дверь нетерпеливо постучали.

На пороге с фонарем стояла Нина. Недовольно взглянув на меня проворчала:

– М-да, Том, что-то ты сегодня явно не перетрудилась. Выглядит она довольно паршиво. Ну да ладно, пора. Машина пришла.

В темноте я шла на непослушных ногах к КПП. Фонарь в Нининых руках освещал её непримиримое и суровое лицо,

сухие, не помнящие слёз глаза, натруженные руки, на одной из которых поблескивал металлом знакомый атрибут местного контроля.

– Нина, – я изо всех сил старалась не плакать, но страх всё равно придавал голосу плаксивое выражение, – А я снова поеду в фургоне с трупами?

– Не сейчас, – грубо ответила она и вытолкнула меня за ворота.

Машину я узнала – точно такая же вчера увезла меня с Набережной. Я села на заднее сиденье, двери заблокировались, машина развернулась (автопилот справлялся с управлением без водителя) и я отправились на свой первый «Выезд» к Алькальду.

Глава 8

У высоких ворот гарнизона меня ждал сурового вида солдат с увесистым автоматом наперевес. Кивком указал следовать вперед. В этот раз в казарме свет не горел, было тихо. Мы прошли беззвучно, как кошки в ночи, к высокому деревянному крыльцу. Солдат отдал честь огоньку от сигареты в темноте террасы и, прокрутившись на каблуках, удалился.

Я не знала, как должна дальше действовать, и нерешительно застыла перед крыльцом.

– Как настроение? С Вами хорошо обращались? Накормили? Дали отдохнуть? – голос Алькальда из мрака террасы звучал довольно дружелюбно.

– Я ехала на мертвой женщине. Настроение у меня плохое с тех пор как меня похитили. И наряжать меня в шлюху я тоже не дала.

– Вот и правильно, – Алькальд подошел и взял меня за руку. Я хотела отдернуть её, но он только сильнее стиснул и еле заметно покачал головой: «нет, это не правильная тактика». Я пошла внутрь.

В комнате сегодня ничто не напоминало о вчерашнем веселье: на столе лежали в ровных стопках документы, стулья были расставлены по периметру у стен, видимо здесь же проходили совещания и решались рабочие моменты. За

шторкой, которая сейчас была отдернута, скрывалась кровать, шкаф для одежды, несколько полок для книг и умывальник.

– Ну, приступим, мне не терпится начать наше, эм... «партнерство», – Алькальд зажег настольную лампу и выжидательно посмотрел на меня. Я инстинктивно сжалась и отступила к двери, переводя взгляд с Алькальда на его кровать у стены.

Он несколько секунд наблюдал мою реакцию, потом довольно заметил: – Что тебе ничего не рассказали – это правильно. Поняли наконец-то, после стольких раз.

С этими словами он поставил передо мной один из стульев:

– Присаживайтесь, Вера. Я сейчас открою Вам, что мне от Вас нужно. Слушайте внимательно, ведь от того насколько правильно мы с Вами будем понимать друг друга продлится наше «партнерство», Ваше пребывание, а, может, и Ваша жизнь, Вера. Вы можете задавать мне любые вопросы, но только мне и только здесь. Пока понятно?

Я неуверенно кивнула и села на стул.

– Хорошо – продолжил он, – Видите ли, моя милая, в вашем мире люди получают энергию из пищи. Для вашего метаболизма нужно есть, пить, спать – для существования этого достаточно. Скажу больше, многие этим и ограничиваются. Но в нашем мире (Вы – девушка сообразительная и наверняка поняли, что находитесь в другом месте) это лишь

одна десятая того, что нам нужно. Чтобы полноценно функционировать, мыслить, развиваться, двигать научно-технический прогресс, нам нужна Энергия. Мужчинам лучше подходит женская, поэтому Вы – мой подарок, мой новый «донор энергии».

Алькальд торжественно замолчал, отмечая значимость «момента».

– А что со старым случилось? – выпалила я.

– Вера, – он подошел ближе и затронул меня за плечо, – не будем о прошлом. Сейчас очень важный момент, не будем его портить – он погрозил мне пальцем.

– Я обеспечу Вас прекрасными условиями, Вы меня – необходимой энергией. Равноценный обмен, «партнерство», можно сказать «дружба». Я буду время от времени Вас просить заниматься той или иной деятельностью в течение дня, чтобы повысить Ваш энергетический потенциал в той сфере, в которой он мне будет необходим. Каждый вечер Вас будут доставлять ко мне, мы будем беседовать, и Вы будете отдавать мне энергию.

– А потом Вы меня отпустите домой? Это надолго? – во мне встрепенулась надежда.

– Мы вернемся к этому вопросу позднее, – он явно был недоволен, – Вера, понимаете ли Вы меня? Ваша энергия важна для моего развития, существования, а значит для всей нашей общины. Я как лидер должен быть наполнен Энергией, излучать её.

– А если я откажусь? – я начала тешить себя мыслью, что действительно нужна для чего-то важного.

– А если Вы откажетесь, мне будет очень жаль, ведь у Вас редкой красоты сияние. Сначала придется взять его силой, я давно не питался. Затем Марата придется послать за другим «донором» только и всего.

Алькальд самодовольно наблюдал, как появившаяся во мне уверенность испарилась.

– Как это делается? – я начала понимать, что выбора у меня нет.

– О, очень просто! Вы сидите спокойно на стульчике с закрытыми глазами, а я встаю за вами и «забираю» вашу энергию. Пополнять запасы Энергии мне необходимо каждую ночь. Если «выпивать» энергию частично, не всю сразу, то Вы этого даже не заметите. Однако должен вас предупредить, что любое ваше сопротивление – физическое или ментальное – может вызвать вашу, Вероника, смерть или сильные страдания. Поэтому так важно Ваше понимание процесса и Вашу абсолютную заинтересованность, добровольность.

Алькальд выжидательно смотрел на меня. Я колебалась.

– Почему все говорят мне о каком-то моём сиянии? Я ничего не вижу.

Алькальд улыбнулся:

– Это видим только мы. У кого сколько энергии. Какой именно, можем определить по цвету. Кто более энергетически силен, тот может управлять остальными, его авторитет

неоспорим. Я многие десятилетия управляю Кантоном не просто так: это тяжелый труд – добыча, сохранение, излучение энергии, подавление ею не согласных, и прочие неинтересные вам вещи.

– Почему ночью? Разве вы ночами не спите? – я понимала, что напрасно тяну время, но ничего не могла с собой поделать.

– Сон – такой же ресурс, я восполняю силы не сном, а энергией, которую вы мне дадите. Она мощнее, её дольше хватает, при этом спать нет необходимости, а, следовательно, я всегда начеку. Меня нельзя застать врасплох.

Он объяснял терпеливо, но было очевидно, что ему надоели вопросы.

– Так приступим? – он встал за моей спиной, – Закройте глаза и дышите: на три счета вдох, на четыре выдох. Попробуйте.

Я подышала. Глубокое дыхание немного успокоило.

– Да, ещё один момент. Надеюсь, вы приехали без украшений, колец, часов и прочих металлических деталей гардероба?

– Без. Маргарита всё забрала, – я недовольно фыкнула.

– Прекрасно, тогда начнем, закрывайте глаза, дышите.

Я напряженно зажмурила глаза. Сперва поплыли цветные круги, потом в темноте замерцали точками звезды, будто я перенеслась в далекий и спокойный космос. Дыхание моё замедлялось и успокаивалось. Я старалась ни о чём не ду-

мать, просто наблюдая за мерным дыханием и звездным полем. Дома давным-давно я училась медитировать, освобождать мозг от ежедневной шелухи событий, очищаться пустотой. Сейчас это вспомнилось само, как езда на велосипеде. Я сидела в пустоте космоса, она была вокруг и внутри. Спокойствие впервые за последние сутки ненадолго захватило мой уставший разум.

Алькальд затронул меня за плечо, и я открыла глаза. К моему удивлению прошло несколько часов. Над деревьями небо просветлело – приближался рассвет. Я в недоумении оглянулась. Алькальд смотрел на меня добродушно и довольно спросил:

– Как вы себя чувствуете?

– Нормально, наверное.

Я постаралась прислушаться к себе, но ничего необычного не почувствовала. Даже тело от многочасовой позы не затекло и не болело.

– Совсем не устали? Прекрасно.

Он протянул руку и измерил мой пульс. Удовлетворенно кивнув, отошел к столу и набрал кого-то по телефону.

– Вам пора отдохнуть. Увидимся вечером, – проговорил Алькальд.

Вошел слегка заспанный солдат, который привел меня вечером. Уже в дверях я оглянулась. Алькальд сидел за столом и разбирал бумаги – начался его рабочий день.

– Как всё прошло? – спросила неуверенно я.

Он не отрывая взгляд от бумаг произнес:

– Всё прошло великолепно. То, что вы живы главное тому доказательство. На этом мой «Выезд» был окончен.

В казарме ещё не протрубили «подъем», а машина уже везла меня в лагерь. Я была рада, что произошедшее не было связано с физическим насилием, которого я боялась. С другой стороны, появилось ещё больше вопросов, и не понятно было, что же будет со мной дальше.

Глава 9

На КПП с лязгом закрылись за мной ворота в лагерь. Встречала меня Нина. Она зевнула: было пять часов утра. Не взглянув на меня, кутаясь в накинутый на плечи выдавший виды шерстяной платок, пошла прочь. Я пошла следом. К моему удивлению, мы не пошли в общий барак, куда меня отводили вчера. Вместо этого Нина свернула на еле приметную тропинку, которая уводила куда-то в заросли. Вышли мы к небольшому одноэтажному аккуратному домику, похожему на наши дачные: скрипучее деревянное крылечко, белые тюлевые занавески на окошках, внутри диван-кровать, шкаф с зеркалом-дверцей, стол с парой стульев. Настолько эта обстановка напоминала бабушкину советскую дачу, что внутри отчаянно защемило. Я недоуменно оглянулась на мою спутницу.

– Что смотришь? Теперь это твои хоромы, располагайся, – Нина, казалось, специально старается не смотреть на меня, и говорила куда-то в сторону, – Мы домик давно не прибирали. Вчера тоже не стали: Маргарита сказала сначала убедиться, что ты вернешься. Ну, да я Ленку пришлю, она мигом порядок тебе наведет, жить тоже будет при тебе, если что надо, ей скажешь.

– То есть, Маргарита не уверена была, что я приеду об-

ратно?

– Никто здесь ни в чём не уверен, – она вздохнула.

– А это «жильё» с позволения сказать, типа «награда»?

– Много глупых и ненужных вопросов задаешь. Не к добру, – Нина развернулась и собралась уходить.

– Нина, скажите: Вы меня почему так невзлюбили?

– Взлюбили/невзлюбили... , не о том печалишься, «донорша», – Она внимательно и настороженно посмотрела на меня, – Не одна ты такая, пойми. Не первая, не последняя. Я столько вас повидала, что со счёту сбилась. Кого любишь терять больно, вот и не привязываюсь больше.

И она тяжелой поступью зашагала к жилым баракам. Я зашла в домик, забралась на диван под плед. «Не первая. Не последняя», – крутились в голове слова. «Много их было до меня? Тех, кто жил в этом отдельном домике? Перед кем заискивал обслуживающий персонал? Кого увозил в ночь пустой автомобиль, а однажды не привез обратно? Что с ними произошло?», – в ворохе этих вопросов дрема застала меня и укрыла своей волной.

В дверь негромко постучали. Это пришла Лена – та молоденькая девушка, что накануне провожала меня от Маргариты в столовую, а потом к парикмахеру. Она нерешительно стояла в дверях с ведром и шваброй.

– Проходи, проходи. Лена, правильно? – я улыбнулась и приглашающе замахала рукой, – Садись, давай знакомиться.

Лена покачала головой:

– Мне бы прибраться тут, пока Вы кушаете и гуляете.

– Гуляете? Мне что, можно одной везде ходить? – я усе-
лась на диване. За окном было за полдень. Я была ужасно
голодная.

– Слушай, а обедают у вас тут когда? Я уже опоздала?

– Нет, что Вы, к Вам наш порядок не относится. Вы дорогу
в столовую найдёте? – Лене явно было неуютно со мной и
хотелось, чтобы я ушла. Она принялась мыть зеркало.

«С прошлой ночи многое изменилось в моем положении,
это точно», – заключила я, спускаясь с крылечка. Заглянув
за угол домика, я обнаружила полянку, на которой цвели
две яркие клумбы, стояли качели под навесом от солнца, а
в небольшом искусственном пруду плавали рыбки. «Прямо
кусочек рая в аду», – без тени иронии отметила я и решила
выяснить, что ещё мне положено теперь, когда я стала «до-
нором» Алькальда.

Рабочий день в лагере был в разгаре: женщины разных
возрастов, но в одинаковых серых домотканых платьях и пе-
редниках, работали в огороде, стряпали на кухне, стирали
и отжимали вручную бельё, подметали дорожки из полураз-
валившегося асфальта. Иногда они переговаривались впол-
голоса, когда я проходила мимо, потом возвращались к сво-
ей работе. Кроме хозяйственных построек, я насчитала пять
длинных жилых бараков для основной массы проживающих,
здание столовой, флигель стилиста и отдельный дом Маргар-
риты, который находился в отдалении, как и мой домик. Та-

ких домиков, как у меня, больше видно не было, из чего я сделала вывод, что жильё у меня специальное, только для «доноров».

В столовой никого не было. Я позвала:

– Алла Семёновна! Это Вера.

Откуда-то из глубины кухни затопотала хозяйка, лучезарно улыбаясь:

– О, дорогая, как я рада вновь тебя видеть! Проходи, проходи, мне уже сообщили, что ты – наша новая звездочка! Тебе полагается всё самое лучшее! – она отвела меня за тяжёлую штору к столику.

– Можно мне просто каши какой-нибудь? – попросила я. Хоть я и была голодная, но пировать, когда мои близкие места себе не находят, ищут меня и теряются в догадках, куда я подевалась, мне казалось кощунством.

– Каша, так каша, – ворковала Алла Семёновна, заставляя стол бужениной и раками, печеными яблоками и халвой. Кашу тоже конечно принесла.

Я поела и вышла, помня нашу «договоренность», что Алла Семеновна может взять себе всё, что я не доела, поэтому она и заставила стол всякой всячиной. Я не винила её, мало ли для кого она носит тайком еду, может ребятишкам?

На улице несколько женщин прошли в сторону флигеля. Я пошла за ними. Тамара стояла на крылечке и дымила как паровоз что-то травяное и пахучее. Женщины, смеясь, прошли мимо неё внутрь. Тамара весело помахала мне рукой:

– Заходи позднее, видишь, скольких куриц мне придется превратить в павлинов? – и она скорчила рожу.

Я развернулась и пошла по дорожке, которая должна была привести меня к дому Маргариты. Она сидела за столом и, казалось, ждала меня:

– Проходите, Вероника. Как Вам нравится Ваш новый дом?

– Я бы предпочла мой старый дом, в Тюмени! – ядовито парировала я.

– О, это, как Вы, я надеюсь, понимаете, невозможно – она будто не заметила мою интонацию и спокойным тоном врача на приёме продолжала:

– Вы можете ходить везде на территории лагеря, который, разумеется, находится под видеонаблюдением и окружен высоковольтным ограждением, есть в любое время, выбирать любые наряды. Вы должны высыпаться, хорошо питаться, Вас не привлекут к работам – у Вас особые привилегии! Пока есть распоряжение ни в чём Вам не отказывать, все здесь будут рады угодить Вам.

– Даже вы? – я указала взглядом на её необычный обруч на шее.

– Особенно я, – среагировала Маргарита, – Мы все вам немного обязаны сейчас. Понимаете ли, когда в лагере проживает «донор», мы все получаем лучшее содержание, финансирование, обеспечение. Так что все должны обходиться с Вами наилучшим образом. Есть у Вас пожелания? – она

придвинула листок бумаги и приготовилась записывать.

– Я хочу домой. В мой мир, где бы он ни находился. Сейчас же!

Маргарита отложила ручку и исподлобья устало посмотрела на меня:

– Не оригинально, уж поверьте. Вы будете здесь, пока Алькальд будет Вами доволен. Вы можете получить многое из того, о чём местным обитательницам нельзя и мечтать: украшения, угощения, дорогие вещи. Чего бы вам хотелось?

– Мне ничего не нужно, кроме свободы, – я шмыгнула носом и замолчала. Разговор не получался. Поразмыслив, я попросила:

– Расскажите, как я в этот мир попала?

Маргарита покачала головой:

– Это запрещено. Задавать вопросы Вам можно только Алькальду и ответы получите тоже от него. Я могу достать Вам только вещи. Зато любые.

– Может никто не узнает, если Вы мне расскажете, как отсюда сбежать? – я с надеждой взглянула ей в глаза, но она осталась непреклонна.

Я посмотрела на потолок: за нашей беседой наблюдали через камеру с оптическим темным стеклом. Кто бы это ни был, Маргарита не захочет рисковать остаться без головы за одно неосторожное слово. Как знать, может за подобную небрежность и болтливость в прошлом её наградили этим увесистым и смертельным украшением?

– Мне ничего не нужно, – четко выговорила я, смотря прямо в камеру.

– Что ж, моя дверь всегда открыта для Вас, – Маргарита пожала плечами.

На улице вечерело. У Тамары я приняла душистую ванну с пеной и розовым маслом, которую нагрели специально для меня. Мои джинсы и футболку я, после рьяного сопротивления, вынуждена была отдать в стирку. Тамара очень настаивала на ярко-голубом платье, но, видя моё упрямое выражение лица, молча достала почти такие же джинсы и водолазку. Близился вечер и от этого становилось тревожно. Меня причесали. Нина молча проводила меня до машины.

Глава 10

Алькальд деловито взглянул на меня и заметил:

– Эти дурехи не дали Вам платья?

– Мне предлагали, но я не захотела, – Я прошла в центр комнаты, где уже стоял стул, села и закрыла глаза.

– Вам следует прислушиваться к мнению специалистов, – слегка растягивая слова, произнес он. Я открыла глаза: Алькальд сидел за столом, не выказывая никакого интереса ко мне, заполнял бумаги. Я затихла. Прошло около часа, но он так и не взглянул на меня.

Я начинала нервничать. Вчерашняя «процедура» почти убедила меня в её безобидности для меня, я почувствовала себя в относительной безопасности, а теперь что-то шло не так. Я не понимала: как должна реагировать, что должна сделать?

Наконец, он вышел из-за стола и медленно подошел ко мне. Настольная лампа освещала его жесткое лицо. Он некоторое время смотрел на меня, потом, будто размышляя о чём-то, спросил:

– Вера, вы скучаете по мужу? Сестре? Матери?

Я округлила глаза:

– Вы меня отпустите?!

– Пока я только спросил, скучаете ли Вы по ним? – он

явно вёл к чему-то, но я не понимала, что именно ему нужно.

– Скучаю, да, – Я выжидательно смотрела на него.

– Испытываете ли вы тоску по близким? Может, гнев? Можете что-нибудь мне рассказать про вашу сестру, например?

– Зачем? – я почувствовала, как накатывают слезы, но держалась.

– Мы с Вами вчера решили, что постараемся стать «друзьями», помните? А у друзей принято делиться личными переживаниями, разве не так?

– Но меня похитили, держите за забором, никуда не пускаете! А теперь хотите знать о моей семье? – я совершенно не понимала, к чему этот разговор, но голос уже дрожал.

– Рассказывайте, Вера, у нас вся ночь впереди, – Алькальд встал за моей спиной.

Я выдавила несколько общих фраз и заревела. В этот момент почувствовала сильную боль прямо в центре груди, она поднималась и уходила куда-то вовне. Я постаралась взять себя в руки, подышать, успокоиться, но услышала строгий голос за спиной:

– Даже не думайте останавливаться, рассказывайте дальше!

– Моя сестра замечательная, – рыдала я, – Она моя лучшая подруга. А сейчас ей ещё хуже, чем мне, потому что она не знает где я, что со мной... Мой любимый, наверное, с ума уже сошел! А я ничего не могу сделать, чтобы дать ему хоть какой-то знак, что я здесь, что я жива! Моя мама... мама,

у неё большое сердце...она может не перенести моего исчезновения...

Я плакала и плакала, жаловалась и опять лила слезы. Когда я немного успокаивалась, Алькальд задавал спокойным ровным тоном вопрос, уточняя что-то из моих сбивчивых завываний, и моя истерика продолжалась. Боль в груди была нестерпимой и мне начало казаться, что я больше не вынесу.

Спустя бесконечное для меня время, Алькальд подошел к телефону и вызвал охрану, чтобы меня проводили в машину. Я сидела измотанная, изможденная, обессиленная. Внутри меня, казалось, была зияющая пустота, в самом сердце. Я поднялась со стула и поплелась к двери.

Алькальд же напротив, был весел и что-то напевал себе под нос. Увидев мой недоумевающий затравленный взгляд, он с удовольствием объяснил:

– Понимаете ли, дорогая, энергия может быть как положительная, так и негативная. Положительная обладает большим потенциалом, поэтому она для меня является наиболее желательной. Но не обязательно. От негативной энергии, от ваших страданий, я тоже способен получать своё «питание». Какой именно способ мы с Вами выберем решать Вам. Поэтому когда Вам рекомендуют заниматься тем, чем я скажу, надевать то, что я скажу, думать, что я скажу, Вам лучше подчиниться. Тогда наше взаимодействие будет взаимно приятным. Если же Вы и дальше будете провоцировать сотрудников лагеря на пособничество вашему побегу, наше

общение будет недолгим и, поверьте, очень неприятным для вас!

Дверь перед моим носом захлопнулась, и солдат с непроницаемым лицом проводил меня, подгоняя автоматом, к выходу из части.

Глава 11

Я сидела в своём комфортабельном VIP-домике и механически ела яичницу, которую заботливо принесла мне из столовой Лена. За время моего отсутствия девушка привела жильё в порядок: блестели окна и натертый пол, на столе появилась кружевная скатерть и ваза с полевыми цветами, солнечный свет через узорчатые тюлевые занавески образовывал на полу и части стены причудливые узоры.

Жить не хотелось. В голове снова и снова звучал наш ночной разговор с Алькальдом: «Как Вы познакомились с мужем? Куда ездили отдыхать с сестрой? Как первый раз поругались с мамой? Что муж подарил на годовщину свадьбы? Какое Ваше платье любит одалживать сестра? Как мама называла Вас в детстве?» и далее, далее. Пока боль утраты моей нормальной жизни не затопила мой разум, не накрыла меня многометровой толщей безнадежности моего положения, моей зависимости от чужой воли и непонятных мне обстоятельств. Слез больше не было. Они закончились около четырех часов утра. Мне казалось, что всё во мне пусто. Было безразлично кто я, где, зачем.

Лена заботливо уложила меня на свежее бельё и укрыла пледом. Я закрыла опухшие глаза и, в надежде больше никогда не проснуться, упала в черноту.

Проснулась я уже вечером. Как в первый раз меня трясла за плечо Нина. Я несколько секунд смотрела на неё, не понимая: где я и что со мной происходит. Медленно села на кровати. Голова раскальвалась. Нина протянула мне стакан с молоком. В ответ я только покачала головой. Она настойчиво сунула его мне в руку:

– Выпей. Там спазмолитик. Полегчает.

– Мне не "полегчает" – мои слова звучали как в гробнице.

– Выпей это сейчас. Потом в столовую. Потом приводи себя в порядок, да не спорь с Тамарой в этот раз.

Я не шелохнулась. Так и сидела со стаканом молока в руке.

Нина присела рядом:

– Собираться пора, через два часа машина.

Мне показалось, что голос её немного смягчился. Она сидела уставшая, смотрела в пол, думала о чём-то тяжёлом.

– Ты не местная, верно? – я внимательно смотрела, как буравятся складки на её лице, – Ты оттуда, откуда я? Я почти не дышала. Повисла тишина.

– Что? А нет, – Нина будто вернулась из забытья, – Я из Норильска.

– Из нашего? – Я дернула её за рукав, чуть не расплескав молоко.

– Из нашего, из нашего – Она поднялась и пошла к выходу.

– Подожди! Я должна попасть домой! Расскажи мне, ска-

жи всё, что знаешь, подожди же! Стой! – я ринулась за ней.

На пороге сидела Лена и штопала какую-то вещь. Она удивленно посмотрела на Нину, торопливо удаляющуюся по тропинке, и на меня, скачущую за ней.

В зарослях, которые отделяли моё «имение» от остального лагеря, Нина повернулась:

– Ну что ты расшумелась! Я не могу тебе ничего рассказывать. Нас всех накажут, понимаешь ты. Не только тебя, меня... всех!

– Убьют? Ну и пусть! – воинственно негодовала я, – Вы все боитесь, а мне нечего бояться!

Нина остановилась:

– Пей молоко!

Я только тут заметила, что до сих пор держу его в руке. Залпом выпила кислотоватое молоко с горьким привкусом лекарств. И испытующе посмотрела на неё, но Нина снова вернулась в свою «раковину»:

– Тебе пора придти в себя. Заберу тебя из флигеля через полтора часа. Поторопись!

– Я никуда не поеду!

– Конечно, поедешь! Поедешь, – Она твердо смотрела в упор, жестоко, непримиримо.

– Тебе что с того? За свою шкуру переживаешь? Сколько ты здесь десять, двадцать лет? Многих провожала и встречала, значит, знаешь, что со мной будут делать? Рассказывай!

– Ты поедешь, – она повернулась и, как ни в чём не быва-

ло, пошла к баракам, где высокая полная женщина развешивала на веревках бельё.

Я немного потопталась на месте, показывая свою решимость больше никогда не отправляться в гарнизон, и отправилась к Маргарите. Маргарита сидела в кресле в углу комнаты, поэтому, когда я вошла, увидела её не сразу. Она видимо не была удивлена моим визитом:

– Вера, добрый вечер, как поживаете? – любезным, но равнодушным тоном поинтересовалась она, вглядываясь в меня пытливым взглядом.

– Я никуда не поеду больше! Вы меня не заставите! – я решила начать сразу с главного.

– О, банально, банально. Интересно услышу ли я от Вас что-то оригинальное? – она перешла за свой рабочий стол и жестом указала мне на стул перед ней, но я не двинулась с места.

– Вы, Вера, довольно упрямый человек. Даже после того, как Вам объяснили, что домой Вы не отправитесь и бесполезно заводить об этом разговор, Вы продолжаете упорствовать в своих нелепых притязаниях изменить заведенный здесь порядок. Порядок, между прочим, который существует не одно десятилетие. Вы полагаете, что оказались в уникальной ситуации? Это не так. До Вас тут побывало множество женщин, которые вступали с Алькальдом в «донорские» отношения. Начало было всегда одинаковым, все почти вели себя и поступали как Вы, Вера. Однако бывает у таких отно-

шений конец и он различен. Об этом Вы не должны забывать.

– Если Вы о смерти, мне всё равно! – Я не хотела так быстро сдаваться.

– Нет, что Вы, об этом нет речи. Но ехать, безусловно, придётся. Сегодня, завтра и до тех пор, пока Ваша энергия нужна. Смысл Вашего пребывания здесь в этом. В этом Ваша сила, Ваша ценность.

– Если я не буду «донором», я стану не нужна?

Маргарита утвердительно кивнула.

– Вот я и не еду! Не собираюсь быть «дойной коровой»!

– Боюсь, так не получится. Ваше добровольное желание приветствуется, но совершенно не обязательно. Вчерашняя встреча должна была Вам это продемонстрировать. Будет сегодня как вчера или будет хуже, или будет лучше – решение за Вами.

Я молчала. Отчетливо вспомнился мягкий мешок с трупом, на котором я приехала в лагерь впервые. Меня замутило. Вернуться домой – моя цель, но я не достигну её, если не научусь играть по местным правилам, не буду умнее. С потолка за нашей беседой с интересом наблюдал глаз видеокамеры.

Я развернулась и, хлопнув дверью, пошла в столовую.

– Вот и умница, – вслед мне удовлетворенно заключила Маргарита.

Алла Семёновна нервничала, ходила по крыльцу столовой широкими шагами и время от времени потирала своё

запастье с металлическим браслетом. Когда я подошла, она коршуном налетела на меня:

– Что же Вы, звездочка моя, так не торопитесь? Время почти вышло! Тамара Вас обыскалась!

С этими словами она почти силой впихнула меня за стол.

Во флигеле Тамары царил страшный беспорядок: на полу, столах, на открытых дверках шкафов висели отрезки ткани, бальные платья, боа всевозможных оттенков, платки, парики и чёрт знает что ещё.

– Тамара, я пришла, – позвала я куда-то в глубину комнаты.

В ответ на это зашевелилась одна из куч на полу и оттуда вся красная от усердия вылезла стилист, гордо протягивая мне нежно-сиреневое платье в пол.

– Вот, – победоносно проговорила она, – Знала, что оно где-то здесь! Одевай скорее, времени у нас в обрез!

Я безропотно пошла переодеваться, чем немало её удивила. Она рассчитывала на долгое противостояние и, не встретив его, облегченно заметила:

– А если так, то, пожалуй, даже успеем.

К назначенному времени я была накрашена, волосы уложены волнами, платье сидело великолепно, несмотря на недостатки фигуры. Нина кивнула мне и повела к воротам.

– Нина, мне страшно. Что будет сегодня? – я решила, во что бы то ни стало, разговорить её, переманить на свою сторону. Именно она должна знать то, что поможет мне вы-

браться отсюда.

Нина шла к воротам лагеря, освещая путь фонарём, молчала. Когда оставалось несколько метров до выхода, она немного замедлила шаг и еле слышно проговорила:

– Теперь, когда ты поняла, что нужно быть умнее, будет легче. Всем.

Глава 12

– Как Вы считаете, Вера, сколько мне лет? – Алькальд самодовольно курил, наблюдая, как я усаживаюсь на стул в тесном шелковом платье. Он был в прекрасном расположении духа. «Может это оттого, что я сделала, как ему было нужно? Угодила?», – подумала я и от мысли, что приходится приспосабливаться к воле местного диктатора, стало тошно.

– Не знаю, пятьдесят семь? – без особого любопытства предположила я.

Он весело рассмеялся:

– Мне, представьте, сто восемьдесят три года! А выгляжу я отлично и чувствую себя превосходно!

Я подумала, что моё предположение о вампирах не было такой уж нелепицей, но виду не подавала.

– Вы говорили, я могу спрашивать? – я решила воспользоваться ситуацией и разведать информацию.

– Можете спрашивать, о чём хотите, почти обо всём! – Он сделал широкий приглашающий мах рукой.

– Ваш мир: он существует параллельно с нашим, на Земле? Вы люди вообще?

– Порадую Вас: никакой мистики! Вы до сих пор на своей, то есть нашей общей планете. Наш мир, ваш, ещё тысячи миров существуют одновременно во всех пространствах и

временах. Это похоже на слоеный пирог с множеством слоев-миров. Миры могут соседствовать, взаимопроникать, даже воевать друг с другом, а могут никогда не встретиться и, не предполагая друг друга, существовать миллиарды лет. Мы люди, которые сначала преодолели возрастной порог в сто лет, потом в сто пятьдесят, а когда поняли, что жизнь можно питать подходящими источниками «тонкой энергии», стали жить бесконечно долго. Разумеется, не все, а лишь те, кто может позволить себе эти источники энергии.

С этими словами он многозначительно склонил голову, давая понять, что его «батарейка» сейчас сидит нарядная и ждёт, когда ей воспользуются.

– Вы проникаете в наш мир, крадете людей и питаетесь. У нас пропадают люди, дети, их ищут и не находят, а они здесь?

– Не всегда. Многие у вас пропадают по другим, совершенно тривиальным причинам. Детей мы не берём вовсе, потому, как объяснить, что от них нужно удастся не всегда, да и энергия их, хоть и мощная, но недолговечная. Многие годы упорного труда по добыче тонкой энергии показали, что лучшие «доноры» – это молодые женщины без детей, ещё лучше незамужние. Я не согласен, что мы что-то «крадем, воруем, похищаем». Это не верное выражение. Мы просто берем необходимое, как вы берете у курицы яйца. Ничего личного.

Я содрогнулась от того, что у детей тоже когда-то высасывали энергию. Он затушил сигарету:

– На сегодня хватит. Давайте преступим.

Он встал за моей спиной, я закрыла глаза. Моя энергия перетекала от меня к Алькальду тонким светлым потоком, который имел нежно сиреневый оттенок. Я думала, что это мне снится, но, когда открыла глаза, увидела этот свет и свечение наяву.

– Об этом сиянии шла речь? – спросила я.

Алькальд втянул последние лучи света и кивнул:

– Вы будете скоро видеть свечение так же четко, как это видим мы. Это происходит со всеми. Энергия будет доступна вашему зрению. На самом деле и в вашем мире Вы можете наблюдать сияние или ауру людей, только Вы не так смотрите. Здесь всё иначе. Здесь мы в первую очередь видим Ваше сияние и уже только после этого самого человека. Сияние может рассказать о человеке гораздо больше, чем любые слова или факты. Вот увидите, Вера, Вам у нас понравится.

«Точно, нет», – подумала я, – «как может нравиться быть дойной коровой?»

– Вы нашли путь в наш мир случайно? Как вы попадаете к нам? – я старалась, чтобы голос звучал как можно более непринужденно, но сердце отчаянно забилося.

Алькальд внимательно посмотрел на меня, усмехнулся, и стало понятно, что он разгадал «мой интерес» в сегодняшней беседе: за кучей вопросов скрыть желание выяснить, как отсюда попасть домой.

Он прошелся широкими шагами к окну и открыл его. В

комнату ворвался прохладный свежий воздух.

– Вы хотите знать, как мы нашли Вас, Вера? Как Вас принесло к нам? Не так ли? Я не боюсь Вам ответить и вот почему: это не изменит Вашего положения. Это знание не позволит Вам выйти из под моего влияния. Это ничем Вам не поможет, а может даже навредит. Но если Вы настаиваете... – Он смерил меня взглядом полным превосходства.

– Извольте. Мы нашли ваш мир НЕ случайно. Центр долго занимался подбором подходящих для нашего «питания» миров. За сотни лет было совершено много ошибок, пока мы, наконец, не поняли, что в людях вашего слоя мира энергия может вырабатываться более высокого уровня, чем в других. Для каждого мира есть «ключ». Это какой-либо природный элемент, минерал, вещество, с помощью которого можно открывать и закрывать «двери» между мирами. Ваш мир долго оставался неприступен, так как «ключом» оказался камень, который не встречается у нас. Но мы получили его, открыв тем самым самую питательную «дверь».

Алькальд посмотрел мне в глаза и с особым нажимом произнес:

– Вход в Ваш мир, Вера, под надежной защитой. Только несколько человек имеют право открывать «двери».

– Какой же это камень? – я небрежно откинула волосы со лба.

– Вы наивно полагаете, что я Вам скажу, где «ключ»? – по Алькальду было видно, что эта игра кота с мышью его

забавляет.

– Меня привез Марат. Значит, он может открывать «дверь», – я усиленно пыталась вспомнить, тот момент, когда мой мир исчез для меня. Что он делал и как? У него был дурацкий плащ и часы на руке. Из гранита. Я так обрадовалась, что вспомнила, что выдохнула: «Это гранит!» до того, как сообразила, что делать этого не следовало. Я прикусила язык и взглянула на Алькальда.

Он раздражённо прошёл мимо и сел за стол:

– Как я уже сказал, эта информация Вам ничего не даст, Вера. Уезжайте. Вечером жду Вас и, надеюсь, на этот раз обойдемся без бесполезных расспросов!

Машина везла меня в лагерь. Я смотрела на себя в зеркало заднего вида и пыталась увидеть хоть малейшее свечение. Ничего. Может оттого, что моим светом был полон кто-то другой? Тот, кто многие десятилетия живет за счёт чужой энергии.

Глава 13

Когда я выпалась и позавтракала, ко мне с визитом внезапно нагрянула сама Маргарита. Она была в строгом деловом костюме и пенсне, что делало её похожей на учительницу из классического пансиона для девочек девятнадцатого века.

Она постояла в дверях, оглядывая комнату и, игнорируя моё присутствие, обратилась к Лене, которая на вытяжку стояла на веранде:

– Сегодня принесут мольберт, масляные краски и проигрыватель. Она должна не менее двух часов рисовать под классическую музыку. Всё понятно?

Лена кивнула и понеслась исполнять поручение.

Я презрительно фыркнула:

– Как Вы это устроите? Я не умею рисовать. От слова «Со-всем». Да и классическая музыка – унылая и скучная. Можно мне «Земфиру», ну или попсовый сборник «Сто лучших хитов «Европы плюс»?

Маргарита нахмурилась:

– Вам не нужно уметь рисовать или любить классику. Вам нужно её слушать два часа, во время которых Ваше тело будет наносить краску на холст. Это всё.

Она развернулась на каблуках и удалилась.

– А если я не буду?! – вдогонку заорала я.

– Про «не буду» у Вас уже, как мне кажется, был опыт. Не будем его повторять, – последовал сухой ответ.

Лена принесла всё необходимое для моего «занятия». Она включила Шостаковича (я бы никогда этого не узнала, не будь на пластинке написано имя великого композитора) и разложила принадлежности для моей первой в жизни картины. Я хотела было покрыть матом все эти приготовления, но она умоляюще посмотрела на меня и кивнула на часы: время пошло.

Некоторое время я слушала музыку и смотрела на белый лист. Потом в голову пришла идея: я взяла густую красную краску и размашисто во весь лист написала: «Идите на Х...!!!» Посмотрела на своё творчество – напоминало лозунги времен гражданской войны начала двадцатого века: большие кривые буквы, отражающие самую актуальную проблему. Я поменяла лист и с большим энтузиазмом черной краской намалевала рогу, очень походящую на черта. Дорисовав рога, копыта и пенсне, подписала «Маргарита – коза!». Оценив по достоинству и это произведение, упала на диван отдохнуть под очередную мелодию с пластинки. Классика и впрямь раздражала. Хотелось тишины. Тут меня пронзила мысль, от которой я соскочила и, проверив, нет ли кого за дверью, ринулась обратно к мольберту. На чистом листе я попыталась изобразить те часы без циферблата, гранитный «ключ», которым Марат ночью открывал «дверь» в этот

ужасный мир там, на набережной. Я нарисовала несколько вариантов, и последний был, вроде бы, похож на то, что было на его руке. «Вот что мне нужно! Вот что я должна достать! Что там говорила Маргарита: проси всего, что захочешь, только «материального». Отлично! Это, пожалуй, единственная материальная вещь, которую я действительно хочу здесь получить и я обязательно придумаю как!». В эту минуту на крыльце послышались шаги. Я торопливо замазала все мои эскизы гранитных «ключей» непроницаемой чёрной краской.

Заглянула Лена, удивленно захлопала ресницами: я стояла вся вымазанная краской с взъерошенными волосами и дикими глазами, а на всю комнату гремела «Пятая симфония».

– Вам пора. Вас Тамара ждёт, – робко проговорила она.

Размашисто шагая по направлению к флигелю, где мне приготовят очередной вечерний «образ», я размышляла, как бы мне выведать больше информации о механизме проникновения этих существ в наш мир. Они приходят и похищают людей. Это должно прекратиться. Впервые за последние сутки во мне кипела энергия, появился план: первое – добыть гранитный ключ; второе – выяснить, как с его помощью открывать «двери» в мой мир; третье – сбежать отсюда и вернуться домой. Всё просто и невыполнимо одновременно, по крайней мере, Алькальд твердо в этом убеждён. То, что он не верит в реальность этого плана, мне только на руку: не будет ожидать, что это случится на самом деле. Но нужно

быть осторожной.

Я постучала, внутри никого не было. Флигель пустовал, музыка тоже была выключена. На вешалке увидела небесно-голубое платье в пол, на столе записку: «Вера надень сегодня это». Я переоделась и сама отправилась к КПП (Нины тоже нигде не было видно). Заодно решила проверить: смогу ли я выйти за ограду лагеря через проходную без провожатых.

В сумерках я добрела до ворот. Высокий металлический забор без выступов, по верху ещё метр штырей с колючей проволокой. Перелезть или перепрыгнуть невозможно. Ворота заперты изнутри на цепи и большой навесной замок. Значит, выход только через проходную. Я зашла в небольшое помещение. Два мужчины с автоматами строго уставились на меня, но не сдвинулись с места.

– Где это ты сегодня свою провожатую оставила? Без неё не выпущу, – голос мужчины звучал строго, но без угрозы.

– Я сама не знаю, где она. Думаю, из-за неё опаздывать не стоит? Алькальд ведь не любит ждать?

Второй охранник выглянул за ворота: машина уже ждала. Сердце моё забило сильнее: получится выйти одной или нет? Я двинулась вперед.

– Не спеши, – второй охранник включил рацию и что-то пробормотал, какие-то позывные. В ответ тоже что-то невнятно пробубнили. Он мотнул мне головой в сторону выхода.

Я села в машину и победно улыбнулась: выйти одной можно, главное, отвлечь Нину, чтобы она не смогла меня проводить. Интересно, охранники одни и те же? Или посменно? С кем были переговоры по рации?

Внезапно я осеклась. Перед КПП кроме моего автомобиля стоял знакомый фургон, на котором меня привезли в лагерь первый раз. Его двери были распахнуты, внутри никого не было. Я замерла и вжалась в сиденье. Моя машина стояла на месте, будто чего-то ждала.

– Ну, поехали уже, поехали! – зашипела я на невидимого водителя, но мотор не завелся. Я с досады пнула переднее сиденье, но ничего не изменилось.

За воротами в лагере послышался шум. Через проходную проследовала сопровождаемая Ниной пестро одетая и ярко накрашенная толпа из дюжины девиц. Я не была уверена те же это женщины, что ехали в фургоне первый раз или другие. В лагере все ходили в серых хозяйственных платьях, а теперь это были разряженные в пух и прах куртизанки с париками и боа, отправляющиеся на «работу». Некоторые женщины шли молча, другие хрипло переговаривались, третьи визгливо хохотали. Все погрузились в фургон.

Моя машина ожила и двинулась за фургоном в сторону казарм, где предстояло провести всю ночь. Я решила, что этому не бывать.

Глава 14

Дорога освещалась фарами, фургон ехал впереди метрах в пятнадцать. По бокам от дороги – кусты и непроглядная тьма. Нужно было действовать немедленно. Дорога занимала, по моим представлениям, не более пятнадцати минут. Нужно было перелезть на переднее сиденье. Платье было узкое и сковывало движения. Я что было силы рванула голубой шелк по боковому шву: он разошелся почти до пояса. Переместившись с трудом на место водителя, я вцепилась в руль и постаралась взять управление на себя. Руль не сдвинулся с места, педали не поддавались.

Я в отчаянье стала колотить по всем кнопкам на приборной панели, дергать рычаги, бить по рулю. В какой-то момент что-то щелкнуло, и руль стал послушен. Водительских прав у меня не было, лишь несколько раз муж показывал мне, как управлять автомобилем, так что мой стаж вождения исчерпывался несколькими сотнями метров по деревенской дороге, но эти мелочи сейчас не волновали. Я затормозила и машина остановилась. Фургон удалялся в темноту. Я постаралась открыть двери, но они оказались заблокированы. После нескольких безуспешных попыток выбраться, разбить окна, я решила постараться найти дорогу на набережную, точнее на то место, где она раньше была.

Я не спеша повела машину вперед, смотря по сторонам и стараясь разглядеть в темноте хоть какой-нибудь поворот с основной дороги. Минут через пять направо показался перекрёсток. Недолго думая я повернула направо, подальше от предположительного места нахождения казарм, где шумная толпа девиц уже выгружалась из фургона.

Дорога также была грунтовая и вела вдоль кустов. После того как минут десять я ехала в неизвестном направлении, впереди показались огни. Это были огни фонарных столбов вдоль улицы городка. Сердце выпрыгивало от радости – я нашла правильную дорогу! Это путь в город! Сейчас я доеду на то место, выберусь из машины и тогда, тогда... что делать потом в голову не приходило. Радость от того, что я сбежала, затопила всё сознание, собраться с мыслями было трудно.

Когда до первого фонарного столба оставалось около сотни метров, машина внезапно заглохла. Все мои усилия что-то предпринять: завести её, вылезти из машины окончились неудачей. Фары погасли. Я сидела в темноте и не знала, что делать.

Вдруг приборная панель зажглась. Я покрутила руль – он был вновь заблокирован, а из динамика откуда-то сбоку раздался веселый голос: «Ну что, накатались? Пора возвращаться. Как Вы сами сказали: Алькальд не любит ждать!». Включился автопилот, машина развернулась и зашуршала в сторону казарм.

Я перелезла обратно на заднее сиденье и заревела от зло-

сти на себя: «Вот дура! Думала, что получится всё так просто, с первого раза?! То-то они там повеселились, наблюдая за твоими тщетными попытками сбежать!».

На пропускном пункте за воротами стояло пять человек с автоматами, меня вытащили из машины и под шуточки про мою выходку повели к Алькальду. В казарме начиналось веселье: звучал женский смех, громкая танцевальная музыка и звон бутылок разрезали тишину ночи. Пришло время других развлечений. Мои конвоиры тоже торопились присоединиться к общей гулянке, потому довольно грубо подталкивали меня.

У дома Алькальда они отдали ему честь и поспешили в казармы.

Я села на стул, высморкалась в подол разорванного платья, размазала по лицу остатки слёз и туши.

– Раз Вы так любите кататься и, по всей видимости, решили осмотреть наш милый городок, я предоставлю вам такую возможность, – Алькальд сурово посмотрел на мой неприглядный внешний вид.

– Однако днём Вы всё же сообразовали накопить нужный мне потенциал энергии, поэтому приступим к передаче – он подошел со стороны спины и я инстинктивно отпрянула.

– Нет, не сегодня, – я хотела было встать со стула.

– Это решать не Вам, дорогая, – его рука сжала мне плечо и силой усадила обратно на стул, – время уходит, Вера, я жду.

– Нет.

– Наверное, Вам опять нужны доводы, которые поспособствуют нашему сотрудничеству, – он встал передо мной, несколько секунд пристально вглядывался во что-то вокруг меня.

– Вот, проклятье! – закричал он и ударил меня наотмашь по лицу, – Из-за твоей выходки вся творческая энергия помутилась! Половина ценности коту под хвост!

Я резко вдохнула: боль была сильной, щека горела, на голубой шелк закапала кровь из носа.

Алькальд яростно ходил по комнате:

– Если Вам угодно, я могу хоть сейчас проводить Вас, Вера, в казармы, где получение энергии происходит совершенно иным, примитивным способом! Или мы продолжим?

Он испытующе посмотрел на меня.

С улицы доносилась музыка и женские крики. Туда не хотелось. Я кивнула. Алькальд встал рядом, через несколько секунд лучи бледно-голубой энергии откуда-то с моей шеи потянулись к нему. Он стал «пить». Ощущение, что меня понемногу душат, становилось всё отчетливей. Будто руки на моём горле смыкаются всё сильнее и сильнее, воздух уходит, но сопротивляться сил не было. Я потеряла сознание.

Очнулась я на полу, тело затекло и болело, голова раскалывалась, мутило. В комнате никого не было. За окном занимался рассвет. Я с трудом поднялась и поплелась к выходу.

На свежем воздухе стало немного легче. Озираясь по сто-

ронам в поисках хоть кого-нибудь, я пошла к пропускному пункту. Там стоял, жадно разинув пасть, фургон для перевозки дам. Внутри уже лежали знакомые серые мешки, на которых устроились две женщины. Я застыла и оглянулась на домик Алькальда, прикидывая, не лучше ли вернуться.

С КПП вышел мужчина лет тридцати в военной форме и, смерив меня равнодушным взглядом, спросил:

– А тебе что, нужно отдельное приглашение? А ну полезай! – мотнул он стволом автомата в сторону фургона.

– Я не в нём езжу, – попыталась робко объяснить я, – Меня должна ждать машина за воротами.

– А может золотая карета с дюжиной лошадей, принцесса?! – грубо прервал он, – Сказано: полезай, а будешь задерживать, очень пожалеешь!

Он смачно сплюнул в мою сторону.

– Алькальд не оставлял вам указаний на мой счёт? – решила не сдаваться я.

– Вот именно, что оставлял. Загружайся! – он пошел в сторону казармы.

Я стояла, не двигаясь, надеясь, что это всё-таки ошибка и мне не нужно будет ехать в труповозке.

Военный с лязгом отворил две металлические двери, ведущие в казарму, и громко провозгласил:

– Загружайтесь! Время! Кто не может идти, поедет в мешке!

Внутри раздались невнятные возгласы, стоны, возня, и че-

рез пару минут помятые женщины с растекшимся макияжем, в изодранной одежде стали поодиночке и парами подходить и забираться в машину. Когда последняя дама с оханием исчезла в сумраке фургона, военный, ответственный за погрузку «живой и мертвой» клади, схватил меня за локоть, подтянул и зашвырнул внутрь. С лязгом захлопнулись двери машины, повернулся снаружи запор, оставив узкую щель, через которую проникал свет. Кто-то хлопнул по боку машины, и мы двинулись.

Глава 15

От резкого движения меня отбросило на груды мешков, сваленных в центре, от которых шел удушливый запах пота и крови. Женщины разместились по бокам машины, кто на полу, кто, не гнушаясь содержимым, сел на мягкие, податливые мешки. Я отскочила и вцепилась в двери изнутри, прильнула к единственной щели, втягивая через неё пыльный воздух и пытаюсь разглядеть дорогу при свете.

Машина удалялась от казарм, но совершенно не в том направлении, где находился лагерь. Это удивило и напугало. Фургон трясло, он скрежетал, но даже сквозь этот лязг за спиной послышался отчетливый стон. Я зажмурилась и как в детстве твердила себе: «Это сон, это просто страшный сон». Стон становился сильнее. На очередной кочке машину тряхнуло, и в ноги мне уткнулся один из мешков. Я постаралась отпихнуть его, не поворачиваясь. Стон стал сильнее. Шел он из мешка.

Я собрала всю волю в кулак и посмотрела назад. Передо мной лежал обычный серый мешок, кое-где проступали бурые пятна. Он был не завязан. Я с содроганием откинула верх. В мешке лежала женщина лет сорока. Она была жива и при каждом толчке машины, испытывая сильные боли, стонала. Лицо её, плохо различимое в темноте, было изможде-

но. Кровоподтеки и синяки, сломанный нос, разбитая губа, но она была жива!

– Эй, вы! – что было сил крикнула я своим попутчицам, – Здесь живая! Давайте её достанем!

Никто не двинулся с места.

– Что же вы?! Живая она, помощь нужна! – я с недоумением смотрела, как женщины отворачивались, замолкали, давая понять, что ничего уж тут не поделаешь. Я стала стягивать мешок с тела женщины. Она в темноте смотрела на меня.

Руки стали липкими, видимо от ран на теле шла кровь. Было не разобрать, но мне казалось, что есть несколько переломов, открытые раны. Мне хотелось быстрее освободить её, я суетилась и стягивала мешок, когда её рука легла поверх моей, прервав мою возню.

– Стой, не нужно, – голос был хриплый и уставший, видимо каждое слово давалось с трудом.

– Вам нужно помочь. Я Вас вытащу отсюда, и потом мы... Вас вылечим.

Она еле заметно мотнула головой.

– Но Вы живая, Вам нельзя туда, куда все эти мешки везут! – подступали слёзы от бессилия и страха.

– Хорошая... ты. Не нужно. Я так сама хотела.

– Сама? Почему?

Она собралась с силами и прошептала:

– Дети у меня. Девочка восьми лет, мальчик шести. Их

теперь не тронут, – она закрыла глаза.

– Почему они могут причинить вашим детям вред?

– Так устроено здесь. Я сама решала. Не нужно ничего, – и она отпустила мою руку.

Я встала и подошла к дверям фургона. В щель пробивался свет. Я прильнула щекой к нему, текли слезы, голова кружилась.

Машина ехала по городу. Утренняя прохлада уступала место дневному зною. Вдоль широких улиц дома были в основном деревянные, но встречались и каменные, не выше двух этажей. Я видела, как вооруженные люди в военной форме небольшими группами передвигаются по улицам. Прохожие, опустив головы, куда-то спешили. Машина притормозила. В щель была видна торговая площадь. Люди ходили между торговых деревянных рядов, выбирали товары, торговались. Бегали дети. Шла ничем не примечательная, обычная жизнь. Единственное, чем отличался этот город от множества наших, то, что центральное место на площади занимал высокий эшафот, а количество военных чуть ли не вдвое превосходило количество жителей.

«Как можно продолжать жить обычной жизнью, когда рядом творится такое?!», – недоумевала я. «Поможет ли кто-нибудь из этих запуганных и покорных людей мне, в случае моего побега? В городе столько военных, что даже если бы мне это удалось, первый же патруль остановил бы меня», – остановила я свои размышления и повернулась к женщине

на полу.

– Вам что-нибудь нужно? Я могу Вам хоть чем-то помочь?

Она с трудом открыла глаза, но в темноте не смогла меня разглядеть.

– Мне уже ничем не помочь, – Она опять застонала от сильной боли, – Помогите себе: не соглашайтесь быть «донором» никогда!

– Уже поздно, я уже «донор», но меня никто не спрашивал: согласна я или нет? Меня похитили. Вас тоже?

Она отрицательно покачала головой. Машина резко затормозила. Женщины в машине притихли и сжались. Когда открыли засов и двери распахнулись, машину окружили десяток вооруженных мужчин с лицами, наполовину закрытыми масками. Маски были красные. От этого стало жутко: так в детских книжках рисовали палачей. Я вжалась в стену фургона, а мужчины, не обращая на живых внимание, начали грузить серые мешки в тачки. Женщину, которая была жива, тоже бросили на тачку.

– Стойте, подождите, – не удержалась я, – Она ещё жива, нужно к врачу, скорее!

– А Вы, догадываюсь, Вера? – сурово глянув на меня, спросил военный, по всей видимости, капитан.

– Да, – промямлила я.

Капитан мотнул головой, и пара солдат мигом стащила меня вниз. Разгрузка была закончена. Двери фургона закрылись. Я озиралась вокруг и не понимала, что происходит.

– Вперед! – скомандовал капитан, и военные-палачи потащили тачки с мешками по дороге.

– Эту с собой! – капитан зашагал вперед.

Я попыталась сопротивляться, вырывалась, но двое вытащивших меня из фургона солдат легко схватили меня за руки и за ноги и потащили вслед за всей процессией.

Нести пришлось недолго. Песчаная утрамбованная дорога уходила в лесной массив, свернув там несколько раз, выползла к большому песчаному карьеру. Карьер был искусственного происхождения, а запах, исходящий оттуда, не оставлял сомнений в его предназначении: там был могильник.

Меня встряхнули и поставили на колени. Внизу кратера бушевало пламя. В воздухе носились обрывки ткани, не истлевшие хлопья, наверх поднимался пепел и жар. Пламя видимо имело химическую основу, не гасло, не прогорало, но временами вспыхивало ярче с синеватым оттенком.

«Красные маски» привычными движениями стали вываливать серые мешки с трупами в эту адскую яму. Мешки катились по склону, стучаясь друг о друга, затем их охватывало пламя. В одном из этих мешков, я знала точно, была живая мать двоих детей, но в котором, я не смогла бы сказать. Они все, один за другим, отправились гореть. Пламя взвилось до вершин деревьев, обдало жаром и зловонием.

Солдаты потащили меня к краю. Я кричала, плакала, царапалась, перед лицом ужасной и мучительной смерти. У

края меня развернули к командиру, я ничего не видела от слёз и едкого черного дыма.

– Тебе невероятно повезло! – крикнул он, – Сегодня была репетиция, но в следующий раз ты полетишь вниз вместе с остальными.

Меня с трудом поставили на ноги, и повели обратно в фургон, который ждал, как оказалось, моего возвращения. Когда меня забросили внутрь, и машина поехала на этот раз в лагерь, женщины недовольно зашипели. Они были недовольны, что пришлось ехать в такую даль, а избавиться от меня так и не пришлось.

Я сидела в темноте, обхватив колени, не веря в то, что в этот раз удалось избежать смерти. Фургон подскакивал на ухабах, было больно, но впервые я была рада боли: она означала, что я по-прежнему жива.

Глава 16

В лагере у ворот ждала Нина. Она привычно встретила всех женщин, провела переключку и провела мимо охраны на территорию. На меня она не взглянула, но когда я уже поворачивала на дорожку к своим «персональным апартаментам», она поравнялась со мной и мимоходом пожала меня за локоть. Я стояла и смотрела, как она удаляется быстрыми шагами, а на её шее блестит новый металлический обруч.

Когда я подошла к домику, на крылечке увидела задремавшую Лену. Она, очевидно, устала меня ждать, но уйти не посмела. Она открыла глаза, посмотрела на меня и невольно шарахнулась в сторону. У меня было разбито лицо, я была вся грязная, в изодранном платье, со сбитыми локтями и коленями, а в глазах застыл ужас от произошедшего. Она бросилась ко мне и помогла лечь на диван.

– Всё не так страшно, как кажется, – я постаралась улыбнуться.

Она решительно помотала головой и убежала. Её юную шею также обвивало стальное электрическое украшение.

«Теперь за любой мой «проступок», за любое неповиновение их будут бить током. Всех, кто хоть как-то связан со мной», – от этой мысли стало тошно. «Что это за мир такой?! Как это стало нормой жизни для местного населения?! Как

мне выбраться отсюда теперь, когда моя жизнь может оборваться в любой момент?!», – от вопросов кружилась голова.

Лена принесла таз и воду, я немного привела себя в порядок. Она принесла лёд, и мы приложили его к моей опухшей щеке. Усталость победила стресс и я вырубилась.

Проснувшись, я отправилась за заднюю площадку домика. Там среди клумб и вечернего благоухания гортензий, села на качели и стала ждать. Как и предполагалось, ждать пришлось недолго. Спустя десять минут на дорожке появилась Маргарита. Она степенно направилась ко мне и присев рядом начала:

– Ваша вчерашняя выходка дорого нам всем обошлась.

– Простите, меньше всего я склонна беспокоиться о благополучии моих похитителей, – отрезала я.

– Вы многого не знаете, не представляете, как тут всё устроено, потому сразу воспринимаете в штыки наш уклад, но он зарекомендовал себя столетиями. Если бы Вы только попробовали стать немного восприимчивее к происходящему, постарались приспособиться, Вы бы поняли всю прелесть Вашего, Вера, положения. Вы не первая, не последняя, но это не умаляет Ваших уникальных возможностей сейчас. Если хотите, я Вам расскажу о преимуществах, которыми «доноры» могут пользоваться...

– До тех пор, пока их не сбросят в пылающую яму в сером мешке? – съязвила я.

– Вы непробиваемы. Мы должны стать если не друзьями,

то партнерами. От вашего неразумного поведения могут пострадать люди...

– Которые меня украли и вынуждают заниматься чёрт знает чем? Да и представления о «партнерстве» и «дружбе» в вашем мире слишком отличаются от моего, – закончила я.

– Чем я могу Вам помочь? Я здесь только для этого, – Маргарита устало закатила глаза.

– Достанете мне гранит.

Она побледнела.

– Откуда Вы знаете? От Алькальда? – её рука взметнулась к обручу вокруг шеи.

– Так мы договорились? – упорствовала я – Вам нужен послушный «донор», мне – гранит.

– Я не могу даже обсуждать с Вами такое! – внезапно потеряв хладнокровие, зашипела на меня Маргарита, – То, что Вы просите, невозможно!

Я, понуриив голову, раскачивала качели. Другого ответа я не ожидала, но она неожиданно деловым тоном добавила:

– Если Вы будете четыре недели вести себя ответственно и делать всё, как надо, я разрешу одному человеку рассказать вам о граните. Только рассказать.

Я внимательно посмотрела на неё, но маска равнодушного чиновничьего безразличия уже вновь была на ней. Месяц не маленький срок, но ради ключа, открывающего портал между нашими мирами, постараться притвориться было можно.

– Сегодня день уже прошёл, а я не пела, ни рисовала, ни

что там ещё делают счастливые и покорные «доноры»? Да и выгляжу паршиво, а уж чувствую себя и того хуже.

– Это как раз не беда! – почти весело заключила она – Сейчас я распоряжусь: мы всё успеем!

Маргарита бодро зашагала между клумб, довольная, что получила от меня тот результат, на который рассчитывала. Я с трудом поднялась и поплелась к столовой. Голод был просто зверский.

Алла Семёновна, не обращая на мой вид внимания, расцвела и привычно зачирикала о том, как хлопотно работать на кухне, где все едят в разное время. За тяжелой шторой стол был уже накрыт. К моему удивлению, все продукты на столе были красного оттенка: томатный сок, яблоки, клубника, красные болгарские перцы, красная рыба, вяленое мясо, красные омары, даже торт «Красный бархат».

Я в недоумении уставилась на такой необычный банкет. Алла Семёновна, поправляя свой новый обруч на горле, к которому очевидно ещё не привыкла, мягко усадила меня в кресло и объяснила:

– Видишь ли, мне иногда присылают просто продукты, а что готовить из них, чтобы тебя порадовать, решать оставляют мне. Но иногда, как сегодня, – она закашлялась, – Придется съесть что-то, что повысит энергоотдачу нужного цвета. Сегодня – это красный.

– Еда тоже влияет? Одежда? Занятия? Что ещё? – я хотела знать больше, раз уж решила на время встроиться в эту

систему.

– Это я не могу тебе сказать, – пугливо ответила Алла Семеновна и торопливо удалилась, на ходу пожелав мне «Приятного аппетита!».

Я принялась за еду. Какого цвета, мне было безразлично, лишь бы перестал мучить голод. Но я должна была признать, что некоторые продукты, даже в нашем мире, я видела нечасто: омары были в диковинку.

Когда я вышла на улицу, уже спустился густой вечер, нужно было торопиться. Страх от того, что мне готовит эта ночь, сковывал. От одежды и волос до сих пор пахло погребальным костром. Перед глазами стояло лицо несчастной женщины, которая сама решила принести себя в жертву ради детей.

Тамара тоже была в новом ошейнике. Она отправила меня в душ, сделала профессиональный макияж за несколько минут и от удара на щеке, от заплаканных глаз, от синяков под глазами не осталось и следа. Через час волосы были уложены волнами и посыпаны блестками, накладные ресницы придали томности глазам, ярко-красная помада визуально увеличила рот вдвое, а яркое красное шелковое платье с глубоким декольте окончательно завершило образ женщины-вамп тридцатых годов.

Нина пришла с фонарем и отвела меня к воротам. Окинув меня оценивающим взглядом, утвердительно кивнула. Я была ей очень благодарна. Она одна из всех здесь, казалось, по-

няла, каких душевных сил мне стоило стоять здесь, готовясь к «выезду», как ни в чем не бывало, после всего пережитого мной с утра. Я села в машину и отправилась к Алькальду, полная страха и решимости.

Глава 17

Правитель встретил меня в самом благостном расположении духа: он добродушно улыбался и что-то напевал. О нашей вчерашней встрече разумным было не вспоминать, как и о его приказе «прокатить меня по окрестностям» вместе с трупами. Я решила, что сегодня не задам ни единого вопроса, не буду ни в чём сомневаться, а лишь выполнять его волю. Не потому, что вчера была на волосок от смерти, а чтобы убедить всех, что стратегия запугивания сработала, что теперь я буду как покорная овечка. Если всё пойдет по моему плану, то скоро у меня будет достаточно информации, чтобы что-нибудь предпринять. А пока я решила сыграть в его игру.

Он предложил красного вина, от которого я не могла бы отказаться, даже если бы захотела. Получив кучу комплиментов, относительно моего внешнего вида, я села на стул, закрыла глаза и приготовилась к передаче. В состоянии медитации и расслабления я наблюдала, как мягкие волны ярко-алого цвета утекают куда-то вверх от меня, маковым цветом наполняя всю меня внутри и снаружи. Передача длилась около двух часов, затем Алькальд предложил сделать перерыв. Это было необычно, но я подавила своё желание спрашивать. По нему было видно, что поток этой энергии

усваивается им с трудом, нужно больше концентрации с его стороны, чтобы усвоить её.

– Вы сегодня молчаливы и оттого ещё прекрасней, Вера, – усаживаясь напротив, проговорил он.

– Не хотите ли Вы о чём-либо спросить? Вероятно, обсудить возникшие у вас вопросы? Попроситься домой?

Я отрицательно покачала головой. Он удивленно приподнял брови, затем холодно рассмеялся:

– Я всегда говорил, что один раз прокатиться на карьер эффективнее, чем нескончаемые беседы. Ох, уж эта Маргарита...

«Значит, в лагере все знают и о моей вчерашней попытке сбежать и о том, что меня чуть не сожгли живьём», – я вежливо улыбнулась. Пусть думает, что всё так и есть. Меня напугали – я послушалась.

Алькальд включил музыку и пригласил на танец. Танцевать не хотелось. Хотелось врезать по этой наглой роже и бежать без оглядки, но правила игры диктовали обратное. Когда мы танцевали под вторую мелодию, в дверь постучали.

– Войдите, черт бы вас побрал! – Алькальд усадил меня на стул и сделал шаг к дверям. В проёме возник Марат. Руки сами сжались в кулаки, когда я увидела человека виновного в моём тут нахождении. Чтобы сохранить невозмутимый вид, я вцепилась в стул.

Раздражение Алькальда тут же улетучилось, они обнялись, как старые приятели.

– О, мой дорогой, я не знал, что ты уже вернулся. Как всё прошло? – глава Кантона уже, видимо, знал ответ.

– Всё идёт по графику: люди ждут, все приготовления закончены, скоро мы сможем достичь поставленной вами цели.

– Нужно что-то? Можно ли как-то ускорить?

Я не понимала о чём идет речь, но была уверена, что какая бы цель ни стояла, она была отвратительна. Военные не обращали на меня ни малейшего внимания, как не обращают внимания на вещь, и продолжали обсуждать малопонятные детали какой-то операции, которая должна была, по их мнению «изменить всё».

– Мы не утомили Вас, дорогая, – Алькальд, наконец, обратился ко мне. Я снова отрицательно мотнула головой и выдавила из себя улыбку.

– Неужели это «подарок»? Отлично выглядит! – Марат сделал вид, что только сейчас меня увидел, хотя его взгляд блуждал по мне уже минут десять.

– Она великолепна, спасибо! Не без проблем, конечно, но когда получение энергии было легким делом? – Алькальд рассмеялся.

Марат подобострастно захихикал и добавил:

– Как обычно, если, разумеется, Вы сочтете это приемлемым, я бы хотел забрать этот экземпляр для окончательной выработки.

Алькальд ничего не ответил.

«Окончательной выработки»?! «Экземпляр»?! Я была вне себя от гнева. Хотелось броситься на него и срубить с плеч его мерзкую голову, как у ядовитой змеи, но я только сильнее вцепилась в стул и не проронила ни звука. Вместо этого всё своё внимание я направила на его руки. На левом запястье, как в вечер нашей встречи, поблескивал на кожаном ремешке небольшой отполированный кусочек гранита в форме шестиугольника (поэтому я первоначально приняла «ключ» за часы). Ни знаков, ни отверстий, ни рисок – только гладкий плоский камень. Отмычка к моему миру. Так близка от меня и так недостижима.

Марат раскланялся и многозначительно добавил:

– Наслаждайтесь Вашим пребыванием в гостях, надеюсь на нашу скорейшую встречу!

Я восприняла это как угрозу и недовольно нахмурилась, но тут же поймала на себе оценивающий взгляд Алькальда.

– Может, мы продолжим? – вложила я в свои слова столько мёда, насколько была способна. Он кивнул. Снова алая энергия заструилась сквозь меня, полилась потоками, водоворотами вовне. Когда я открыла глаза, почувствовала себя очень уставшей, в ушах шумело, голова кружилась.

Алькальд заботливо проводил меня на террасу и закурил. Я съёжилась от свежести утра и, шатаясь, одна поплелась в сторону ворот. Несмотря на жуткую усталость, я была довольна: гранит до сих пор на руке Марата, мы, по его заверениям, ещё встретимся, значит, есть путь домой.

Глава 18

Как мы договорились с Маргаритой, следующие четыре недели я вела себя как образцово-показательный «донор». Моё «утро» начиналось в два часа дня, когда я отправлялась в столовую, где Алла Семёновна услужливо хлопотала и пыталась угодить. Все мои гастрономические пристрастия выполнялись, будь то блины со сметаной, домашний борщ или шоколадное мороженое. Затем я отправлялась обратно к домику, где моя «помощница», не служанка, Лена – скромная и немногословная, уже готовила для меня новое интересное занятие.

Иногда было даже интересно, что окажется на следующий день. Кроме рисования и прослушивания классической музыки, моими «обязанностями» были: читать стихи местных поэтов, которые мне не очень понравились: в основном о благодарности, собачьей верности и повиновении Алькальду; танцевать под музыку, напоминающую чем-то нашу попку; качаться на качели, нюхать цветы, кормить рыбок, загорать. Некоторые «задания» приводили меня в недоумение, например, мне нужно было петь целый час, вышивать или складывать оригами, чего я не умею. Некоторые приводили в восторг. В один из дней мне принесли совершенно очаровательного щенка лабрадора и дали задание с ним поиграть

и потискать! В другой – меня ждала настоящая арфа, на которой мне полагалось тренькать, сколько влезет. Некоторые задания отличались серьезным настроением – нужно было медитировать, заниматься йогой, другие больше походили на шалости – примерка бутафорских драгоценностей, скаканье на батуте или наблюдение за облаками.

Все остальные жительницы лагеря во время моих развлечений усердно работали. Наверное, им неприятно было бы видеть, как я занимаюсь всякой ерундой, пока они трудятся в поте лица. Поэтому домик «донора» был отделен от остального лагеря небольшой рощей. Женщин, которых я видела в фургоне, в лагере было не выделить из массы однообразно одетых людей. Проходя мимо, я старалась вглядываться в их лица, но все, как одна, отворачивались и отводили глаза. Думаю, смотреть и общаться со мной, им было запрещено.

Закончив свои нехитрые «обязанности», я вновь отправлялась в столовую. Там уже ждал ужин, очень обильный, разнообразный, иногда однотонный. Было занято есть только зеленую еду или оранжевую, пробовать продукты с голубым или синим ингредиентом. Алла Семёновна неизменно жаловалась на мой скромный аппетит, что было вежливым притворством. По нашей первоначальной договоренности, все продукты с моего стола оставались ей.

В последнюю очередь меня ждала Тамара. В её флигеле играл мягкий рок или романтические кантри-баллады. Мягкий свет, шелест разнообразной ткани, блеск фальшивых

драгоценностей и смешавшийся запах нескольких десятков духов создавал ощущение, что я попала в заготовительный цех феи-крестной, которая выпускает, как с конвейера, по несколько десятков «золушек» в час. Дополняла это ощущение непрерывная суэта и щебетание вокруг меня неутомимого стилиста. Она приносила один за другим наряды, примеряла парики, клеила ресницы и заливала меня лаком так, что в конце преображения я часто не могла узнать себя в зеркало. Цвет наряда больше не обсуждался. Я приняла как данность, что носить придется то, что «заказано». Мандариново-оранжевое платье сменяло ярко-салатовое, небесно-голубое сменяло пурпурное. Наряды и образы я воспринимала как маскарадные и втайне надеялась когда-нибудь снова оказаться в своей родной футболке и стареньких удобных джинсах.

Белых и черных цветов в одежде не было. Поэтому, когда я увидела в углу гардероба белое свадебное платье, очень удивилась.

– Это по какому-то особенному случаю? – не подозревая подвоха, беззаботно спросила я Тамару, которая завивала очередной мой локон.

– У вас бывают свадьбы?

Она внезапно скривилась, как от зубной боли, я поняла, что в этот момент она получила незначительный, но очень неприятный разряд тока от своего шейного ободка. Я прикусила язык. Она отдышалась и максимально нейтрально от-

ветила, что «использование белого платья возможно лишь в исключительных случаях».

– В нашем нелегком деле мы должны быть готовы ко всему, – она натянуто улыбнулась и принялась за следующую прядь волос.

Когда мой образ был завершен, за мной приходила Нина и провожала меня за ворота, где ждала машина. Мы шли молча. Я ничего не спрашивала. Она ничего не рассказывала, но наши встречи, когда она вечерами провожала меня, а утром встречала у проходной, казалось, немного нас сблизили.

Затем начиналась моя работа «донором». В военной части могли отдавать свою энергию приготовленные Тамарой и Ниной для солдат «особи», тогда стоял шум, и брэнчала противная музыка, но в казармах могло быть и тихо, тогда становилось понятно, что уже отбой.

Алькальд не спал никогда. Он ожидал на террасе, курил и жестом приглашал меня внутрь. Там он оценивал труд Тамары и приглашал меня присесть. Я погружалась в транс или медитативное состояние; переставала чувствовать время и пространство, только нарастающую слабость, усталость и подавленность. Энергия струилась снизу вверх внутри моего тела и уходила куда-то вовне. Мне иногда казалось, что я вижу зеленое, оранжевое или голубое свечение вокруг себя. Потом оно иссякало, я открывала глаза.

Через несколько дней плодотворного «партнерства» я решилась спросить:

– Почему энергия разного цвета?

– Неужели никогда не интересовались чакрами? – Алькальд вопросительно приподнял брови.

Я мотнула головой. В моём мире вопрос религии оставался для меня далеким и не таким важным. Пасха и рождество – это были единственные праздники, где для меня мелькал духовный смысл, но и тот терялся за рекламными компаниями производителей, пытающихся на этих праздниках заработать.

Алькальд важно закинул ногу на ногу и тоном университетского лектора проговорил:

– Сама жизнь человека есть процесс непрерывного энергетического взаимодействия с объектами мира и друг другом. Мы научились это использовать, как неисчерпаемый источник энергии для себя. Взаимодействие происходит посредством резонансных зон (чакр), имеющих в энергетическом поле самого человека.

Проще говоря, не буду мучить вас названиями, есть семь видов энергий: красная энергия – энергия выживания, физической силы, агрессии, экспрессии; оранжевая энергия – плотские удовольствия, страсть, радость, кураж; желтая энергия – самореализация в социуме, интеллект, власть; зеленая энергия – любовь и дружба; голубая – самовыражение и творчество; индиго энергия – управление, интуиция, концептуализация и фиолетовая энергия – вдохновение, прямая связь с божественным началом, некая практическая духов-

ность! Энергия, которая вырабатывается в Вашем, Вера, теле, принадлежит мне!

Алькальд отвесил шуточный поклон.

– Все мои занятия, еда, одежда стимулируют нужную Вам от меня энергию, да?

– Верно. Энергопоток можно стимулировать, что мы и делаем, а Вы помогаете. Я пристально слежу за прилежностью исполнения Вами необходимых занятий.

– Долго можно использовать человека, как «донора»? – я запнулась, понимая, что сболтнула лишнего.

– Вам не стоит переживать – он размял кисти рук, – Наша «дружба» будет энергоэффективна достаточно продолжительное время, а когда она перестанет быть таковой, мы вернемся к этому вопросу. Но от Вас многое зависит. Именно Вы должны наполнять себя нужной мне энергией за день. Если Вы будете стараться – Вам ни в чём не будет отказа.

Он покровительственно улыбнулся. Мне хотелось бежать от него, от этого странного мира, от его обитателей – энергетических вампиров, выпивающих нас, использующих и безжалостно сжигающих в общей яме.

Утром машина возвращала меня в лагерь. Алькальд оставлял моё состояние без комментариев, но и он, и я стали замечать, что уставать после передачи энергии я стала сильнее, иногда добавлялось головокружение. Он не придавал этому особого значения, значит, решила я, энергии во мне ещё достаточно и время у меня есть. «А потом, потом, когда

моей энергии перестанет хватать? Что станут делать со мной дальше? Если корова не дает молока, её забивают на мясо. Это произошло с женщиной, которую я видела в фургоне? Её энергию выпили до дна?», – эти вопросы задавала я себе по пути в лагерь и обещала, что найду ответы до того, как станет слишком поздно. В лагере сама не своя от усталости я заваливалась спать, а проснувшись, находила новое обязательное занятие на день, способствующее выработке энергии нужного цвета.

Чувствовала я себя при этом, ничуть не лучше скотины в хозяйстве: пока есть польза, её кормят, холят и берегут, но проходит время и ничего кроме шкуры не остается.

Глава 19

Каждый раз, открывая глаза, я мечтала оказаться дома, в своей постели, чтобы всё это оказалось сном. Но Лена настойчиво тормозила меня и заставляла подниматься.

Прошло двадцать пять – тридцать дней. Без часов, телефона, календаря перед глазами, но при ночном режиме бодрствования, я потеряла ориентацию, сколько времени уже нахожусь в этом месте. Приступы внезапного головокружения участились, а усталость стала почти постоянной – верный знак, что откачка моей энергии шла полным ходом.

Однажды, когда я возвращалась после очередной смены «донора», шатаясь от усталости, в сторону домика «для избранных, особо покровительствуемых особ», Лена, ждавшая меня как обычно на крыльце, стала делать мне знаки, чтобы я прошла в сад за домиком.

– Я очень устала, дай мне поспать – автоматически пролаяла я. Лена дернула меня за рукав:

– Вы же сами просили. Помните, у Маргариты?

Я стояла, медленно соображая, что же я просила у Маргариты? Гранит! Мне про «ключ» должны рассказать через месяц моего примерного поведения. Маргарита держит слово?! А я была уверена, что меня надуют. Только как же она мне расскажет, если нельзя рассказывать? Чокеры под элек-

трическим током, камеры, через которые всё видно в любой момент? Я нетерпеливо засеменила за угол. Сад был пуст. Никого не было видно. Жужжали пчёлы, пахли цветы, пригревало утреннее солнышко. Я устало бухнулась на качели.

Где-то из кустов позади меня послышалось недовольное:

– Где тебя черти носят?

От неожиданности я соскочила, начала вглядываться в заросли. За ними еле заметно серела полусогнувшаяся фигура.

– Маргарита?! Это Вы? – я ошарашенно продолжала вглядываться в кусты.

– Не мели чушь – разозлился знакомый голос – Сядь, не маячь. По камерам должно быть видно, что ты одна, цветочки нюхаешь.

Я кивнула, нагнувшись к клумбе, сорвала садовую ромашку и ткнула её себе в нос.

– Вот, молодец. Я не хотела с тобой говорить. Будь моя воля, ни за что бы не согласилась, да больно уж Маргарита просила.

– Нина? Это Вы? Вы же меня только что от ворот проводили и ушли.

– Конечно, ушла и до сих пор хожу где-то по территории. Она глубоко вздохнула, – А ты меньше рот открывай и слушай, раз уж выторговала себе это право.

За моей спиной она немного повозилась, видимо, усаживаясь на траву, давая отдых натруженным ногам, и начала свой рассказ.

– Я сама с Норильска. Зимы у нас знаешь какие? У-у.... И люди, что твои медведи – сильные и самостоятельные. Я машину научилась в восемнадцать лет водить. Как первую зарплату получила, сразу купила колымагу мою. Счастлива была как слон, хоть машина старше меня была. Глохла она, зараза, всё время в самых неподходящих местах. Вот как-то зимним вечером от подруги я ехала. Та за городом жила. Машинёшка моя закапризничала прямо на трассе. Встала. Ну, я туда-сюда, так её раз так! Пока ковырялась, иззябла вся, телефона не было. Стою, никого нет. Ну, думаю, бросать надо, да обратно к подруге пешком или бегом, не то сама околею. И тут он. Высокий, красивый, на дорогой машине: «Поехали», говорит, «в гости». Я «сам с усам», да видно сил уже не было, согласилась. Вот и «гощу» до сих пор.

– Это Марат был, да? – куда-то в сердцевину ромашки прошамкала я.

– Он, конечно – за кустами тяжело вздохнули.

– Вы просто здесь остались работать? Или «донором» как я?

– Да нет, не совсем, – Она помолчала, собираясь с мыслями.

– Сперва меня, как тебя, Алькальду показали, но толи энергия моя ему не показалась, толь другая причина была, а не нужна я ему была. На тот момент у него свой ещё пригодный «донор» был.

– Почему же не отпустили? – мой вопрос прозвучал глупо

даже для меня.

– Марату подарили. Я его «донором» была два года. Сильная была, молодая, энергию быстро восстанавливала. Кроме того, очень сильно я для него старалась.

– Полюбили его без памяти? – презрительно фыркнула я.

– Нет. Домой хотела, к матери. Больше жизни хотела. Всё со временем разузнала и про энергию, что местное руководство предпочитает – что «едят», и про жизнь их вечную, про власть, про то, как тут устроено всё. Про гранит узнала. Где-то через год. Не как ты. – Она горько вздохнула.

– Я тоже домой хочу! Муж дома, мама, сестра... Я запнулась. – Вы же, как никто, понимаете, что такое наш мир, дом?

– Понимаю. Но как видишь здесь до сих пор. Я вот что пришла сказать: «Ничего не выйдет». Ты будешь «донором» Алькальда, пока будут силы, будешь ему «чистую» энергию отдавать. Добровольно. Потом ослабнешь, станет меньше энергии. Он начнёт голодать и злиться на тебя. Потом он начнёт её у тебя забирать силой. Какое-то время питаться «низкими вибрациями».

– Это как? Не поняла? Плакать опять? – я смяла в руке ни в чём не повинную ромашку.

– Этого будет не достаточно для выплеска энергии. Чтобы получать энергию сиреневого цвета будут лишать сна по несколько дней. Индиго – мучить твой мозг электрошоком. Голубого – смотреть на уродства и болезни. Зеленого – видеть страдания животных, людей. Желтого – оскорблять и

унижать твоё достоинство. Оранжевого – насиловать. Красного – пытаться до потери сознания. И, в конце концов, тебя выпьют до дна. А Марат привезет нового «донора». Ты не первая, даже не сто первая. Тут так.

Я сидела пораженная. Оглушенная. Веря и не веря в то, что неизбежно со мной произойдет. Вспомнилось измученное лицо женщины в фургоне, сожженной заживо в карьере. «Тут так» – стучали в висках слова Нины.

– Алькальд будет это всё делать? Он всегда так делает? – подсознательно я очень хотела думать, что эти страшилки только для моего послушания.

– Нет, не сам. Алькальд предпочитает «чистую энергию». Его статус, положение позволяет ему менять доноров часто. Но у него много подчиненных: генералы, полковники, куча солдат. Всем нужна энергия. Все получают её рано или поздно, как обеды с его стола.

– Меня передарят дальше? Как вещь?

– В один из вечеров машина не отвезет тебя к Алькальду. Отвезет к кому-нибудь другому. Генералы питаются «низкими частотами» синего спектра, в основном. Если выживешь, то здесь, в лагере, переселят тебя в общий барак.

Или ездить к солдатам будешь с другими «особями» в фургоне. Они проще, любят энергию оранжевого или красного спектра.

Нина замолчала. Она ждала моей реакции. А я не знала, что сказать. Мозг лихорадочно пытался найти лазейку, вы-

ход, чтобы всё сказанное не относилось к моей судьбе, и не находил.

– Значит, – я медленно подбирала слова, – Все женщины в лагере тоже «донорши», только низких энергий, верно? Всех похитили?

Нина недовольно повозилась:

– Нет, не так. Я же объясняю, из нашего мира только я и ты. Остальные местные. Они отдают энергию по своей воле. Из нашего мира «доноры» с большим энергетическим потенциалом, они только для высших чинов.

– Эти женщины что, сами позволяют творить с ними все эти ужасы? Для чего?

– Ты здесь недавно. Не знаешь, как местные живут. Военная диктатура – строй не самый приятный. Расстрелы, репрессии, тюрьмы, бунты и снова расстрелы. Сложно жить. Но выбор есть. Можно согласиться стать «донором» для правящей военной хунты и жить в одном из таких лагерей как этот. Здесь женщины одеты, накормлены. Для многих эта жизнь лучше той, что ждёт их за периметром.

– Их же «доят»? До смерти! Я видела, до чего они доводят женщин! Одна из них говорила из мешка, что сама так решила. Я тогда не поняла. Говорила мне, что у неё дети... – я затравленно замолчала, всхлипнула.

– Не реви! – гневно зашипела на меня из кустов Нина, – С ума сошла! Многие женщины приходят в такие лагеря от голода, холода, нищеты. Зато их родные – родители, дети,

любимые попадают под защиту режима. Они никогда не станут «донорами» против их воли. А это тоже сплошь и рядом! Женщин здесь берегут. В казармы фургон за «донорами» приходит не как за тобой – каждый день, а только несколько раз в неделю. Одни и те же дамы не ездят по два раза подряд – накапливают энергию, работают, спят, восстанавливаются. А, главное, знают, что с их родными ничего плохого не случится, пока они здесь.

– Они же становятся продажными женщинами?! Это здорово, так ты считаешь? – я скривилась от отвращения.

– Молодая ты ещё, глупая. Нет в этом трагедии, польза одна. Если эти женщины солдат энергией не обеспечат, те «с голодухи» в город пойдут, к их детям, к их сестрам, матерям. Поняла? Они – мои героини, все, как одна!

– Но их же потом в мешках везут в топку! Это как?

– Это – оправданный риск. Всегда есть те, кто не накопил достаточно энергии и их «выпивают» до дна случайно. Есть те, кто сопротивляется, отдавая энергию. Тогда забирают силой, до последней капли. Это не худшая смерть, уж поверь!

– Так вот почему они на меня так смотрят – ко мне начало понемногу приходить понимание, – Я считала, что они меня ненавидят, потому что у меня здесь «особое, привилегированное положение», в котором все вы меня так убеждали. А, выходит, они просто меня жалеют? Зная, что они могут умереть сегодня или через неделю, а могут прожить ещё долго, а дни мои сочтены в любом случае?! Меня «выпьют» до дна

неизбежно. Как всех девушек – «доноров» из моего мира до меня! А нет, сначала будут мучить и насиловать! – Я понимала, что у меня начинается истерика. Меня затрясло. Ноги стали будто ватные, в животе был холод, голова плыла.

– Как же Тамара? Лена? Маргарита? Ты? Как вы все можете делать то, что вы делаете каждый день? Как вы не разделили общее предназначение – стать кормом для этих чудовищ?! – я уже почти кричала.

Нина шикнула на меня:

– Если ты не возьмешь себя в руки, я уйду немедленно!

Боковая камера на крыше домика любопытно развернулась и уставилась своим черным рыбьим глазом в мою сторону. Я вдохнула. Потом ещё и ещё. Глубокие вдохи. С натянутой улыбкой помахала переломленной ромашкой в её сторону. Какое-то время было тихо. Я боялась, что Нина ушла, но не смела развернуться и посмотреть.

– В этом никакого секрета нет – устало донеслось за спиной – Маргарита – сестра Алькальда, двоюродная. Тамара – тоже родственница какого-то генерала не здешнего. По связям устроили, для безопасности. Я. Что я? Меня Марат сюда устроил, после того, как наше «партнерство» прекратилось.

– Почему тебя не отдали солдатам? Им тоже, как Алькальду, твоя энергия не подошла? – язвительно спросила я.

– Нет. Помнишь, ты спросила, полюбила я его что ли, раз осталась? Я нет. А он любил меня очень сильно. Наверное, любит до сих пор где-то в глубине души. О том, чтобы от-

дать меня кому-то речи не было никогда. С первого дня с меня пылинки сдувал, заботился, лучше, чем о тебе сейчас заботятся. Хотел в жены взять. Энергия у меня оттого и не заканчивалась долго, что берег он меня, лишний раз не брал энергию.

В её словах мне послышалась какая-то теплота к человеку, который безжалостно лишил меня семьи, дома, привычной жизни. Я ощетибилась:

– Что ж ты не стала его женой, раз он такой распрекрасный был? А сидишь в кустах тут со мной?!

– Потому что, молодая была, как ты, втемяшила себе в голову, что домой хочу до одури! Вот и поплатилась за свою глупость. Я про гранит всё у него узнала. Что он очень редкий, что первый камень случайно в пространственную дыру в этот мир попал. Свалился, можно сказать, с неба. Мир наш давно нашли, да вот «ключа» не было. Из гранита сделали первый ключ – в виде пластинки – шестигранника, вроде часов, только без циферблата.

Я кивнула головой. Именно такой я видела у Марата пару дней назад на руке. Нина продолжала:

– Потом первый человек портал открыл. Это был дед Алькальда. Принес оттуда несколько камней, сделали ещё несколько «ключей», потом ещё. Что тут началось! Все стали в наш мир порталы открывать, взрослых и детей тащили сюда сотнями. Держали как коров в специальных загонах. Даже разводить пытались для получения энергии. Когда нако-

пили много энергетического потенциала, началась тяжелая, продолжительная война за власть. Победу одержал дед Алькальда со своими сторонниками. Они собрали и переправили в наш мир все «ключи», чтобы только избранные могли посещать наш мир. Чтобы энергия людей доставалась избирательно, только лидерам, делая их непобедимыми, сохраняя их преимущество над остальными. Установилась военная диктатура. Так и живут.

– То есть победители оставили себе несколько «ключей»? Сколько? У кого они?

– Больно ты любопытна, но я была такая же – Нина вздохнула, – Ничего не выйдет. «Ключей», по словам Марата, всего четыре. Один у него и три у других высших чинов в других Кантонах.

– Я думала, у Алькальда тоже есть «ключ».

– Нет. Алькальд только один из четырех наследников-победителей той войны. Им самим запрещено использовать переход в наш мир. При каждом из них есть специальный человек – советник, соратник, друг, если угодно, цель жизни которого осуществлять переход с помощью «ключей», подбирать эффективных доноров для своего главнокомандующего.

– В этом мире четыре государства?

– Нет, одно, разные области. Я про это мало могу тебе рассказать: я всё время была здесь, в этом городе. Но город и окрестности я знаю хорошо.

– Значит, у Марата единственный здесь с «ключом»? Он тебя любил и доверял тебе, судя по твоим словам. Почему не забрала «ключ» и не вернулась домой?

– В том-то и дело, что я пыталась. Знаю, ты думаешь, что стоит взять «ключ» и тут же откроется портал, где березы шумят и ручьи гремят? – Она горько усмехнулась, – У каждого ключа есть генетическая связь с владельцем гранита. Он не работает с другим человеком. Я это поняла, когда выкрала у Марата его ключ, сбежала и попыталась его применить. Ничего не вышло. Был огромный скандал. Алькальд приговорил меня к смерти – меня должны были за предательство сжечь заживо, но Марат сжалился надо мной. Как-то упрямил Алькальда поселить меня здесь, с условием, что я никогда отсюда не выйду. Мне повезло. И ты не глупи. Знаю, что у тебя на уме. Все знают. И Алькальд, и Маргарита, все. Не первая ты такая.

Она замолчала. Я не верила ей.

– Ты так говоришь, потому что у тебя не вышло. Может я – другая? У меня выйдет вернуться домой. Я не имею роскошной возможности сидеть и рассуждать, как было бы прекрасно остаться заточенной в этом лагере до конца моих дней. У меня уходит время: перспективы не радуют.

Я задумалась. Слишком о многом хотелось поразмыслить, но после тяжелой ночи очень клонило в сон. Из-за угла выглянула Лена и рукой позвала меня – пора было отдохнуть и приниматься за очередное занятие по накоплению энергии с

необходимым вождю потенциалом. Я поднялась:

– А Лена? Она тоже поедет к солдатам? Она же девочка совсем...

– Нет. Она никуда не поедет. У неё всё будет хорошо, – Нина зашуршала в кустах, поднимаясь с травы.

– Почему ты так уверена? – спросила я без особого, впрочем, интереса.

– Потому что Лена – дочь Марата. И моя. – Нина скрылась в густых зарослях.

Глава 20

Я бухнулась на кровать и проспала почти до трёх часов. Лена осторожно растормошила меня и протянула мне палитру, на которой были все оттенки синего цвета.

– Прекрасно! Будем рисовать, – зевнула я и потянулась.

День прошёл быстро и уже привычно: рисование, йога, медитация, плотный ужин с черничными кексами и синее платье с глубоким декольте и шифоновым палантином.

Машина была подана вовремя. Нина вела меня к КПП. Я смотрела на неё во все глаза, но ни единый мускул на её лице не выдал, что в нашей беседе утром она рассказала мне так много о себе. Весь утренний разговор показался далеким и неправдоподобным сном.

Тут меня осенило: «Вот ведь как просто тебя провести! С чего ты решила, что то, что Нина тебе наговорила, не одобрено самим Алькальдом и Маргаритой?! Они специально напугали меня, дали понять, что выхода у меня нет. И вот я, как послушная овечка, еду на «донорство». Они же все заодно здесь. Прегадкий мир! Я обязательно отсюда выберусь!».

Машина уносила меня в темноту.

«Если суммировать то, что мне выдала Нина, без учёта её «истории», что мы имеем? «Ключ» – гранитные часы, которые ни разу не часы. Они у Марата. Марат где-то в городе,

если не шарахается в нашем мире в поиске очередного «донора», который займет моё место, когда меня не станет. «Не станет», – от этой мысли стало не по себе. Время поджигает. Откуда мне знать, когда моей энергии перестанет хватать Алькальду?

Если верить Нине, «ключ» работает только у Марата. Он генетически на него как-то запрограммирован. Есть ещё Лена – его дочь, она его генетический потомок. Нужно использовать её, но как? Как? Голова плыла от напряжения: первое – похитить «ключ» у Марата, второе – узнать, как его активировать и использовать для этого Лену, третье – выбраться из этого адского места до того, как моя «чистая энергия» перестанет устраивать местные власти и меня подарят кому-нибудь, кто не так шепетилен в выборе потребляемой энергии. Нужно быть умнее, нужно добыть информацию о том, как работает «ключ»! Будем считать, что как он «не работает» я уже знаю».

Я закрыла глаза и, видимо, задремала, так как проснулась от того, что солдат довольно грубо тряс меня за плечо.

Алькальд был задумчив. Казалось, он совершенно не заметил моего появления. Он что-то рассчитывал, глядя в купу бумаг хаотично разложенных на столе. Я привычно опустилась на стул и стала ждать. Спустя пару часов он потянулся, подняв глаза, наткнулся на меня.

– Что ж, – небрежно заметил он, – Вы здесь, следовательно, пора подкрепиться, хе-хе.

Я почувствовала себя куском ливерной колбасы: стало противно.

Алькальд начал забирать энергию. Я чувствовала, как силы покидают меня, как мои размышления уплывают куда-то в синюю дымку. Мне хотелось сосредоточиться, сфокусировать на чём-то моё внимание, чтобы не проваливаться в забытё, но у меня ничего не вышло. Как обычно, я открыла глаза только на рассвете. Алькальд, ни слова не говоря, вернулся к своим бумагам. Выглядел он посвежевшим и даже казался на пару лет моложе, от его усталости не осталось и следа, чего нельзя было сказать обо мне. Я была разбита, тело ныло, голова плыла, и очень хотелось прилечь. Я поплелась к выходу.

– Вы, знаете, Вера, – донесся мне в спину веселый и бодрый голос, – Я Вами очень доволен. Вы стараетесь, я вижу и ценю это. Вы должны больше отдыхать, не тратьте время на пустые разговоры с кустами. Больше спите. Это пойдёт нам обоим на пользу.

Я вдохнула. Воздух при его словах застрял где-то внутри. Как? Как можно отсюда сбежать, что-либо спланировать, если Он знает обо всём?! Конечно, его сестричка известила о моем интересе к граниту, о нашей беседе с Ниной, о чём ещё он знает? Уж наверняка больше моего о том, что мне уготовано. Я молча уставилась в пол.

Алькальд, во всей видимости, развлекался моим прибитым видом.

– Я желаю Вам добра. Ну, может, не напрямую Вам, но через Вас я желаю добра себе и как можно больше, – он осклабился.

– Поэтому Ваше спокойствие – это моё спокойствие, а оно бесценно! Уж поверьте, я просто невыносим в гневе!

Я хорошо помнила разбитый нос, но посчитала неуместным вспоминать об этом. Я кивнула:

– Я Вас услышала. До вечера! – я открыла дверь в прохладное утро.

– Не спешите, Я ещё кое-что хочу Вам сказать. Считаю нужным Вас предупредить, что следующим вечером нам придется встретиться для передачи энергии не здесь. У меня встреча с главами других Кантонов и Вам придется присутствовать, как моему официальному «донору». За Вами заедет Марат и привезет ко мне на встречу. Он придет на час раньше, будьте готовы.

Я машинально кивнула, как будто эта новость не имела никакого значения. На самом деле до машины я почти бежала: «Меня вывезут в город. Алькальд будет занят встречей, а я смогу осмотреться, может удастся узнать дорогу на берег реки, с которой меня украли, где в последний раз открывался портал домой. Кроме того, меня повезёт Марат – единственный обладатель «ключа». Нельзя упустить такой шанс!».

Приехав в лагерь, я энергично и целеустремленно направилась в домик спать, чем немало удивила встречавшую

меня заспанную Нину. Нельзя было терять время – вечером предстоит «отчетный концерт» перед делегацией, нужно быть во всеоружии.

Лена разбудила меня довольно поздно, уже вечерело. Выспалась я отлично, но встревоженно глянула на часы: времени для специальных упражнений не было.

Тут распахнулась дверь и вошла Маргарита в деловом костюме и с деловым настроением:

– Сегодня, Вероника, Вам предстоит важное мероприятие. Перед ним обычно занятия для повышения уровня тех или иных вибраций не проводится. Вас ждут в столовой и сразу к Тамаре – ей многое нужно успеть сегодня, – она еле заметно мотнула головой, и Лена поспешно выскочила из дома.

– Сегодняшняя ночь необычная для «донора», не каждый удостоивается такой чести и такой ответственности. Вам представится возможность выказать свою благодарность Алькальду за его высочайшее к Вам расположение, за наш радушный прием и королевское содержание, – она чопорно сложила руки на груди.

– Благодарность?! Королевское содержание?! – взорвалась я, – Вы издеваетесь?! Меня похитили, используют, как дойную корову, скоро пустят на мясо, а я должна благодарить за это?

Я негодовала. Швырнув подушку на пол, прошла мимо Маргариты, которая не выглядела удивленной моей реакци-

ей. Маргарита вышла на террасу и, глядя в сторону камеры видеонаблюдения, хладнокровно заметила:

– Марат может подыскивать нового «донора». Эта не перенесёт «поединок». Слишком много гонора.

Глава 21

В столовой было тихо. Аллы Семёновны не было. Столики протирала угрюмая худая женщина лет сорока пяти – пятидесяти.

– Здравствуйте, мне бы поесть, – начала с порога я.

– Мне бы тоже, – не отрываясь от своего занятия, ответила та.

– Я – Вера, Алла Семёновна далеко?

– Далеко. Отсюда не видать, – женщина выпрямилась и злобно уставилась на меня.

– А вы меня не накормите?

– Да всё за занавеской для Вашего высочества уж накрыто, – и она сплюнула на пол.

Я поняла, что мне здесь сегодня не рады. В другой день я бы предпочла остаться голодной, но сегодня мне нужны были все силы. За тяжелыми шторами, в моём укромном уголке стол был накрыт. Как всегда он ломился от вкусностей, но больше всего меня поразило, что в центре стола красовался трёхъярусный белоснежный свадебный торт с нежнейшими взбитыми сливками и воздушным безе. От удивления я села в кресло и тут же ойкнула: мне в бедро слегка воткнулись зубчики вилки, которую кто-то оставил между спинкой и подлокотником. Я вытащила вилку. Вокруг неё была об-

мотана бумажка.

Пододвинув к себе тарелку с салатом, под столом я развернула записку: «Не ешь торт, в нём яд». Я вспомнила наш уговор с Аллой Семёновной, что при первой попытке отравления она меня предупредит, и с тревогой уставилась на прекрасное произведение кулинарного искусства. Кто-то очень постарался, чтобы у меня возникло желание хотя бы попробовать кусочек: торт был великолепен.

Вот почему сегодня нет Аллы Семёновны – отводит от себя подозрения. Зачем кому-то меня травить? Я и так скоро умру, по всей видимости. Медлить было нельзя – камера видеонаблюдения фиксировала, что за полным столом я не съела ни кусочка. Пришлось понадеяться, что кроме торта всё остальное вполне съедобно, и поесть. Разумеется, к тарту я не притронулась.

Тамара была заплаканная. Я неуклюже потопталась в дверях:

– Что-то случилось?

– О, моя дорогая, как рано приходится нам прощаться! – она сокрушенно вздохнула, – Это всегда так тяжело: привыкать к новому человеку.

– Вы уезжаете? – глупо спросила я и осеклась: речь обо мне.

Она покачала головой и пошла к шкафу. Вместо привычных ярких нарядов из недр вышло чудовищно-нелепое белое свадебное платье. Я сглотнула: что-то очень часто при-

ходится мне сталкиваться со свадебной тематикой сегодня.

– Всегда такое разнообразие цвета, почему сегодня белое? – я старалась, чтобы голос звучал как можно непринуждённое.

– Вера, Вы как всегда наблюдательны, а я как всегда не смогу Вам ответить, – бегло ответила Тамара, небрежно поправляя обруч с током на шее и давая понять, что дальнейшие расспросы могут навредить нам обеим.

Я уселась в кресло. Два часа меня приводили к идеальному образу «невесты». Нужно отдать должное моему стилисту – я была просто обворожительна. На своей настоящей свадьбе я была одета гораздо скромнее, но чувствовала себя в миллион раз счастливее. Сейчас же меня скорее готовили на эшафот. От моего вида веяло предсмертным холодом.

Нина пришла раньше, но я уже была готова. Тамара бросилась мне на шею и крепко обняла. Когда за мной закрылась дверь, в гримерной послышался плач. «Как приятно, наверное, мне должно быть от этих рыданий в мою честь, – раздраженно подумала я, но тут же остановилась – Стоит быть начеку, раз со мной прощаются навеки».

Нина посмотрела на свадебное платье с некоторым удивлением, потом, видно, поняв что-то, нахмурилась, и зашагала к пропускному пункту. Вдруг мы увидели толпу женщин, которые сгрудились у одного из барачков и что-то энергично обсуждали. Нина свернула в их сторону, сказав мне ждать её у ворот. Но я решительно направилась за ней к галдевшему

сборищу лагерниц.

Нина влетела в их кучу, как ястреб на цыплят и зашипела:

– Вы что?! С ума посходили?! Что у вас тут произошло?!

Быстро за работу!

Но никто не двинулся с места. Когда я подошла, одна из женщин, с пергидрольными волосами, в грязном переднике, ткнула в меня пальцем:

– Это из-за неё всё! Она во всём виновата! – и на меня злобно уставились несколько десятков глаз.

Толпа расступилась: на земле валялась женщина, которую я видела в столовой. Лицо застыло в предсмертной конвульсии, на губах – розовая пена, тело выгнуто в последнем мышечном спазме. Она была мертва.

Я догадалась, что уборщица не погнушалась обедами моего стола, в том числе отведала и отравленный торт. «Если бы меня не предупредила Алла Семёновна, вот так я бы выглядела сейчас», – пронеслось в моей голове. Я в ужасе отшатнулась.

– Эта «невеста» всех нас сведёт в могилу! Лида с ней виделась последней! – не унималась одна из лагерниц. Кто-то из женщин оплакивал судьбу своей товарки. Остальные молчали. Ждали ответа и моей реакции. Я не знала, что делать.

Нина деловито спросила:

– Где Алла?

– Она сегодня взяла день и уехала в город к врачу, – подала голос другая женщина из толпы.

– Кто готовил сегодня в столовой? Чья смена? – Нина решила разобраться.

– Так Лида и готовила! – Женщина с длинными наращёнными ресницами кивнула на труп на земле.

Нина потопталась на месте, но, не найдя быстрого решения, ступсешевалась:

– Всем возвращаться к работе! Живо! – она сурово взглянула на зачинщицу разборок. Та сдаваться не хотела. Встряхнув своей бело-желтой шевелюрой, она прищурилась:

– А с этой что делать? Наверняка это её рук дело!

Нина протянула руку, указывая на меня:

– Да что она может сделать?! Ты посмотри: она сама без пяти минут труп! Женщины оглядывали мой наряд и сокрушенно вздыхали. Мне стало страшно: если все признают, что мне конец, то дела мои плохи. Люди стали расходиться. Подруга отравившейся Лиды, в грязном переднике, отправилась к Маргарите сообщать о происшествии. Нина повела меня к воротам.

– Это мой последний «Выезд», верно?! – тихо спросила я.

– Нет, не верно, – Нина встряхнула меня за плечи, – Не все, кто в белом платье уходил отсюда, возвращались. Это так. Но у тебя всё получится!

За её спиной треснула ветка. Кто-то прятался и тайком провожал меня. Я с усилием вглядывалась в сумрак кустов. Вдруг тень дернулась, наши глаза встретились. Это была Лена. Она была чем-то напугана или очень расстроена. Девуш-

ка побежала в лагерь.

«Бедная девочка тоже переживает за меня!», – подумала я, – «Только смелости не хватило подойти, попрощаться».

Нина, будто не заметив этого инцидента, спокойно проговорила:

– Если мы ещё увидимся, я буду рада, – и вытолкнула меня за ворота.

Марат был в парадной военной форме. Он стоял у машины с прожорливо открытой задней дверью. На секунду его взгляд натолкнулся на Нину, которая провожала меня, и он тут же отвернулся, скрывая выражение своего лица. Мы двинулись в путь. Казалось, что вот так вдвоем в машине мы ехали на день рождения Алькальда сотню лет назад.

Он молчал. Я посматривала на его руки: длинный рукав кителя скрывал гранитный «ключ».

– Со мной довольно трогательно попрощались, – решила начать беседу я.

Лицо Марата было бесстрастно.

– Даже пытались отравить на прощанье.

– А Вы умеете заводить друзей, – он достал трубку и закурил.

– Считаете, это друзья подсыпали мне яд?

– Считаю. И они же предупредили о нём, раз Вы сидите нарядная в машине.

– Почему же мне лучше бы умереть от яда, а не ехать на эту редкую для любого «донора» встречу?

– Потому что Вы не осведомлены о наших обычаях, Вера.

– А Вам нельзя меня осведомить? Или Вы тоже носите шоковый ошейник, как все прислужники Алькальда? – я вопросительно уставилась на него.

– Я не ношу ничего, что мне не положено носить, – Марат был явно задет, – И я не «прислужник», а правая рука главнокомандующего. Я сам решаю, кому и что рассказывать.

«Да, да, про то, что твоя постельная болтовня чуть не помогла Нине сбежать от вас, я уже знаю», – подумала я.

– Если угодно, я просвещу Вас, – он принял важный и напыщенный вид, – Встреча глав Кантонов происходит раз в год. Кантонов четыре. На встрече решаются текущие вопросы, но перед этим избирается глава агломерации. Один из четырёх на год становится лидером нашего общества.

– Как это определяется? – почему-то мне не хотелось знать ответ.

– Тут-то и скрывается Ваша, Вера, ведущая роль, Ваше предназначение, так сказать. Как Вы поняли, я надеюсь, за время вашего здесь пребывания: Энергия – наш рычаг влияния. У кого больше энергии, тот и может подавить волю другого, оказывать влияние на большее количество людей и, как следствие, иметь больше приверженцев. Энергию главнокомандующие Кантонов берут у «доноров», значит, чей «донор» сильней, тот и будет правителем следующий год.

– Мне что, надо будет сразиться с другими несчастными? Бой подушками, прыжки в высоту, фехтование? – я не могла

поверить, что нас как бойцовых петухов нарядили невестами и везут на спарринг.

– Нет, нет, – моя глупость явно забавляла Марата, – Ваша ценность – Э-Н-Е-Р-Г-И-Я. Вас всех посадят в ряд и будут пить вашу энергию, у кого «донор» останется в живых, тот и победил. Это поединок энергий! Очень эффективное зрелище!

Я потеряла дар речи. «Доноров» выкачивают до последней капли энергии! До меня дошёл весь ужас предстоящего. Все сочувственные взгляды, слёзы Тамары, кажущаяся отстранённость Нины, бегство Лены, напыщенность Маргариты – всё обрело смысл. Кто-то даже пытался дать мне яд, чтобы смерть моя не была мучительной. Я вжалась в кресло. Деваться было некуда: машина въезжала в город.

– Ну, не расстраивайтесь так, – мой попутчик говорил о предстоящей экзекуции, как о празднике, – Если Вы выиграете и подарите Алькальду главенствующее место в совете Кантонов, Вас щедро наградят!

– Отпустят домой? – полным безнадёжности голосом спросила я.

– О, нет, конечно! Но может, позволят выезжать из лагеря, посещать театры, музеи; подарят кучу всего. Правды ради, хочу отметить, что последние четыре «донора» Алькальда не оправдали наших ожиданий, – Марат сокрушенно вздохнул, – Но Вы, безусловно, имеете равные шансы на победу!

– Почему я в свадебном платье?

– Дань традиции. Тем более что белый цвет содержит в себе все цвета, весь спектр энергетического потока. Это символично: с чистого листа начинается год правления нового верховного командующего.

Машина резко затормозила перед высоким зданием с колоннами. Мы прибыли на место моей казни.

Глава 22

Марат не преувеличивал, когда называл это «мероприятие» зрелищным. Перед зданием из белого мрамора, которое служило, по всей видимости, местной официальной резиденцией Алькальда, собрался весь город. Был выстроен в парадном обмундировании гарнизон солдат, блестел медью на заходящем солнце вымуштрованный военный оркестр, красные дорожки, как языки, вели подъезжающих высоких гостей в утробу здания.

Марат, крепко ухватив меня за локоть, поволок вверх по лестнице. Ноги подгибались. Я начала ныть, что не пойду. Он злобно шикнул на меня:

– Можете идти со мной, можете отправиться отсюда сразу в карьер! Что выберете, Вера?

Я потащила наверх.

Внутри было свежо и пахло розами: холл был уставлен большими вазами с большим количеством цветов. Хрусталь огромных люстр под высоченным потолком, ковры, кованое литьё изогнутых лестниц – всё напоминало роскошь советского государственного аппарата. Навстречу нам вышел сам Алькальд и крепко пожал руку Марату. Посмотрев на меня, отвесил поклон, но заметив моё зеленое от страха лицо, заметил:

– Вы прекрасно выглядите, Вера! Вам не о чем беспокоиться!

Будто я была взволнована своим внешним видом, а не близостью расправы надо мной. Я беспомощно огляделась вокруг в поисках возможности сбежать: увы, повсюду было полно вооружённых, стоящих на вытяжку солдат, которые готовы были пристрелить меня, стоило Алькальду лишь моргнуть.

– Я провожу Вас в комнату ожидания, – Алькальд повел меня в один из многочисленных коридоров. Мы остановились у одной из позолоченных дверей и он, нагнувшись ко мне, еле слышно сказал:

– Марат дал Вам понять, что от Вас требуется?

– Да, наверное, – замялась я, – Не умереть раньше остальных?

– Верно, – серьёзно согласился он, – Но важнее дать мне столько энергии, сколько у вас есть, отдать добровольно; отдать, полностью доверяя мне. Не в моих интересах Вас убивать, мне важна победа сегодня как никогда. Скоро грядут большие перемены, чтобы они осуществились, мне нужно кресло верховного командующего. Если Вы мне его добудете, Вам ни в чём не будет отказа. Вы меня слышите?

Я неуверенно кивнула:

– Всё будет как всегда?

– В общем, да. Только в этот раз недостаточно будет просто погрузиться в медитативное состояние. Вы должны быть

активны: думать и чувствовать как можно ярче. Вспоминайте дом, ваше детство, друзей, всю вашу жизнь в мельчайших деталях, понимаете?

– Да. Но я никогда не побеждала в соревнованиях, в чём бы то ни было.

– Самое время начать побеждать! За свою жизнь стоит бороться, не так ли? – Алькальд отворил тяжелую дверь в комнату ожидания – Скоро Вас позовут. Не волнуйтесь.

Я не волновалась. Я была в полном ужасе. Мне предстояла битва за свою жизнь, которую не ясно как выиграть. Шансы вернуться домой уменьшились до нуля. Сбежать – невозможно. Я шагнула к единственному окну в комнате и одернула тяжелые шторы: на окне красовались массивные решетки. Видимо, не все из «доноров» жаждали вступить в поединок отдачи энергии и окончить свою жизнь мучительным способом. Некоторые пытались сбежать или покончить с собой до начала церемонии. Охрана стояла внутри и снаружи комнаты, видеокамеры неусыпно следили.

В комнате было четыре софы, обитые красным бархатом. Опустившись на одну из них, я стала ждать своих конкуренток. Вскоре открылись двери и вошли ещё три «невесты». Белоснежные платья, шуршащие юбки, вуаль и кружева, причёски и макияж – прекрасные девушки с затравленным взглядом обреченных на смерть.

Мы сидели друг напротив друга, изучали и молчали. Напротив – девушка лет двадцати двух, с длинной русой косой,

уложенной на голове в корону, серыми глазами и высокими скулами, была очень красивой. Свежесть кожи, ясность глаз, упрямое выражение лица выдавало сильную личность. Я подумала, что побеждать не впервой для неё, потому что волнения не было на её лице, лишь спокойная уверенность превосходства.

Справа – женщина старше, лет тридцати пяти, с уставшим измученным лицом и глубоко запавшими глазами. Было заметно, что для приведения её к яркому образу невесты пришлось наложить не один слой грима на высохшую кожу. Она сжимала и разжимала свои запястья, как бы пытаясь перекрыть себе кровоток. Вероятно, она провела в статусе «донора» много времени и заметно нервничала.

Слева – в прекрасном платье с блёстками, с длинной шей в нескольких нитках жемчуга сидел ярко покрашенный молодой человек. От неожиданности я захлопала глазами: до этой встречи я была уверена, что «донорами» забирают только женщин, но в любых правилах, видимо, были исключения. Он скромно раскрыл веер, который висел на его запястье, и начал обмахиваться.

Все были на взводе. Все понимали: вернётся в эту комнату только один из нас, а кто это будет, не сможет предсказать никто.

– Вы прекрасно выглядите. Давно гостите здесь? – обратилась ко мне девушка напротив тоном завсегда такая резиденций.

– Я бы не назвала это «гостями»: меня похитили, – злобно огрызнулась я, но потом, смягчившись, добавила – Мы все здесь не гости, верно?

Показалось глупо собачиться в последние минуты своей жизни.

Женщина справа глубоко горестно вздохнула. Парень начал интенсивнее махать веером.

– Кто-нибудь уже участвовал в такой процедуре? – решила спросить я.

Парень закатил глаза и поднял руку. «Вот и определился фаворит», – решила я, – «Он уже знает, что нас ждёт, он – победитель прошлого года, а, значит, он – опаснее всех в этой комнате». Остальные девушки, наверное, тоже так подумали, потому что посмотрели на него с некоторым страхом.

– Ой, только не нужно на меня так смотреть, – обиженно заявил молодой человек, – Я ничего плохого не сделал. Это не мой выбор. Никто не знает, чья энергия мощнее. Мне в прошлый раз просто повезло.

– Разве здесь вообще может кому-нибудь повезти?! Это просто безумие – стравливать нас, испытывать, убивать! – я услышала свой голос, будто со стороны.

– Тише, прошу Вас, – женщина справа указала взглядом на камеры в потолке, – не будем о плохом.

– Чего теперь-то бояться? Всё равно шансов выжить нет, – я стала разглядывать свои руки. Воспоминания о муже, маме, сестре накатили на меня. Я вспоминала нашу последнюю

встречу (ездили к маме на дачу, жарили шашлыки, парились в бане). Они даже представить не могут где я, что со мной происходит. А сама я могла представить себя когда-нибудь в таком месте, в такой компании?! Конечно, нет.

– А Вы откуда родом? – обратилась я к нервной женщине, решив сменить тему.

– Я? Я из Салехарда, – она вздохнула так тяжело, будто преодолевала незримую преграду.

– Земляки, значит. Я тюменская, – улыбнулась я. Так тепло было встретить кого-то из дома. Я посмотрела на девушку напротив, – А Вы?

– Воронеж, – отрезала красавица и отвернулась.

– Великие Луки, – горделиво произнес паренек-невеста.

– Странно, никого из Москвы, – я была готова болтать о чём угодно, только бы не думать о том, что скоро предстоит «поединок».

– Ничего странного: в столице давно нет людей с чистым незамутненным энергетическим полем, – тоном знатока заметил парень, – Только на периферии ещё можно встретить столь тонко...

Речь его прервал солдат, который отворил позолоченную дверь в нашу клетку и громко огласил: «Доноров» просят пройти в главный зал!

При этих словах молодой человек в свадебном платье упал в обморок. Веер упал на мягкий ковер.

Глава 23

Зал для встречи глав Кантонов был в белых тонах: белоснежные шторы и огромный толстый белый ковёр, гигантские зеркала, белые с золотом стулья с высокими спинками как у тронов, белые гортензии. Высокий свод потолка с лепниной и великолепной шестиярусной хрустальной люстрой вызвали бы вздох восторга у кого угодно, но не у меня. Я всё это великолепие не могла оценить: ноги подкашивались, голова от страха ничего не соображала, комок застыл в горле.

Солдаты ввели под руки всех четырёх «доноров» и усадили в ряд на небольшом расстоянии друг от друга. Народу в зале было не много: пышно одетые главнокомандующие, их «носители ключей» и до зубов вооруженная охрана.

Вперед вышел Марат:

– Уважаемые гости, мы собрались на ежегодном торжественном выборе нашего лидера! Пусть умножится его энергия и будет бесконечна! Приступим!

Он призывно взмахнул рукой по направлению к нам. Каждый лидер Кантона подошел к своему «донору» и занял место за его спиной. Я почувствовала, как Алькальд властно положил мне руку на плечо, будто на свою гончую, и стряхнула её.

В этот момент молодой человек, который только что при-

шел в себя, вскочил с криком:

– Не хочу! Не заставьте! – и кинулся к выходу. Ему преградили путь несколько солдат. Первым же ударом его сбили с ног, затем последовал удар шокером, отчего тело юноши обмякло, и его отнесли обратно на стул.

Марат небрежно кивнул кому-то, и напротив нас выстроилась колонна солдат: они взвели курки и направили автоматы на каждого «донора». Владелец молодого человека был в ярости: перед самым состязанием, его «лошадку» практически вывели из строя, но был решительно настроен забрать всю энергию, сколько бы не осталось в бедном пареньке.

Марат объявил:

– По закону «Поставщик энергии», покинувший своё место до завершения соревнования, будет уничтожен. Господа, желаю всем удачи! Пусть победит сильнейший!

Главнокомандующие подступили к «донорам» и начали выкачивать энергию. От четырех человек в свадебных нарядах потянулись тонкие полупрозрачные потоки белого света. Я закрыла глаза и «поплыла» куда-то далеко, в те воспоминания, где мы с сестрой гоняли на велосипедах по летним дворам; где мама утром пекла блины и их обволакивающий теплом запах вырывал нас из воскресного позднего сна; где мы с мужем гуляли студентами по пешеходному мосту над неспешной рекой, он нёс какую-то влюбленную чепуху.... Мои мысли переходили от одного воспоминания к другому, приближая их в памяти, наполняя картинки яркими цвета-

ми, запахами и звуками, звучанием разговоров и моими чувствами в те моменты. Время остановилось и мне казалось, что если я уже умерла и теперь смогу жить в этих воспоминаниях снова и снова, то это не самый плохой исход.

Очнулась я от того, что меня окатили ведром ледяной воды. От неожиданности я вскочила, захлопала глазами, но почувствовав внезапную слабость и головокружение, упала на пол. Меня встряхнули и подняли на ноги двое солдат. Вокруг раздавались аплодисменты, но они предназначались не мне: раскланивался и принимал поздравления Алькальд. Лицо его светилось превосходством, он наслаждался видом кислых физиономий своих «соратников», особенно бывшего верховного главнокомандующего; с надменным видом принимал заверения в верности и лживые комплименты его уму и изощрённости в добыче энергии. Алькальд торжествовал.

У меня, напротив, радости от победы не было. На стульях в неестественных позах навечно застыли три трупа. Людей, с которыми я вошла в зал, больше не существовало. Я смотрела на измученное желтое лицо недавно прекрасной девушки с русой косой вокруг головы, украшенной цветами, и потеряла сознание.

Очнулась я в той же комнате, где все «доноры» ждали поединка. Голова болела, на белом платье были следы крови: видимо из носа. Я лежала на тахте. За окном начинался рассвет. В комнате больше никого не было. Я поднялась и потащила к дверям. Дернув ручку с удивлением обнаружила,

что дверь не заперта, и опасливо выглянула в коридор. Никого. Видимо, все солдаты где-то праздновали победу Алькальда: откуда-то из глубины коридора ведущего в главный зал слышались голоса, звенело бутылочное стекло. Полагая, что я нескоро приду в себя, меня оставили без охраны.

Я неспешно двинулась по коридору в другую сторону от шума празднования. Впереди была небольшая рекреация с круглым столом из красного дерева в центре. Над ним висела массивная хрустальная люстра. По сторонам от стола, на двух кожаных диванах храпели охранники. Очевидно, они были очень пьяны: их оружие было небрежно брошено на ковёр, парадные кители, залитые вином, тоже валялись на полу. На столе, который использовали, по всей видимости, в течение многих часов как игральный, красовались полупустые бутылки, бычки от сигарет и разбросанные карты. Я замерла и несколько секунд не шевелилась, но, убедившись, что разбудить их был бы не в состоянии и пушечный выстрел, на всякий случай на цыпочках, по ковру, миновала рекреацию.

Коридор делал заворот и уходил куда-то вдаль к большим позолоченным дверям. Больше дверей не было. Возвращаться назад было глупо, и я решила дойти до конца коридора: посмотреть, что там. В случае опасности, всегда можно сказать, что искала туалет и заблудилась. Дойдя до двери, я опасливо оглянулась, но никого не было. Дверь оказалась не запертой, но тяжелой: пришлось приложить усилия, чтобы сдвинуть её и протиснуться внутрь. Внутри оказалась

небольшая комната. Полумрак от плотных задернутых штор не давал сразу разобрать, что там находится. Когда глаза привыкли к темноте, оказалось, что она почти пустая. Мебели не было. Вездесущих камер наблюдения тоже. У одной из стен прямо на полу как постамент стоял большой неотёсанный валун с выбитыми словами: «Cognito alium mundum». На камне ничего не было, кроме странной ряби, словно пространство в этом месте истончалось и становилось прозрачной.

Я несколько секунд читала надпись, потом поднесла руку к зыбкому месту над камнем. В то же мгновение моя рука словно провалилась внутрь невидимой ямы и исчезла. Я резко отдернула руку обратно. Пространство продолжало рябить. «Это место перехода в наш мир! О нем говорила Нина! Это из этого случайного разрыва получили первый гранит!», – от внезапной догадки я даже подпрыгнула. «Вот почему этот коридор под охраной тех пьянчуг на диванах! Вот почему резиденция Алькальда именно в этом месте и выбор нового главнокомандующего происходит здесь! Только почему портал до сих пор открыт? Как символ? Или это какая-то аномалия?» – меня так и распирало от радости моего открытия и внезапной надежды. Но просунув снова руку в пространство, я с досадой поняла, что кроме моей руки по локоть, ничего не входит. Голову или хотя бы лицо было невозможно протиснуть и посмотреть: что находится по ту сторону. О том, чтобы влезть туда целиком, не могло быть

и речи.

Я горестно отступила. Вот как, наверное, чувствовала себя Алиса, которая отчаянно хотела стать меньше, чтобы попасть туда, куда очень хочется. К сожалению, я, в отличие от неё, не спала, и уменьшаться, как и увеличиваться в размерах, не умела. Понимая, что срочно нужно что-нибудь предпринять, раз у меня такая уникальная возможность находиться рядом с порталом, когда никто не видит. Я стала хаотично соображать. Слабость после откачки энергии и головная боль делали процесс мышления тягучим и неповоротливым. «Надо попросить помощи! Рассказать им, что я тут! Но как? Никто не поверит, если рассказать. Как они могут оттуда мне помочь, даже если бы захотели?!», – разум отчаянно хотел увидеть выход и не находил его.

«Раз первый гранит как-то попал сюда, значит, может попасть снова. Нужно попросить бросить мне камень, тогда останется только узнать как его «активировать» чтобы он стал «ключом», как открывать переход в наш мир, потом сбежать. План более чем фантастический. Меня никто больше сюда не привезёт никогда, а если привезут, то точно не для того, чтобы водить с экскурсией по тайным комнатам. Но что я теряю? Нужно бросить записку в портал!», – я начала оглядывать комнату, но ни бумаги, ни тем более ручки не было.

Взгляд остановился на моём пышном белом подоле из изысканного кружева. Задрав несколько слоёв, я добра-

лась до нижних хлопчатобумажных юбок подклада. Вырвав небольшой кусок бело-желтой ткани, оглядела его и сочла, что вместо бумаги он вполне сгодится. Писать было тоже нечем. Я готова была рыдать от отчаянья. Несколько минут я простояла, почти готовая сдаться и вернуться в комнату ожидания ни с чем. Как вдруг вспомнила о пустых бутылках на столе в рекреации, где отсыпались охранники.

Сердце застучало сильнее от мысли, что ничего не выйдет, когда я воровато выглянула в коридор. Пусто. Быстро вернувшись к рекреации, я заглянула за угол: охранники всё ещё храпели, звуки празднования вдали стали тише. Стараясь не шуметь, осторожно ступая по ковру, я дошла до стола и взяла одну из бутылок. На цыпочках вернулась за безопасный угол коридора и припустила бегом к позолоченной двери.

Уже в комнате, отдышавшись и собравшись с духом, я со всего маху треснула бутылку о камень-постамент. Вопреки моим ожиданиям, бутылка не разбилась на мелкие кусочки (видимо я преувеличила свою силу удара), а треснула около горлышка. Я ударила ещё раз и горлышко отломилось. Разложив кусок ткани на полу, осколком порезала средний палец. От вида крови немного закружилась голова, но адреналин, бушевавший в ту минуту, выручил, и я торопливо написала: «Я – Вера. Вы – надежда на спасение! Умоляю!!! Спасите мне жизнь! Туда, где Вы нашли записку, положите кусок ГРАНИТА!!! Скорее! Важно!»

Оторвав ещё один лоскут и замотав палец, я перечитала своё сообщение. Глупо! Как глупо! Нужно было заранее продумать, что писать, тогда получилось бы короче и не так сумбурно. Но время поджимало: переживать об этом было некогда. Я чувствовала, что ещё немного и моё пребывание здесь будет раскрыто. Нужно было возвращаться. Свернув сообщение в несколько раз, я просунула руку в портал и выбросила его куда-то в неизвестность.

Я стояла и напряженно ждала, но ничего не произошло. Это и неудивительно, ведь я не знала: куда выходит этот микро-портал, есть ли там кто-то способный прочитать письмо, а также насколько реален шанс, что с другой стороны найдется гранит. Потоптавшись несколько минут возле камня, я ещё раз засунула руку в неизведанную рябящую пустоту и пошарила там рукой. Было пусто. «Cognito alium mundum» – бесстрастно указывала мне надпись. На всякий случай, я несколько раз повторила эти слова слух, как заклинание, но эффекта не было.

Ждать дольше было нельзя. Я, наспех спрятав осколки бутылки за тяжелую портьеру и аккуратно прикрыв за собой дверь, направилась обратно. Миновав рекреацию, я оглянулась. В этот момент один из солдат неловко поднялся с дивана и грозно заревел:

– Вам сюда запрещено! Нарушитель! Нарушитель! – и на шатающихся ногах направился в мою сторону.

Я застыла, не зная, что лучше предпринять. Все заготов-

ленные мной объяснения вылетели из головы. Пьяный и злой солдат подошел и хотел, видимо, ткнуть в меня оружием, но только тут заметил, что не вооружен. Он с недоумением оглянулся и, увидев своё оружие валяющимся на полу, отправился обратно за ним. Я отступила на несколько шагов, но он довольно проворно подхватил автомат с пола и, нацелив его на меня, злобно зарычал:

– Стоять! Я сказал: ни с места! Нарушитель!

Второй охранник с трудом разлепил глаза и с недоумением таращился то на меня, то на своего сослуживца.

В этот момент в другом конце коридора показался Алькальд в сопровождении нескольких офицеров. Они видели, что меня держат на мушке, но на выручку никто не бросился. Алькальд без интереса несколько секунд смотрел в нашу сторону, после чего скрылся за одной из дверей. В голове пронеслось: «Меня застрелит этот пьяный дурак, и никто его не остановит!». Но тут к нам подошел один из офицеров и, взяв меня за локоть, повел в сторону, небрежно бросив:

– Вас приказано доставить в лагерь, идемте.

Я обернулась. Солдат некоторое время продолжал стоять с автоматом наперевес, слегка покачиваясь. Затем сплюнул и отправился обратно на диван.

Меня вывели из здания и усадили в машину. Когда впереди показались ворота лагеря, я с облегчением вздохнула. Никогда не думала, что буду рада оказаться здесь снова.

Глава 24

У ворот меня никто не встречал. Это было неприятно, означало: никто не ожидал, что мне суждено выжить и вернуться. Уже совсем расцвело и все были на работах. По дорожке я отправилась к «своему» домику. Лены не было. Я умылась, но сил раздеться уже не было. Прямо в свадебном платье, я завалилась в постель. Палец, перемотанный обрывком ткани, сильно болел. Я провалилась в глубокую темноту без снов.

– Она скоро придёт в себя? – голос был строгий и немного капризный. «Маргарита», – догадалась я, но глаз открывать не стала.

– Она уже долго спит, так что, я думаю, через пару часов – голос Нины звучал как всегда бесстрастно и размеренно.

– Как очухается, приведите её в порядок, а потом ко мне, – дверь за Маргаритой захлопнулась. На какое-то время повисла тишина.

Потом снова раздался приглушенный голос Нины:

– Ты с ума сошла! А если бы кто-нибудь тебя заподозрил?! Больше никаких выходок, понятно?!

– Она хорошая, – голос Лены был еле слышен – Она мне нравится. Я хотела как лучше.

– Ты у меня очень добрая, всегда привязываешься к «до-

норам», потом плачешь, когда их «допивают». Не нужно принимать это так близко к сердцу. Её история закончится как всегда. Без исключений. И нам главное, сохранить свои головы, – Нина замолчала.

«Интересно, что такого натворила твоя доченька, что ты так боишься?», – подумала я, но ответ затерялся где-то в подсознании, унося меня опять в глубину.

Когда я открыла глаза, в комнате никого не было. Я даже решила, что весь этот разговор мне приснился. Дверь отворилась и вошла Лена:

– Как я рада, что Вам уже лучше. Вы целые сутки спали. Вам нужно к Маргарите. Она просила. Хм, приказывала.

Я с трудом села на постели и проговорила:

– Разве так было? Она же сказала: приведите её в порядок!
А разве я «в порядке»?

Глаза Лены внезапно расширились от ужаса, она бросилась к моим коленям и запричитала своим тихим тоненьким голоском:

– Вы всё слышали? Простите, простите меня, пожалуйста! Вера, прошу Вас, не рассказывайте Маргарите! Меня и Нину сразу убьют! Пожалуйста! Я, правда, хотела как лучше! Я не знала, что Вы выживите!

Я посадила её рядом, стараясь не показывать, что понятия не имею, о чём это она мелет и нравоучительно сказала:

– Я никому ничего не расскажу. Успокойся. Но ты должна мне рассказать всё сама. Сейчас же!

Лена несколько раз хлопнула носом и, уставившись на свои руки, забормотала:

– Когда Вас стали готовить к последнему выезду, мне сказали прибраться дом для нового «донора». Я поняла, что Вы больше не вернётесь. Мне стало Вас очень жалко. Вы были добры ко мне. Я не хотела для Вас тяжелой мучительной смерти и поэтому я... – она замолчала и продолжала внимательно рассматривать свои руки.

– И поэтому ты... что?

– И поэтому я подмешала яда в торт.

От неожиданности я захлопала глазами:

– Так это ты – таинственный отравитель? Мне казалось, мы поладили. Почему же ты так хотела моей смерти?

Она с жаром заспорила:

– Нет, совсем нет! Наоборот, я хотела Вам облегчить страдания! Вы не представляете, что они могут с Вами сделать! А с ядом Вы бы мучились не долго!

– Прямо как та женщина, которая отведала кусочек твоей отравы, да?

– Это вышло случайно. Я не хотела никому смерти.

– Кроме меня, то есть?

– Ну да. Но я же Вам объясняю: это для Вашего же блага!

Я молчала. Логика конечно странная, но принимая во внимание место и обстоятельства, в которых выросла эта девочка, наверное, она могла считать себя правой.

– Когда я уезжала, это ты приходила меня проводить? Там,

в кустах?

– Я, – она горестно вздохнула, – Я очень надеялась, что Вы уже умерли, а Вы были живая, в белом платье. Я расстроилась и убежала.

– Как мило! Ты сейчас не жалеешь, что твой план не сработал?

Лена отчаянно замотала головой. Её признание было прямодушным, а раскаянье искренним. Это подкупало. Злитесь на неё желания не было, я махнула рукой:

– Ладно. Хорошо, что хорошо кончается.

– Только, постой, меня Алла предупредила, что в торте яд. Она с тобой заодно?

– Нет, нет, – Лена опять округлила глаза, – Она всегда была против этого. Она просто меня любит и когда видит, что я опять э-э... пытаюсь кого-то спасти, очень ругается. Она меня не выдаст, я уверена. Это не в её интересах!

– Тааак, – пораженно продолжала я, – И многих ты до меня отравила, то есть «спасла» по-твоему?

– Только самых-самых любимых! – Лена говорила это таким тоном, будто я должна очень гордиться, что попала в их число, – За два «донора» перед Вами была Ангелина, я «помогла» ей. А до того, ещё Наташа была, а до неё ещё...

– Хватит, хватит, я поняла. У тебя много было «любимец», которые не от «донорства» померли. Так вот о каких «отравлениях» шла речь, о чём меня предупреждала Алла Семёновна в первый же день. Я серьезно посмотрела на Ле-

ну. Она вжалась в сиденье и ждала, что будет.

– Значит, так, – строго начала я, – Обещай мне больше не подмешивать ничего в еду, да и другими способами не нужно помогать мне проститься с жизнью. Если я правильно поняла это место, здесь нет с этим проблем у таких, как я.

Лена с готовностью кивнула.

– Значит, с момента как я вернулась, прошли сутки, да?

Она опять кивнула.

– И меня не нужно было везти вчера вечером к Алькальду?

Лена потупилась:

– Вчера Маргарита сказала Вас не будить, но сегодня она Вас ждёт.

Я сделала гримасу, будто испортили воздух, и Лена рассмеялась.

После того, как я приняла ванну и привела себя в более-менее презентабельный вид, отправилась в «офис». Маргарита неожиданно для меня была не в костюме и поджидала меня не за столом. В цветастом садовом фартуке, с лопаткой для пересадки растений в руках, занималась подкормкой гортензий. Когда я подошла, она продолжила заниматься своим делом.

– Я пришла. Вы звали, – подчеркнуто официально отчеканила я.

Она внимательно глянула на меня, снизу вверх, сидя на корточках перед кустом:

– А ты изменилась. Ещё совсем недавно хныкала, просилась домой. Теперь что, домой расхотелось?

– Конечно, нет. Только Вы же сами дали понять, что это нереально.

– Я позвала тебя, чтобы сказать, – Она начала неистово молотить лопаткой землю в попытке перерубить корень какого-то сорняка, – Чтобы ты не пребывала в иллюзии, что твоя «Победа» меняет твоё положение. Тебе повезло, не более. Тебе уже везло и так чаще, чем многим твоим предшественницам, но это не делает тебя особенной. Совсем. Сейчас, ты, несомненно, гордишься собой?

– Горжусь? Люди погибли! Умерли мучительной смертью! Женщина из Салехарда, девушка из Воронежа и парень – совсем молодой из Великих Лук! – ошарашенно проговорила я.

– Пустое, пустое, – будто не слушая меня, проговорила Маргарита куда-то в куст, – Тебе прислали подарки в благодарность за твой, м-м, «вклад». Но служение твоё Алькальду продолжается в прежнем режиме. Вечером будь готова.

Маргарита, наконец, покончила с непокорным сорняком и выпрямилась:

– Я знаю, что в голове твоей есть мысли о побеге. Хочу чтобы ты уяснила: что бы ты ни придумала, это уже происходило здесь. Я готова ко всему. Знаю твои шаги наперед и готова действовать на опережение. Я слежу за тобой.

– За Вами тоже следят – я указала на её магнитный обруч

на шею. Хорошо себя чувствуете, зная, что братец может лишить Вас головы в любой момент?

– Не говори того, о чём не имеешь никакого понятия! Моя важнейшая роль предполагает ответственность! – резко окрысилась она в ответ, но быстро взяв себя в руки, добавила, – Никаких нелепых выходов! Только работа по предоставлению энергии Алькальду! И будешь жить...

– Долго и счастливо? – съязвила я.

– Нет, недолго, не счастливо, но жить.

Маргарита отвернулась и снова вернулась к своим гортезиям, давая понять, что больше ей нечего добавить.

В домике меня действительно ждали подарки от Алькальда: несколько платьев, большое зеркало в резной деревянной раме, шкатулка украшений с драгоценными камнями. Я равнодушно посмотрела на эти «щедрые дары». Они были мне ни к чему. Всю эту кучу брильянтов и рубинов я с радостью обменяла бы на моё обручальное кольцо.

Я шла к воротам за Ниной, где меня ждала машина. Я была накрашена и причесана. Ярко-оранжевое платье позволяло предположить, что Алькальд сегодня будет насыщен энергией второй чакры. Работа «донором» продолжалась в штатном режиме, а участь моя оставалась такой же жалкой, как и раньше.

Глава 25

Дни потянулись один за другим однообразной чередой. Каждый вечер Алькальд ждал меня в гарнизоне, был не разговорчив, предельно собран. Называл меня своим «партнером» и ни разу не обмолвился о том, что происходило в его резиденции. Я послушно усаживалась на стул, он забирал энергию, я уставшая, как от тяжелого физического труда, уезжала в лагерь. Там я спала, ела, занималась нехитрыми своими обязанностями по увеличению энергетического потенциала необходимой для вечерней процедуры чакры, собиралась, и снова отправлялась к нему.

Спустя несколько недель это стало походить на работу. Всё стало в некоторой степени, предсказуемо. Можно даже сказать, что эта временная стабильность успокаивала. Временами казалось, что нет в этом ничего драматичного – простое сотрудничество: лидеру – энергия, мне – жизнь. Если бы не жгучая тоска по любимым людям дома, не понимание, что я несвободна, не тягостное ожидание неминуемого ужасного конца этого «партнерства», то можно было бы назвать моё существование вполне сносным.

Раз в несколько дней всё так же приходил грузовик за размалеванной толпой девиц, которые отправлялись развлекать солдатский гарнизон. Они стали смотреть на меня ме-

нее презрительно, после того, как я вернулась с церемонии выбора нового главнокомандующего. Но всё же держались от меня подальше, осторожничая, на всякий случай. Кто знает: когда и от чего я умру и не захвачу ли их с собой? История с отравлением их товарки ещё не забылась. Каждое утро после их «выезда» возвращались не все. Некоторые в мешках отправлялись на сжигание в карьер. Ужас этого больше не шокировал, как раньше, а лишь напоминал о том, что скоро меня постигнет та же судьба.

На самом деле чувства наши были взаимны: мне было жаль их за то, какой унижительной работой отработывали они своё существование, им – меня за то, что мой конец очевиден. Мы были в одной лодке, хоть и гребли по-разному.

С каждым днём, несмотря на усилия моих «помощниц», я уставала всё сильнее. Всё больше требовалось сна для восстановления сил. Лене приходилось по несколько минут трясти меня, чтобы разбудить. Я чувствовала себя плохо, похудела, начали выпадать волосы, ломаться ногти, под глазами появились темные круги. Как не ухищрялась Тамара, накладывая слои грима, лицо стало осунувшимся и неизменно усталым. Как не подкармливали меня в столовой лучшей едой, слабость в коленях и легкий тремор в руках стали постоянными моими спутниками. А ещё головная боль. Она была почти постоянной. С отчаяньем глядя на себя в зеркало, я понимала, что источник энергии для Алькальда иссякает, как и мои жизненные силы.

Больше всего удручало то, что мне никак не приходило в голову как продвинуться к своей цели: узнать хоть что-то о действии «ключа» в наш мир. Расспрашивать кого-либо я не решалась: Маргарита сдержала слово – внимательные глазки камер наблюдения преследовали меня повсюду, куда бы я ни пошла, с кем бы ни говорила. Я не знала, что предпринять и плыла по течению, теряя энергию, теряя надежду на спасение.

Но один из визитов к Алькальду «встряхнул» меня. В тот вечер Алькальд был особенно задумчив. Когда меня привели к нему, он махнул рукой на стул. Я села и стала ждать. Алькальд подошел к окну и долго смотрел куда-то в темноту. Повернувшись ко мне, он по обыкновению кивнул утвердительно головой, видя, что цвет энергии, которую он утвердил на сегодня и планировал забрать у меня – голубой. Энергия творчества была ему очень нужна, ведь его план требовал нестандартного мышления.

Алькальд встал за моей спиной, я закрыла глаза. Поплыли разноцветные круги, они превратились в голубые океанские волны и стали уноситься куда-то вдаль. Я погрузилась в транс. Когда я открыла глаза, была ещё ночь. Тело ныло, я была разбита. Алькальд сидел за столом и сосредоточенно смотрел в какие-то бумаги. Я вопросительно повернулась к нему.

– На сегодня всё, – спокойно проговорил он, не отрывая взгляд от документов.

– Что-то не так? – я старалась, чтобы голос не выдавал волнения или страха.

– В общем, всё ожидаемо. Срок службы «донора» несколько месяцев. Учитывая ваш большой выплеск энергии на поединке «доноров», Ваш расход энергии произошёл быстрее. Больше Вы мне дать сегодня не можете. Выпивать Вас до дна я не планирую, так что на сегодня мы закончили. Вас отвезут в лагерь. Постарайтесь усерднее восстанавливаться. В последующие несколько дней мне нужна будет энергия Вашей коронной чакры – фиолетовая. Вы мне её предоставите. В нужном мне количестве. В противном случае, я вынужден буду прервать наше взаимодействие.

Увидев мой ошарашенный взгляд, он примирительно добавил:

– Поймите, Вера, Ваш энергетический потенциал скоро будет исчерпан. Это печально, но неизбежно. Ваш потенциал был огромен и очень помог мне. Теперь, даже при Вашем искреннем желании, поток энергии будет иссякать. Мне его будет не достаточно. Вашу энергию можно подхлестнуть и достать, так сказать, силой. Но я этим не занимаюсь.

Я молчала и думала: «Как бы убедить его, что меня рано списывать, выиграть время?» Словно угадав мои мысли, он произнёс:

– Вера, Вы можете заплакать? Прямо сейчас. Подарите мне искренние и светлые слёзы. Может я недооценил Вас?

Я постаралась вспомнить что-то из прошлой жизни, что

раньше заставляло меня рыдать, но кроме щемящей тоски ничего не всплыло. Не было былой ярости, негодования или обиды, а только всепоглощающая усталость тела и ума. Слёз не было.

Он пожал плечами, как бы говоря: «Ну, я же говорил, что слёзы конечны», и опять погрузился в чтение. Я обреченно смотрела в окно. Вдруг у ворот КПП мелькнул фонарь: кого-то провожали среди ночи к Алькальду. Прошлый раз с ночным визитом приходил Марат. Я решила, во что бы то ни стало, узнать, зачем он пришёл. Я поднялась со стула, сделала несколько шагов к двери и со всем артистизмом, на который была способна, рухнула на пол, имитируя глубокий обморок.

Алькальд недовольно что-то проворчал, потом поднял меня с пола и отнес на свою кровать. В этот момент в дверь постучался солдат. Алькальд задернул занавеску, закрывая меня от неожиданного визитёра.

Вошёл Марат. Они сели к столу. Алькальд закурил. Сквозь занавеску были видны только их силуэты, но голоса были хорошо слышны. Я вся превратилась в слух, пытаюсь услышать что-нибудь, что поможет мне выжить.

– Половина дела уже сделана, я – верховный главнокомандующий и войска других Кантонов присягнули мне на верность. Их поддержка не оставит шансов их военначальникам: все они вынуждены будут признать новый порядок или умрут, – Алькальд горделиво выпрямился за столом.

– Может мне стоит зайти позже? Вы, верно, были заняты с Вашим «донором»? – Марат осторожно повернулся в поисках меня. Увидев задернутой шторку на кровати, он удивленно добавил:

– Вы решили перейти к получению энергии половым путём?

– Не говори глупости. Ты же знаешь, мне это не интересно. Пусть солдаты развлекаются со шлюхами, питаюсь низкими вибрациями. Для моих дел мне нужна тонкая энергия только высокого уровня. С этим начались проблемы: она быстро устает, мало отдаёт. Частота энергии недостаточна, чтобы закрывать мои потребности, так что скоро «донора» я намерен сменить. Теперь вот упала в обморок.

– Может, настало время, как вы обещали, передать её мне? Я сумею добыть у неё столько энергии, сколько способен вырабатывать её организм в принципе, – Марат говорил это так воодушевленно, что стало мерзко. Я сжалась. Он точно не будет церемониться, и разбитым носом я не отделаюсь.

– В этом нет необходимости. Она уже почти исчерпана. На две-три недели её хватит, потом отдам солдатам. Тебе же, дорогой друг, скоро не придется пользоваться моими остатками! Грядёт время перемен! Через три недели, когда мы осуществим переворот, когда изменим ход истории, ты сможешь притащить в наш мир для себя хоть целый гарем! У тебя будут все, кого ты пожелаешь! У меня будет столько «доноров», что я смогу жить вечно! Столько энергии, что од-

ним своим взглядом я смогу управлять волей целых народов! У моей армии будет столько «доноров», что они смогут не спать, не есть годами и верно служить мне и днём и ночью!

Алькальд встал, налил себе и Марату вина, поднял тост:

– За близкий неограниченный доступ к энергии! Как идёт подготовка? – деловым тоном добавил он.

– Наши войска готовы ко всему. Перевооружение новейшим оружием завершено. Однако, как мы и предполагали, остальные лидеры не готовы к изменению традиций по добыче энергии от «доноров» из другого мира. Они боятся силы, которую эта энергия даёт. Мои шпионы докладывают, что их полностью устраивает статус-кво, когда открывать порталы разрешено только четверым поверенным главнокомандующих, несколько раз в год и приводить в наш мир «доноров» только для лидеров.

– Это доказывает их неспособность управлять! Их недалёковидность, их страх! – Алькальд размашисто зашагал по комнате, резко взмахивая рукой, как на митинге – Мой дед был прав! Времена, когда энергию добывали от «доноров-детей», «доноров-женщин», даже от «доноров-мужчин» другого мира в неограниченном количестве – были золотыми для нашей цивилизации. Я верну это! Я снова разрешу открывать порталы неограниченное количество раз! Снова потекут «доноры» и их энергия наполнит избранных! Меня, мою армию, моих соратников! Мы станем непобедимы, и все покорятся нашей воле!

– Да, конечно, мой властелин, – заискивающе согласился Марат – Но для этого одной сильной армии недостаточно. Нужно быть уверенным, что наши противники не смогут больше сами получить энергию. Чтобы поставить их в большую зависимость от вас, чтобы они вынуждены были признать Вас нашим лидером пожизненно, нужно забрать у них остальные «ключи».

– Хочешь, чтобы все четыре «ключа» хранились у тебя? Может, и управлять всем хочешь ты? – угроза в голосе Алькальда заставила Марата стать как будто меньше ростом.

– Нет, нет, – он взял себя в руки и продолжал, – Меня устраивает моя роль «правой руки» Вашего превосходительства. Но оставлять «ключи» в других Кантонах небезопасно: могут возникнуть очаги сопротивления новому порядку. Если же все порталы будете контролировать Вы, шансов у бунтовщиков не останется!

– Это верно, – Алькальд развалился на стуле, – Моё положение должно быть непоколебимым! Мой авторитет – непрекаемым! Моя власть – абсолютной! Приказываю тебе добыть остальные граниты. Не позднее, чем через две недели, они должны быть в твоих руках. Тогда моя армия захватит резиденции остальных Кантонов, и я объявлю себя единственным пожизненным правителем всех территорий!

Я лежала на кровати и не могла поверить: как только все граниты окажутся здесь, совершится переворот по установлению абсолютной диктатуры! Неограниченные похищения!

Сколько людей из моего города, страны, мира станут «донорами» для поддержания этого ужаса? Дети! Он говорил, что планирует похищать и выпивать энергию детей! Комок застыл в горле. Я должна как-то это остановить! Но что я могу сделать? Мне самой жить осталось пару недель! Но это ещё не завтра. Нужно действовать! Что-то предпринять!

Мои размышления прервали: шаги к кровати, резко отдернулась занавеска. Я быстро закрыла глаза. Внезапный и сильный удар по щеке заставил меня почти подскочить. Алькальд стоял надо мной:

– Вам лучше? Не теряйте времени. Увидимся вечером.

Меня вытолкнули за дверь. Марата не было. Начинался один из немногих оставшихся мне рассветов. Он был тих и прекрасен.

Глава 26

Всю дорогу к лагерю я лихорадочно обдумывала подслушанный разговор. Время моё было на исходе. Наш мир стоял перед лицом нашествия «энергетических вампиров». Я не была героиней. Надежда на то, что мне удастся как-то повлиять на происходящее, была призрачной. Столько дней я ждала, что произойдёт важное событие, появится какая-то информация. И вот теперь, когда я узнала больше, чем мне полагалось знать, не могла представить, что с этим делать. Чувство бессилия накрывало. Очень хотелось поплакать, но выдавить хоть слезинку не получалось.

Нина, провожая меня к домику, недовольно заметила:

– Ты какая-то совсем помятая приехала. Случилось чего?

Я пожала плечами, мол, не понимаю о чём это она. Доверять я больше никому не могла. Когда остаток моей жизни переходил в счёте на дни, ошибок больше совершать было нельзя. Однако, одна я тоже в поле не воин. Я вообще не воин, а слабая изможденная и запуганная женщина.

Лена принесла мне завтрак. Она сидела напротив, смотрела, как я ем, наливала мне сладкого чая. Мне не верилось, что она дочь Марата – этого наглого подлизы, этого хладнокровного похитителя и, я уверена, убийцы многих людей. «Хотя последнее, видимо, всё же передалось», – подумала я,

вспомнив красивый свадебный торт. Поколебавшись некоторое время, я решила подключить её.

– Лена, я знаю, что Нина твоя мать. И я знаю, кто отец. Марат – правая рука верховного главнокомандующего. Марат, который выкрал меня из моего мира и приволок сюда, на съедение вашему «лидеру».

Она вопросительно захлопала глазами, не понимая, к чему вдруг я завела эту тему.

– Я сегодня ночью видела его у Алькальда. Он часто навещает тебя? – я постаралась придать своему голосу тон безразличной светской беседы.

– Он приезжает редко. Мы раньше жили с мамой у него. Потом он стал много работать, уезжать надолго и нас перевезли сюда. – Она помолчала. – Он подарки привозит. Но здесь никто не знает, что я его дочь, кроме Маргариты, конечно.

– Но если бы ты хотела его вдруг увидеть, он бы приехал к тебе? Допустим, если бы ты тяжело заболела? – я посмотрела прямо ей в глаза.

– Почему это я должна тяжело заболеть? – Лена непонимающе уставилась в пол. Ей этот разговор явно не нравился.

– Так он приедет? – не унималась я. – Чтобы помочь тебе. Свозить в госпиталь, например? Или у вас больных везут сразу сжигать в карьер?

– Не сразу. Лечат, конечно – Она запнулась, – Правда не всех... Я не понимаю...

– Лена, я могу тебе доверять?

Она с готовностью кивнула и заговорщицки улыбнулась: все девчонки любят секретники. Разговаривать при камерах было опасно, но я решила рискнуть. Мы вышли на крылечко и уселись на ступеньку. Я старалась аккуратно подбирать слова, чтобы девочка не решила, что я хочу её использовать.

– Лена, меня скоро не станет. Совсем. Ты уже хотела меня «спасти», по-своему. Я знаю, ты – добрая и не желаешь мне боли и страданий. Но сейчас речь не про яд. Понимаешь, там дома у меня есть близкие. Моя мама: она болеет. Она вот уже много недель не спит, не ест и ждёт, ждёт, когда же я вернусь. Моя сестра, мой любимый человек, мои друзья, коллеги по работе, даже соседи – все не знают, куда я пропала. Многие считают, что меня уже нет в живых, но самые родные никогда не перестанут меня ждать, понимаешь? Я не могу сгинуть здесь, чтобы они так и не узнали, что со мной произошло. Я не могу пропасть без вести как сотни или тысячи женщин до меня.

– Вы хотите сбежать?! – Лена дернулась, чтобы встать, но я мягко усадила её обратно.

– Нет, что ты?! Я смирилась. Тем более, я бы ни за что не стала подставлять под удар тебя или твою маму. Я всего лишь хочу отправить послание моей семье, чтобы они не горевали по мне, не ждали моего возвращения, не надеялись понапрасну.

– Но я не могу помочь Вам в этом. Я не знаю как. Но даже

если бы знала, это запрещено. – Она нахмурилась: ей не хотелось вмешиваться в историю, за которую ей потом точно попадет от Нины.

– О, я этого от тебя и не требую! – Моё лицо выражало искреннее изумление тем, что мои слова она поняла как подстрекательство к нарушению правил. – Я всего лишь прошу узнать у твоего отца, как работает «ключ» в мой мир. Если это не очень сложно, то я попрошу Марата или самого Алькальда отправить моё письмо родным. Но если это трудно, я сама не стану беспокоить их по такому поводу.

Звучало вполне убедительно, но я видела, что Лена колебалась.

– Он редко приезжает, я же говорила.

– А ты просто скажись нездоровой «понарошку» и он придет.

Она покачала головой:

– Если Маргарита узнает, она всех накажет.

– Она может мне и сама в этом помочь, ведь это гуманно выполнить последнюю волю умирающего, разве нет? Но она так занята. А ты сможешь увидеться с отцом. – Я начала сомневаться в том, что получится её уговорить и решила усилить напор. Склонившись к ней ближе, таинственно зашептала:

– Кроме того, хочу открыть тебе секрет: я знаю, что портал в наш мир открывать может Марат, но ты, как его кровная дочь, может, тоже имеешь влияние на гранит? Не хочешь это

проверить? Ты могла бы сама тогда открыть портал, могла бы зайти в наш мир и выбрать себе подружку, которую не придётся травить, своего личного «донора»?

Я поняла, что попала в точку. Глаза её загорелись:

– Это правда? Я тоже смогу выбрать, кого захочу? И не придётся отдавать?

– Нужно проверить, работает ли «ключ» в твоих руках. Если всё получится, папа не сможет тебе отказать. – Я лучезарно улыбнулась. Я видела, что победила. Конечно, Марат никогда не расстанется с гранитом, но если Лена окажется способной открывать портал, она мне поможет вернуться домой. Захочет она этого или нет.

Мы договорились, что она сейчас же пойдет и скажется больной. Я пошла спать. Мне вечером предстояло снова отдавать энергию. Я бы сама не отказалась, если бы вдруг кто-то решил поделиться со мной жизненной энергией: чувствовала себя препаршиво.

На следующее утро, когда я вернулась от Алькальда, Нина молча проводила меня до домика. Она была явно чем-то очень озабочена. Лены в домике не оказалось. Я очень надеялась, что у моей «сообщницы» получилось «заболеть», встретиться с Маратом. Может он уже рассказал или показал, как использовать гранит?

Вечером Лена не появилась. На следующее утро тоже. Я начала сильно переживать: время уходило, силы мои таяли, а она всё не возвращалась.

– Нина, а где Лена? – как бы, между прочим, спросила я, когда мы шли к пропускному пункту. Она сухо ответила:

– Занята она. Справляйся сама пока.

Я справлялась. Ожидание становилось невыносимым. Наконец, через долгие четыре дня, я по возвращении нашла Лену хлопчущей по дому. Она была как обычно тихая и услужливая. Я засомневалась, что она вообще выезжала за пределы лагеря.

Мы вышли на крыльцо. Я с нетерпением ёрзала, но решила первая не начинать расспросы. Лена стала подметать дорожку у домика.

– Тебе нездоровилось? – не утерпела я.

– Немного. – Она слегка улыбнулась.

– Теперь всё в порядке?

– Да, мне уже лучше. – Она присела рядом.

– Тебе удалось увидеться с отцом?

– Да. Он приехал и отвез меня в больницу. Там меня осмотрели. Потом мы поехали в наш старый дом. Представляете, там сохранилась моя детская комната?! Там мои старые игрушки, и книжки, и...

– Да, да, это прекрасно, – нетерпеливо и грубовато перебила я, – Но получилось что-то узнать про «ключ»?

– Ну, ... – она замялась, – Сначала он не очень хотел говорить на эту тему, но потом немного рассказал. Сказал, что скоро все «ключи» будут у него. Представляете, он сказал, что сделает мне потом мой личный «ключ»! Я, как Вы гово-

рили, смогу выбирать себе «доноров», много, сколько мне вздумается! Здорово, да?

– Да уж. А про свой действующий сейчас «ключ» он что-то рассказал? Может, давал тебе им воспользоваться?

– Да, он давал мне подержать какие-то часы, но ничего не произошло.

Я поникла. Она увидела, что я расстроилась и продолжила:

– Папа сказал, что гранит нужно полить кровью, чтобы он «запомнил своего хозяина». А потом вроде бы нужно ещё сказать какие-то слова...

– Какие слова? Ты не запомнила? – встрепелась я.

– Нет. – Она покачала головой, – Я Вам очень благодарна. Я очень хорошо провела эти дни! Вы попросите Алькальда, может он всё же разрешит отправить Ваше письмо?

– Может. Ты не забыла рассказать мне ещё что-нибудь?

Она опять покачала головой и вернулась к подметанию дорожки.

«Итак, «ключ» работает только от крови его единственного хозяина. Ещё какие-то слова, вроде кода активации. Это всё? Или есть ещё что-то? Бестолковая девчонка почти ничего не узнала полезного!», – сердито размышляла я, пока Тамара наводила мне красоту.

Я злилась на себя, что так понадеялась на то, что Лена сможет пользоваться гранитом; злилась на неё, что она не узнала больше информации; злилась на осторожного Мара-

та, который оказался не болтливый даже с родной дочерью.

Ярко-фиолетовое платье делало мою кожу ещё бледнее. Блеклые волосы никак не укладывались. Тамара с завидным упорством пыталась соорудить из них что-то напоминающее причёску. Вдруг на её руке мелькнуло что-то знакомое. Я схватила её руку и силой подтянула к себе. На тыльной стороне запястья причудливым шрифтом была выбита тату – фраза: *Cognito alium mundum*. От неожиданности она взвизгнула и отпрянула от меня, застыв с лаком для волос в одной руке и с плойкой в другой:

– Ты чего?

– Откуда эта фраза у тебя – громче, чем мне бы хотелось, вскрикнула я.

– Это тату показывает мою принадлежность к древнему роду. – В её голосе появилась непривычная высокомерность, – Сделали в день совершеннолетия, как всем детям в семьях, чьи предки восходят к временам основания Кантонов.

– Ты знаешь, откуда она или что значит?

– Откуда она не знаю. Означает: «Открываю другой мир».

– Открываю другой мир? Это про открытие порталов?

– Наверяд ли. Я всегда считала, что смысл этого – найти себя в чём-то необычном, познать неизведанное, что-то мотивирующее. – Она примирительно улыбнулась и вернулась к своей непростой задаче: сделать из меня ухоженную стильную леди.

«Нет, нет», – думала я, – «Это не может быть простым совпадением. Эта фраза была выбита на валуне под первым случайным порталом в наш мир. Тамара может не знать этого. Но ей, как наследнице важного чиновника, эту фразу доверили хранить на теле не случайно. Может именно эти слова нужно произнести, чтобы открыть портал? Как бы это проверить? *Cognito alium mundum...* Лена не может влиять на гранит, но может это и не нужно? Должен быть способ получить «ключ». Пробраться в резиденцию, проверить портал: может кто-то прочитал мое послание?»

Я тяжело вздохнула: это было не намного реальнее, чем заявиться к Марату и силой забрать гранит у него. Мои размышления прервал нетерпеливый стук в дверь. Нина пришла, чтобы проводить меня на «работу».

Глава 27

«Донорство» с каждым днём отнимало всё больше сил. Сильная усталость стала постоянной. Не помогал ни сон, ни пища. Ежедневные занятия по увеличению энергии, вроде чтения, танцев или формирования букетов, отменили. Теперь моей главной задачей, по всеобщему мнению, было продержаться в живых как можно дольше, чтобы принести Алькальду пользу. О моих потребностях или желаниях больше не беспокоились.

Всё это угнетало. Каждый мой визит в гарнизон мог оказаться последним. Я с ужасом проходила мимо казарм, где развлекались солдаты, понимая, что в один из дней меня не проведут к штабу Алькальда, а силой запихнут в одну из них, и начнётся ад.

Я постоянно думала, как попасть в резиденцию. Угон машины был заранее обречен на провал: весь транспорт управлялся из единого информационного центра.

Несколько раз пыталась ненароком выведать у Аллы Семёновны, откуда привозят продукты, или куда отвозят заболевших женщин, стараясь нащупать лазейку из лагеря. Но она только печально качала головой, неодобрительно хмурилась или просто указывала на свой электрический обруч, давая понять, что все мои расспросы плохо кончатся. Я отсту-

пала.

Тамара могла болтать без умолку о тряпках, макияже или сетовать на то, во что я превратилась за время «эксплуатации» Алькальдом, ведь теперь ей приходилось долго трудиться, чтобы сделать меня привлекательной. Но как только я начинала разговор о прошлых «донорах», о лагере или возможностях за периметром, она напускала на себя очень занятой вид и все разговоры тотчас же прекращались. Я не осуждала её: все чувствовали, что скоро моему пребыванию здесь придёт конец, и не хотели присоединяться ко мне.

Лена и Нина также старались не разговаривать и держаться максимально отстраненно. Думаю, Маргарита здорово «промыла им мозги» или запугала, но эффект был – они стали выполнять свои обязанности педантично и равнодушно ко всем моим попыткам разговорить их.

Я часами бродила по тротуарам лагеря, делая вид, что набираюсь сил на свежем воздухе. На самом деле не осталось ни одного метра забора, вокруг лагеря, который я бы не просмотрела на наличие повреждений или слабых мест. Как назло, забор был добротный, четырехметровый с колючей проволокой наверху и камерами наблюдения по всему периметру. К КПП я лишний раз приближаться не рисковала: у охранников с автоматами были строгие инструкции относительно контактов с жительницами лагеря, поэтому любое моё приближение к воротам без сопровождения Нины или попытка заговорить могло быть воспринято как попытка

к бегству, за чем, по инструкции, следовал расстрел на месте.

В последующие дни положение моё значительно ухудшилось. В одно из утренних моих возвращений от Алькальда Нина встретила меня, но повела ни к домику, а в сторону общих бараков. Я застыла с вопросительным выражением лица.

Она раздраженно повернулась:

– Ну, что застыла? Топай за мной!

– Я больше не живу в отдельном доме?

– Ты наблюдательна, – Она пошла вперед и продолжила – Маргарита решила, что тебе можно пожить и в общем бараке.

– Маргарита так решила? – не унималась я.

– Не совсем – сухо ответила Нина.

Мы вошли в помещение с тридцатью кроватями. Многие из них были не застелены. Отправлять женщин для насыщения солдат энергией стали почти ежедневно. Ездить стало больше «особей», возвращаться – меньше. Солдаты накапливали энергию, забирали всю, что могли получить, так что работы у местного крематория в карьере прибавилось.

Объясняли это тем, что военные усиленно готовятся к масштабным учениям. Я-то знала, что учения тут ни при чём. Готовился государственный переворот и главнокомандующий смотрел сквозь пальцы на то, что его армия без остатка иссушает местных «доноров».

Нина жестом указала мне на одну из кроватей.

– Лена не придёт? – желая расставить точки над «и» спросила я.

– Нет. Лене теперь незачем помогать тебе.

Она помолчала и, немного смягчившись, увидев моё затравленное выражение лица, добавила:

– Лене дано задание подготовить твой бывший домик к приезду новых доноров. Сразу для троих. Такого раньше не было, поэтому нам нужно кое-что переделать до того, как они появятся в лагере.

Она пошла к выходу, тяжело вздохнула, и то ли себе, то ли мне пробубнила: «Не люблю это. Всегда один конец. Мне жаль». Дверь со скрипом захлопнулась. Я лежала на твердой кушетке и вспоминала, как впервые оказалась здесь. Как представляла, что это ночной кошмар и с первыми лучами солнца он закончится.

«Скоро конец этому кошмару, так или иначе. Я так устала. Хочу, чтобы это закончилось», – как и в первый раз, усталость навалилась, и я заснула тяжелым сном.

Позднее меня ждал ещё один неприятный сюрприз. В столовой, куда я пришла на обед, за тяжелой бархатной шторой, отделяющей мой столик от остальных, ничего не было. Я некоторое время таращилась на пустой стол. Потом пошла искать Аллу Семёновну. Она на кухне перемывала гору посуды.

– Добрый день! Вы про меня не забыли? – стараясь перекричать шум льющейся воды и бряканье посуды, поздорова-

лась я.

Она оглянулась и улыбнулась мне полной жалости улыбкой:

– Верочка, дорогая, а я думаю: придешь – не придешь? – и натянуто засмеялась.

– Давайте угадаю: Маргарита приказала меня не кормить, верно?

– Нет, что ты?! Но, отчасти, ты права. Она приказала больше не выдавать тебе усиленное питание – вытирая тарелку, ответила Алла Семёновна.

– Так покормите меня чем-то не усиленным – обреченно согласилась я.

– Видишь ли, тебе теперь нужно есть со всеми остальными. Время обеда прошло. Тебя не было. Так что, осталось только немного хлеба и молоко – она виновато кивнула на хозяйственный стол.

– Спасибо, мне этого достаточно – я решила, что теперь я не в том положении, чтобы капризничать и съела всё, что осталось. Силы мне были нужны как никогда.

В примерной я тоже ждала, что моё привилегированное положение будет как-то ограничено, однако, этого не произошло. Тамара, как всегда, болтала о пустяках, наряжая меня для верховного главнокомандующего.

Уже перед воротами, когда я собиралась выходить из лагеря и садиться в машину, внезапно появилась Маргарита. Она жестом подозвала меня, чтобы охрана на КПП и Нина

не слышали того, что она собиралась мне сказать.

– Я всего лишь хотела официально попрощаться.

– Считаете, что больше меня не увидите? – мой голос предательски дрогнул.

– Нет, это я уезжаю. Ты в последние месяцы, сама того не осознавая, многое сделала для этого места. Удачи.

– Удача мне навряд ли пригодится, Вы же знаете? Иначе не стали бы выселять меня и отказывать в еде.

– Это не я – она выглядела оскорбленной, – Так приказал Алькальд. Я всегда относилась ко всем «донорам» и к тебе тоже с должным уважением. Ну, всего доброго.

Она развернулась на своих высоких каблуках и степенно удалилась куда-то в темноту лагеря.

Глава 28

Алькальд важно расхаживал по своей комнате, пока я сидела и ждала, когда мы приступим к передаче энергии. Он усиленно что-то обдумывал, потом шел к карте, разложенной на столе, что-то чертил, потом опять принимался ходить. Мои глаза закрывались: было далеко за полночь. Из казарм доносилась музыка и женские визги. Это было неприятно: липкий страх облизывал мой мозг.

Вдруг в окно я увидела, что по дороге к домику Алькальда, размахивая руками, бежит женщина. Лицо её было в крови. Раздалась непродолжительная автоматная очередь. Женщина упала. Я закрыла глаза. Сердце бешено стучало.

Алькальд, напротив, не обратил на произошедшее ни малейшего внимания. «Это потому, что такие вещи происходят здесь постоянно», – в оцепенении от ужаса думала я.

– Приступим? – он по-деловому обратился ко мне.

Я непонимающе посмотрела на него, потом промямлила:
– Да, конечно.

Отдавать энергию стало значительно труднее. Если раньше она текла ровным мощным потоком, то теперь была, как пересыхающий ручеек: слабая прерывистая фиолетовая струйка. Алькальд был раздражен и то и дело ругался, когда течение энергии прерывалось. Наконец, ему это надоело.

– Вера, мы были прекрасными партнерами, но я вынужден Вам сообщить, что данный визит последний.

– Что со мной будет? – бесцветным голосом поинтересовалась я.

– По протоколу, «донор» передается для завершающей операции по отдаче энергии – холодно отчеканил он.

– Почему меня нельзя вернуть домой? Это же в Вашей власти, стоит только приказать Марату? Я сделала то, чего Вы от меня хотели: отдавала Вам свою энергию: такую, как Вам было нужно, столько, сколько Вам было нужно. Я привела Вас к власти над Кантонами! Неужели Вы не можете ничего сделать для меня?

– К власти я пришел сам – высокомерно заявил Алькальд, – Вы сыграли свою роль в этом, но и без Вашего участия я бы получил это место рано или поздно. Что касается возврата в Ваш мир – это не практикуется по причине необходимости соблюдения конфиденциальности. О нашем мире никто не должен знать, иначе «доноры» не будут доставаться нам так легко.

– Я никому не расскажу! Да мне и не поверит никто! – горячо заспорила я.

– Но лучше не рисковать. Вы были мне глубоко симпатичны, Вера. Я был рад нашему сотрудничеству – Алькальд склонился над бумагами.

Разговор был закончен. В дверях показался солдат, чтобы проводить меня к машине, что везла в лагерь, или в фургон,

что отвезёт меня на костёр, или в казарму, где меня кинут на растерзание в толпу. Я в панике закричала:

– Пожалуйста, можно последнюю просьбу, умоляю!

Алькальд с досадой посмотрел на меня. Моя судьба его больше не интересовала.

– Прошу Вас, можно последнюю жизненную энергию у меня заберет Марат? – выпалила я, не совсем соображая, что несу, в попытке выиграть время.

Алькальд удивленно приподнял бровь:

– Что ж, просьба неожиданная, но выполнимая. Уводите!

Я удрученно поплелась за конвоиром. Мы прошли мимо трупа женщины, которую недавно застрелили. Её глаза были открыты: взгляд навсегда застыл, уставившись в небеса. У КПП мой провожатый сказал что-то нескольким солдатам, которые с любопытством глянули на меня и разошлись. Машина вернула меня в лагерь. Я не знала, выполнит ли мою «последнюю волю» Алькальд. Ясно было одно, что в этом мире мне остался только один день жизни, за который нужно было придумать, как спастись.

Нина не ожидала меня увидеть. Когда я столкнулась с ней утром на дорожке, ведущей к баракам, она остановилась и посмотрела так, будто видит впервые.

– Ты?

– Да, но я ненадолго. Вечером меня отдадут Марату. Хотите передать привет? – съязвила я и гордо прошествовала мимо, оставив Нину в недоумении.

В бараке былолюдно. Когда я вошла, никто не обратил на меня внимания. Все были заняты утренними процедурами и подготовкой к новому непростому дню: кому-то предстояло работать на огороде, кому-то в загонах с животными, кому-то предстояло готовиться «на выезд». Я не обращая внимания на их «мышиную возню» легла на кровать, поджала к груди колени, и попыталась представить, чем обернется для меня моё желание, чтобы Марат окончил мои страдания. Сна не было. По крайней мере, удалось выиграть время. Но что, если Алькальд передумает? Или Марат не согласится?

Перед глазами всплыло измученное лицо женщины из фургона, энергию которой вычерпали без остатка. Даже если мне предстояло погибнуть, пыток и мучений перед смертью я не хотела. Нужно было что-то предпринять. Поэтому я решительно поднялась с жесткого матраса и пошла в столовую.

Дверь была закрыта – время завтрака прошло, до обеда было ещё далеко. Я, не обращая внимания на камеры, стала колотить руками и ногами в дверь. Терять мне уже точно было нечего. Спустя пять минут ключ в замке с другой стороны нехотя повернулся, и в приотворенной двери появилось недовольное красное лицо Аллы Семёновны. Она была не рада меня видеть.

– Что ты шумишь? Еды на тебя сегодня нет, – она хотела закрыть дверь, но я затарабанила ещё сильнее.

– Мне не нужна еда! Я знаю, что у тебя есть кое-что. Это кое-что мне нужно. То, что ты сама давала Лене однажды,

чтобы «помогать» некоторым «донорам».

– Не понимаю о чём речь – не сдавалась Алла Семеновна, но напор её по закрыванию двери перед моим носом сошел на «нет».

– А я думаю, прекрасно понимаешь! И пока это понимаешь только ты и я, впусти меня! А не то о ваших махинациях узнает Маргарита!

Дверь приоткрылась, и я прошмыгнула внутрь. Алла Семёновна гневно уставилась на меня, скрестив на груди свои большие руки.

Я решила ослабить напор и примирительно добавила:

– Я ничего не скажу никому. Но жить мне осталось меньше суток. Меня обещали отдать солдатам, но я попросила, чтобы мой итоговый выплеск энергии получил Марат.

Алла Семёновна всплеснула руками:

– Вот откуда ты такая глупая взялась?! Да знаешь ли ты, что он делает с «донорами» до того, как наступит их смерть? Часами может поддерживать в них жизнь, до того бедняжка испустит последний вздох, и мучить, как кусок говядины!

– Я этого не знаю и не хочу узнать, поэтому я пришла к тебе за помощью.

Алла Семеновна сделала упрямое выражение лица:

– Снова здорово! Я ничем «донорам» помочь не могу. Ты это знаешь с первого дня. Я тебя выручила однажды, согласно нашей договоренности, но на этом всё!

– У тебя есть яд для мышей, крыс или для «доноров», ко-

торых особенно жалко Лене. Дай мне его. Я выпью его до того, как начнутся пытки. Никто не узнает, откуда он у меня. Пожалуйста!

Алла Семёновна устало опустилась на стул. Она о чем-то раздумывала, потом, глядя куда-то в стену, кивнула. Она неторопливо пошла на кухню, я последовала следом. Несколько минут она суетливо рылась в глубоком шкафу, но когда вынырнула оттуда, в руках было пусто.

– Вот незадача – бормотала она, – Я точно помню, что должно было остаться немного.

Она повернулась и пожала плечами: «ничего нет».

Я недоверчиво заглянула в перерытый шкаф, сама не понимая, что хочу там увидеть. Она потопталась:

– Ну что ж, видимо, мне всё же нечем тебе помочь, дорогая.

– Должно же быть какое-то средство, чтобы отрубиться! – не сдавалась я – Это чудовищно, что я должна сама беспокоиться о том, чтобы безболезненно уйти из жизни! Я – молодая, я жить хочу!

Повариха смотрела на меня сочувственно, но она видела десятки таких, как я, и ничего не могла поделать. Вдруг она что-то вспомнила и ушла в подсобку. Через минуту вернулась и вложила в мою ладонь несколько бесцветных горошин, так, чтобы на камерах это не было видно. Я вопросительно посмотрела на неё. Она только отмахнулась:

– Это не то, что ты хотела. Это снотворное. Я сама его пью.

Действует мгновенно. Одну выпьешь и спишь до утра. А вот ты выпей все, тогда будешь равно, что мертвая несколько часов. Да, и если спросит кто: ты не могла уснуть, вот я и дала.

Я благодарно кивнула:

– А теперь накормите меня, пожалуйста, а то я совсем без сил!

– Ничего нет! – её деловой тон не терпел возражений, – Да тебя и не приказано больше кормить.

– А Вы меня покормите не тем, что все едят, а тем, что домой припрятали. Ну же, один раз? Может последний? – я знала, что она уступит.

Алла Семёновна недовольно фыркнула:

– И откуда ты такая взялась?! Ладно, пойдём. Пусть мне моя доброта боком не выйдет.

Глава 29

Когда я вернулась в барак, женщины оживленно что-то обсуждали. Основных новостей было две. Первая: из лагеря пропала Маргарита. Это не было неожиданностью для меня, она сама сообщила о том, что больше не намерена здесь оставаться. Вот только остальным жительницам лагеря казалось, не без оснований, что она уехала тайком не к добру. Мне же было очевидно, что Алькальд, не будучи уверен в итогах своего захвата власти, решил спрятать свою сестрицу в безопасном месте.

Вторая новость была удивительна тем, что было непонятно, откуда её узнали внутри лагеря те, кому запрещен выход за периметр. Несколько часов назад произошли вооруженные восстания в трех Кантонах. Их лидеры склонились перед верховным главнокомандующим и признали несокрушимую и вечную власть Алькальда над всей территорией. Переворот свершился. Женщины переживали за свою судьбу, не понимая, как произошедшее может отразиться на них самих и их близких в городе; кто-то молился; кто-то бесстрастно наблюдал. Мне оставалось только ждать, что будет со мной.

Чтобы не сидеть и не слушать утомительные пересуды и лицемерные восславления Алькальда, я направилась к Тамаре. Дверь во флигель была отворена. Тамары не было.

Несколько раз окликнув её, я решила, что она может быть в гардеробной и зашла внутрь. Там царил настоящий хаос, будто кто-то в спешке собирался и уронил всё, что только можно: кучи барахла и металлических плечиков валялись на полу; перемешанные пары обуви громоздились на полках, шкафчики раззявили свои пасти, будто выплевывая разноцветные платки, ремни и другие аксессуары.

Я в нерешительности остановилась. Понятно, что Тамара, в свете последних событий, тоже решила оставить лагерь. Вдруг взгляд мой зацепился за что-то очень родное и знакомое: в дальнем углу висела моя белая футболка и джинсы. Я была так рада, будто встретила старого друга. Я обняла свою футболку и почувствовала слабый запах любимой туалетной воды. От одежды пахло домом, пахло спокойствием и свободой, пахло счастьем и беззаботностью. Я переоделась. Хоть джинсы были в нескольких местах драные, а футболка в пятнах, я чувствовала себя как в самом шикарном наряде. Свои спасительные горошины со снотворным я аккуратно переложила в карман.

Я вышла из флигеля и потащила в сторону моего бывшего домика. Лена старательно красила бежевой краской перила на крылечке. Я помахала ей рукой и пошла за дом, где устроилась на качелях. Не знаю, сколько прошло времени, по-видимому, я задремала, когда меня окликнула Нина. Она поманила меня рукой и молча повела к воротам. Перед КПП Нина смешалась и неловко обняла меня. Может, где-то в глу-

бине души, она прониклась ко мне симпатией, но долг стоял у неё на первом месте, а ещё безопасность и благополучие её дочери. Это я была способна понять и была не в обиде, что она, сама попав в этот ад из нашего мира, не сделала для меня больше.

Машина была пуста. Я залезла на заднее сиденье и приготовилась съесть всё снотворное, если машина привезёт меня к гарнизону. Но машина, доехав до развилки, повернула в город. Я даже слегка подпрыгнула от радости на заднем сиденье: меня везли в резиденцию! Два вооруженных до зубов мордovorота провели меня в уже знакомую мне комнату ожидания для «доноров».

Сердце бешено билось. Я прекрасно помнила путь до кабинета с открытым порталом. Нужно было туда попасть. Я выглянула в коридор – прямо напротив двери, на диване, расположились два солдата. «Охраняют в этот раз», – приуныла я, но решила не сдаваться раньше времени.

На город опускалась темнота. Я ходила из угла в угол, как тигр в клетке, не зная, что предпринять. Вдруг дверь открылась, мне скомандовали «на выход» и повели по коридору в один из дальних кабинетов.

Марат был в прекрасном расположении духа. Он радостно приветствовал меня, будто не собирался убивать, усадил в глубокое кожаное кресло и предложил вина.

– Благодарю, мне не хочется, – моя рука через ткань кармана нащупала горошины снотворного.

– Как пожелаете, но хочу Вас предупредить, у нас долгая и полная интересных впечатлений ночь! – он налил себе вина и поставил бокал на широкий стол драгоценного дерева. – Вы в странном наряде. Это, случайно, не та одежда, в которой Вы попали к нам?

– Да, это одежда, в которой Вы меня похитили, чтобы выдавать, как корову, а затем убить, как десятки и сотни женщин до меня! Вы намерены играть со мной как кот с мышью, перед тем, как убить?

– Нет, это не игры. Алькальд забирает у «донора» только поверхностную энергию, не прилагая никаких усилий. Это быстрее, но, на мой взгляд, неэффективно. Мой многолетний опыт подсказывает, что энергия, которую «доноры» отдают добровольно не такая насыщенная, как та, которую забирают силой. Мы с вами начнем с самой первой чакры, отвечающей за ваше выживание и постепенно осушая центр, за центром, доберемся до корневой чакры, где хранится ваша жизнь! – он с предвкушением улыбнулся.

Я нервно сглотнула, Марат вдохновенно продолжал:

– Я был немало удивлен, когда Вы сами высказались за моё участие. Солдаты – бестолковы, они грубо перекачивают энергию половой чакры от шлюх в вашем лагере. Но я спешить не люблю, ведь только растягивая процесс можно ощутить весь смысл насыщения сторонней энергией. Понять разницу между тем, кто обладает властью и жертвой, между тем, кто отдаёт и тем, кто забирает!

Он был похож на безумного фанатика. Мне стало по-настоящему страшно. Ведь теперь его и Алькальда ничто не остановит! Остаются считанные часы до полномасштабного нашествия полчищ энергетических вампиров на наш мир.

– В лагере говорили, что теперь Алькальд – глава всех Кантонов, единственный суверен, обладающий неограниченной и бесконечной властью, это правда?

Марат злобно рассмеялся:

– Вот бабы! Мелют языками!

Он присел на подлокотник кресла и низко склонился прямо к моему уху:

– Вам, Вера, я могу открыть мой маленький секретик. Но сначала...

Он поднялся, подошёл к столу и нажал на какую-то кнопку. Все камеры в кабинете противно пискнули и отключились. Марат выглянул за дверь: «Свободны. Нас не беспокоить!». Из коридора донеслись шаги удаляющегося конвоя.

– Итак, мне просто необходимо поделиться с кем-то. Вы – идеальная кандидатура, так как Вам не суждено выйти из этой комнаты живой!

Он противно хихикнул. Подойдя к столу, ввел какой-то код, и из стола-сейфа вытащил три гранита в виде наручных часов. На ремешках двух из них запеклась кровь их бывших владельцев. Марат победоносно помахал ими в воздухе. Бросив их на стол, указал на свой гранит, блестящий полированной гранью у него на запястье.

– Знаете Вы, что это? Знаете, что это значит?

– Что Алькальд единственный обладатель «ключей» в мой мир?

– Алькальд? Почему Алькальд? – Марат горделиво выпятил грудь – Этот недоумок? Этот чванливый аристократ, который получил власть по наследству? Это я – единственный обладатель «ключей»! Остальные «хранители» мертвы. Только я смогу открыть портал! Значит, все «доноры» – мои. Алькальд может представлять себе, что переворот закончен, что он победил, но он ещё не представляет, какой сюрприз его ждёт! Я открою портал в Ваш мир! Я выпью столько энергии, сколько смогу! И тогда я вернусь и подчиню Алькальда своей воле! Ему предназначается роль всего лишь говорящей куклы. Править стану я! Я этого хочу! А я всегда получаю, что я хочу!

Марат одним глотком допил свой бокал и торжествующе ожидал моей реакции. Ему явно не хватало признания его гениальности!

– Почему же Вы здесь, со мной, а не осуществляете свой великолепный план? – осторожно начала я.

– Потому что, для того, чтобы открывать портал, мне не хватает сущей безделицы – Вашей энергии. Я столько сил потратил, отнимая эти «ключи», – он кивнул на стол, – Что переход через портал может плохо для меня закончиться. Но скоро это не будет проблемой!

Он решительно шагнул ко мне:

– Довольно разговоров, приступим!

Его руки сжались на моем горле. Я замотала головой в знак того, что хочу ещё кое-что сказать. Он недовольно разжал пальцы.

– Я хочу выпить... хочу выпить – прохрипела я.

– О, это дело! Выпьем за мой триумф! За мою хитрость! За мой ум и расчетливость! – провозглашал он, наливая два бокала.

Почти оцепенев от страха, я сняла туфель и кинула его в дверь. Марат обернулся:

– Кто это смеет нам мешать? – он был уже пьян и не понял разницу между звуком внутри и снаружи. Он пошел смотреть. Я молнией вскочила и всыпала все горошины снотворного в один из бокалов. Я не была готова умирать, но пыток боялась больше. Взяв оба бокала в руки, я повернулась к нему. Марат убедился, что в коридоре никого нет. Вернулся и, довольно посмотрев на свою «покорную» жертву, взял у меня бокал со снотворным. Я даже рта не успела открыть, как он одним залпом осушил бокал и швырнул его в сторону.

Марат схватил меня за горло и повалил на ковер. Я схватила его руки и попыталась оттащить от своего горла, но у него была железная хватка. Секунды казались вечностью. Когда я поняла, что сейчас потеряю сознание, он внезапно ослаб и всей массой рухнул на меня сверху. Я, с трудом дыша, выкарабкалась. Отползла на пару метров, закашлялась.

Через несколько минут сознание прояснилось. Марат ле-

жал на животе. Грудная клетка не поднималась. «Я его убила!», – подумала я, но тут же вспомнила, что Алла Семёнова обещала состояние, как у мертвого. С другой стороны, снотворное с алкоголем могли дать и более сильный эффект.

Я хотела оттащить Марата за стол, чтобы его не было видно, если кто-то вдруг решит заглянуть, но он оказался слишком тяжелым. Пришлось оставить всё, как есть. Понимая, что если остаться в его кабинете, меня рано или поздно обнаружат, я решила спрятаться где-нибудь.

Тут мне попались на глаза «ключи», которые так и лежали на столе. Я, недолго думая, один за другим одела их на свою руку. Подойдя к бездыханному телу Марата, вытащила его руку и стянула его браслет с гранитом. «Всё! Теперь я – единственный «хранитель ключей», – не без иронии подумала я. Осторожно выглянув в коридор, начала красться вдоль стены. Я прошла около двадцати метров, когда впереди, где-то на лестнице послышались голоса: кто-то поднимался. У меня оставались секунды. Возвращаться обратно было далеко. Глубоко вздохнув, я нырнула в ближайшую дверь, которая, к моему счастью, оказалась не заперта.

Глава 30

Кабинет, в который я попала, отличался роскошью обстановки: вокруг огромного стола для переговоров стояли массивные кресла с резными подлокотниками, обитые бархатом; от полировки поверхностей отражался свет хрустальных бра по периметру; на постаментах из разноцветного мрамора – дорогие вазы с цветочным орнаментом; на стенах – портреты каких-то важных военных. «Это переговорная», – догадалась я и порадовалась, что в данный момент она пуста. В коридоре голоса «прошли мимо» и затихли.

На руке в ряд красовались четыре гранитных шестиугольника – «часы без стрелок». Мне нужно было проверить их в работе. Я по очереди снимала каждый, водила кругами около себя, подбрасывала, махала, но всё было без толку. «Они должны быть с моей кровью», – я решительно стала искать, чем порезать палец. На столе в малахитовом канцелярском наборе нашла нож для разрезания бумаги. Полоснув по пальцу, на каждый «ключ» намазала свою кровь. Повторила манипуляции по возможному открытию портала. Эффекта не было. Я постояла в нерешительности. *Cognito alium mundum...*

Слова, нужны слова! Марат там, на Набережной, проводил рукой, на которой был гранит, словно протирал стекло. Я

тогда ещё приняла его за обезумевшего фокусника. Я встала с первым гранитом, провела рукой в воздухе, говоря слова: «Cognito alium mundum!», как героиня саги про волшебников. Но ничего не изменилось. Один за другим я пробовала все «ключи». Они не работали. В отчаянье я села на ковёр.

Может быть, гранит можно превратить в «ключ», зарядив своей кровью, своей энергией, только однажды? Вот почему хранители ключей обладали такой неограниченной властью: они могли не только открыть портал в наш мир, но и принести столько гранитов, сколько необходимо, и уже тут раздать их «верным» людям, чтобы они «активировали» их, превратив в личные ключи.

Я с ужасом поняла, что очень скоро Марата обнаружат, начнутся мои поиски. А когда меня обнаружат со всеми похищенными «ключами», хоть и не работающими, умереть быстрой смертью мне не дадут. Тут меня осенило: «Все ключи у меня! Марат говорил, что другие хранители мертвы. Если снотворное не усыпило его, а убило, то всё! Шансов попасть у Алькальда и его орды энергетических монстров в наш мир нет! По крайней мере, если я погибну здесь, другие не попадут в это отвратительное место!». Конечно, возможно, что Марат очнется ото сна, как ни в чём ни бывало, и что где-то есть ещё тайный запас гранитов для изготовления новых «ключей», но мне выяснять это было некогда. Нужно было придумать, как выбраться из резиденции.

Вдруг у двери послышались шаги. Я замерла. Дверь слег-

ка приотворилась: кто-то намеревался войти, но задержался, разговаривая с охранниками в коридоре. Я схватила грани-ты, раскиданные по полу вокруг, торопливо распахала их по карманам джинсов, и юркнула за тяжелую портьеру. Кто-то вошел в кабинет. Через штору было ничего не видно, кроме силуэта, который постоял у одного из портретов, потом дви-нулся к столу.

Дойдя до места у стола, где я сидела на ковре, человек нагнулся к полу и что-то подобрал. Я выглянула из-за занавески: мужчина в военной форме сидел на корточках ко мне спиной и рассматривал канцелярский нож с моей кровью, который я оставила на ковре. На шум он стал поворачивать-ся. Я так испугалась, что схватила первое, что попало под руку – массивную вазу, и с размаху ударила его по голове. Военный охнул и без сознания свалился на пол перед моими ногами. Удар пришелся в височную долю. Ковер начал про-питываться обильно шедшей темно-густой кровью. «Я его убила!», – я в ужасе отшатнулась к стене. Мужчина не дви-гался. Я взглянула в его лицо. Это был Алькальд.

«Что я натворила?», – сердце бешено колотилось. От вол-нения и вида крови голова закружилась: «Только не падай в обморок! Только не сейчас!», – я пересилила рвотный по-зыв, отошла к двери и припала лбом к массивному золоче-ному дереву.

«Что делать?! Что же делать?! Меня непременно схва-тят!», – я постаралась взять себя в руки, но это не удава-

лось. Я оглянулась: труп верховного главнокомандующего, а с недавнего времени, единственного и несменяемого лидера всех Кантонов, застыл в неестественной позе. Времени на раздумья больше не было. Собрал всю решимость в кулак, я открыла дверь и вышла в коридор.

Там было пусто, но я знала, что где-то недалеко проходил конвой и громко позвала:

– Кто-нибудь, подойдите, пожалуйста! Кто-нибудь!

Из рекреации дальше по коридору высунулись два солдата. Я поманила их рукой.

– В чём дело? Вы, почему здесь? – начал грозно один из них, подходя ко мне и лежа руку на автомат.

– Мне нужен провожающий – я старалась выглядеть как можно более обеспокоенной своей «проблемой». Это было не сложно: все нервы были на пределе.

– Дело в том, что я порезалась – я выставила вперед окровавленный палец, – и Алькальд послал меня привести себя в порядок. Я – его «донор». Вы проводите меня в дамскую комнату?

– Я знаю, кто Вы – солдат несколько расслабился, – Видел Вас на «поединке» прошлый раз. Но, я должен уточнить у самого главнокомандующего, – Он шагнул ко мне, намереваясь войти в кабинет.

Я решительно шагнула навстречу и зашипела:

– Пожалуйста, просто проводите меня скорее в туалет!

Алькальд в негодовании, что мы не можем начать передачу

энергии сию же минуту из-за этого маленького инцидента! Не нужно его злить!

Не дожидаясь реакции солдата, я прошла мимо него и направилась вдаль от переговорного кабинета по коридору. Солдат догнал меня и сказал:

– У нас тут нет «дамской комнаты», мужской туалет – прямо и направо. Идёмте.

Мы прошли мимо рекреации, где второй конвойный проводил нас подозрительным взглядом. Мой конвоир остался снаружи:

– Давайте поторопитесь! – он недовольно скривился.

В туалете никого не было. Напротив было окно, и оно было без решеток. Стараясь не создавать лишнего шума, я открыла раму. Ночь была лунная. Здание было освещено только с фасада. С этой стороны здания ровный лунный свет выделял неясные очертания. Со второго этажа прыгать было высоковато, но по счастью, внизу был мягкий газон и какой-то куст. Впереди метров тридцать лужайка, потом декоративная изгородь. Дальше ничего видно не было. Я на минуту застыла, уже готовая прыгать: «Куда бежать потом? Кто поможет? Где здесь искать помощи? Местные жители запуганы – никто не будет рисковать из-за сбежавшего «донора». Спасения ждать неоткуда. Разве только?" ...

В этот момент в коридоре раздался шум, мой охранник убежал туда, откуда доносились крики. «Видимо, нашли Марата или Алькальда», – поняла я. Медлить было нельзя. С

отчаяньем посмотрев вниз, и понимая, что вероятно совершаю самую страшную ошибку в своей жизни, я отошла от окна. Выглянула в коридор – никого. Я стремительно пустилась по коридору в сторону кабинета с порталом.

Вот я миновала комнату ожидания для «доноров», вот и рекреация, где прошлый раз спали пьяные военные, вот коридор и тяжелая дверь к изначальному portalу. Подбежав к камню с надписью «Cognito alium mundum», я сунула руку в портал. Пошарив там некоторое время, я наткнулась на что-то твердое. Схватив и вытащив это, я чуть было не зарыдала от радости – в моей руке серыми крапинками отливала порода гранит! Его нужно было полить моей кровью, чтобы гранит стал «ключом». Я решительно разодрала палец, который недавно порезала, и провела им по камню. Гранит стал почти горячим. «Cognito alium mundum!» – закричала я и провела рукой с камнем в воздухе. Гранит завибрировал, пространство стало подергиваться дымкой, но дальше ничего не происходило!

«Нужно выбраться отсюда! Попробовать ещё раз!», – я кинулась к окну. На нем были решетки. Значит, нужно скорее вернуться в туалет. Я бросилась в коридор. Вдалеке кричали, раздалось несколько выстрелов. Я побежала в сторону всеобщей неразберихи. Суматошно пробежали мимо двое военных, не обратив на меня внимания.

Забегая в туалет, я увидела, как из переговорной выбежал один из охранников резиденции. Он увидел меня, что-то за-

кричал и бросился в погоню. Я с разбегу вскочила на подоконник и выпрыгнула в открытое окно. Упала в куст, покатилась, неловко поднялась на ноги и, спотыкаясь, побежала к живой изгороди. Перемахнула через неё как раз в тот момент, когда из окна туалета вслед мне раздалась автоматная очередь.

Падая, обдирая колени и ладони об асфальт, крепко зажав в окровавленном кулаке кусок бесценного гранита, я бежала вдоль спящих улиц, вглубь жилых кварталов, туда, где темнота могла укрыть меня, а сзади нарастал шум погони: крики, выстрелы, рев заводимых машин.

Я сворачивала в какие-то дворы и проулки, сама не зная, куда бегу, надеясь, что впереди меня не ждёт тупик. Добежав до конца очередного темного переулка, между домами, я остановилась перевести дыхание. Мои преследователи были близко. Шли по пятам: они знали, что мне некуда деваться, старались окружить, зажать в тиски. Раздавались мужские крики: кто-то отдавал команды. Я рванула через дорогу, попав в свет фар преследовавших меня машин. Из машин сразу начали стрелять. Кинувшись вперед, через какие-то заросли, я оказалась на песчаном берегу реки. Машины засигналили, загудели друг другу о том, что я обнаружена. Все мчались на берег.

Я добежала до самой воды. «Ещё секунда и меня застрелят», – успела мелькнуть мысль. Я сделала широкий взмах рукой, в которой был зажат окровавленный гранит: «Cognito

alium mundum!», – закричала из последних сил, – «Cognito alium mundum!», «Cognito alium mundum!». Камень в руке завибрировал, воздух передо мной стал истончаться, лучи утреннего света стали проникать откуда-то с другой стороны. Я кинулась в этот свет, слилась с ним, лучи прошли сквозь меня и исчезли в пространстве за моей спиной, там, где остались выпущенные в меня пули автоматных очередей.

Глава 31

Жахангир Мирзаджанов из всех мест, где в течение длинного трудового дня ему приходилось убирать мусор, набережную любил больше всех. Каждое утро, с первыми лучами появлялся он с большим пакетом: собирал мусор из урн, подметал. В это утро было прохладно – октябрь вступал в свои права, давая тюменцам понять, что пора менять авторезину и теплее одеваться. Пролетали мелкие редкие снежинки. Набережная в этот час была пуста. Одинокий бегун, вышедший на утреннюю пробежку, скрылся вдали. Работа не ждала: Жахангир привычно переходил от одной урны к другой. Ветер с реки студил лицо.

Вдруг в нескольких метрах сзади послышался какой-то шум. Мужчина обернулся. На плитке лежала девушка. Она, видимо, была без сознания. Не понимая, откуда она могла взяться, Жахангир огляделся по сторонам: никого не было, чтобы позвать на помощь. Бросил мусорный мешок и подошел ближе. Она лежала на коленях, лицом вниз. В такой холод на ней была только футболка и джинсы.

Он присел рядом и слегка тронул её за плечо:

– Вам плёхо? Памагать?

Девушка вздрогнула и подняла голову. Она была очень измождена, как после продолжительной болезни: тусклые во-

лосы свисали прядями, черные круги под глазами, желтая кожа. Но глаза горели каким-то бешеным и живым огнем. Жахангир отпрянул – рука у девушки была вся в крови, в ней девушка сжимала увесистый булыжник.

Дворник недоверчиво отошел на пару шагов: «Мало ли, может сумасшедшая?». Он смотрел, как девушка трогала плитку, на которой сидела, потом внимательно огляделась вокруг и медленно поднялась на ноги. Жахангир уже было решил не связываться, может просто пьяная какая-то? Он повернулся, чтобы вернуться к работе, когда девушка слабым голосом спросила:

– Извините, я дома?

Он только пожал плечами, мол, кто его знает: дома ты или нет?

Она добавила:

– В Тюмени?

Он закивал. Девушка несколько секунд смотрела на него, потом опять огляделась вокруг. Потом она, ослабев, опять опустилась на колени и горько заплакала. Жахангир подошел ближе. Поднял девушку с плитки:

– Вам в тепло нужна. Забалеть здесь.

Девушка, продолжая плакать, обняла его:

– Я дома! Я плакать могу.

Он снял рабочую куртку и накинул на неё:

– Раз дома, не плачайте! Пойдемте! В тепло нужна.

Она, опираясь на его руку, сделала несколько шагов, по-

том остановилась, посмотрела на свою руку, в которой сжимала камень. О чём-то задумалась. Порывшись в кармане джинсов, девушка вытащила четыре ремешка, на которых были нанизаны какие-то плоские камни; подошла к бордюру, замахнулась и выкинула их в реку. Быстрое течение подхватило бывшие «ключи», проглотило, и понесло мутную осеннюю воду дальше.

Девушка положила свой камень в карман и подошла к дворнику. Жахангир проводил её по лестнице наверх. По улице Республики машины мчали людей по их важным утренним делам. Один из автомобилей остановился, водитель участливо спросил:

– Что-то случилось? Помочь?

Жахангир закивал. Усадил свою утреннюю «находку с набережной» в тёплый автомобиль. Девушка благодарно протянула ему куртку:

– Спасибо!

Он улыбнулся: чего там, ерунда!

Автомобиль увёз странную незнакомку. Дворник вернулся к работе. Горожане спешили на работу. В лучшем городе Земли наступил новый день.